

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2016 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: группа специальностей «Языкознание» (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philology: the "Linguistics" specialties group (10.02.00).

ISSN 2072-8379 (print)

2016 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псх. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 5. – 104 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

Редакционная коллегия серии «Лингвистика»

Ответственный редактор серии:

Ощепкова В.В. – д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Жирова И.Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О.И. – д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Левченко М.Н. – д. филол. н., проф., МГОУ

Скуратов И.В. – д. филол. н., доц., МГОУ

Гринев-Гриневиц С.В. – д. филол. н., проф., Белостокский университет (Польша)

Епифанцева Н.Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Пан Ке Ен – д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Латышев Л.К. – д. филол. н., проф., МГОУ

Туголукова Г.И. – к. филол. н., проф., МГОУ

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor; **I.V. Skuratov** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor of Philology, Professor, Bialystok University (Poland); **N.G. Yepifantseva** – Doctor

of Philology, Professor, MSRU; **Pang Gyo-Youn** – Doctor

of Philology, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea); **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor,

MSRU; **G.I. Tugolukova** – Ph. D. in Philology, Professor,

MSRU; **Cecil L. Nelson** – PhD in Linguistics, Indiana State

University (Terre Haute, Indiana, USA)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10A, Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6104); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. – 2016. – № 5. – 104 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26301

Index of the series «Linguistics» according to the union catalog «Press of Russia» 40713

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Борисова Л.И.</i> К ИСТОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА.....	6
<i>Ражева Е.С.</i> АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА.....	12
<i>Стекольников И.В.</i> НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО....	22
<i>Чернышова Л.А., Черникова Е.О.</i> ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	31

РАЗДЕЛ II ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Дубина Ю.Р.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРЦОГА И ГЕРЦОГИНИ КЕМБРИДЖСКИХ.....	45
<i>Климик В.А.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	52
<i>Руденко Е.С.</i> ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И ЕЁ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РОМАНЕ А. ВАЛЬЗЕР „AM ANFANG WAR DIE NACHT MUSIK“	59

РАЗДЕЛ III СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ощепкова В.В.</i> КОНЦЕПТ “DOWNUNDER” В АВСТРАЛИЙСКОЙ И НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНАХ МИРА.....	66
<i>Петришина Е.Ю., Антонова Ю.В.</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОВ EAST / ВОСТОК И WEST / ЗАПАД В ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	76
<i>Хухуни Г.Т., Осипова А.А.</i> ДЖ.Р.Р. ТОЛКИН В ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОГО ПЕРЕВОДА.....	90

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА	99
---	----

CONTENTS

SECTION I THEORY OF LANGUAGE

<i>L. Borisova.</i> SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION (HISTORICAL ASPECTS).....	6
<i>E. Razheva.</i> MAIN FIELDS IN THE STUDY OF LANGUAGE PHONOSEMANTIC SYSTEM. ANALYTICAL REVIEW.....	12
<i>I. Stekolshchikova.</i> I.I. SREZNEVSKIY'S NATURALISTIC CONCEPT OF LANGUAGE.....	22
<i>L. Chernyshova, E. Chernikova.</i> COMMON AND SPECIFIC FEATURES OF INTERNATIONAL ECOLOGICAL TERMINOLOGY.....	31

SECTION II GERMAN LANGUAGES

<i>Yu. Dubina.</i> LEXICAL AND PHONETIC CHARACTERISTICS OF DUKE AND DUCHESS OF CAMBRIDGE'S SPEECH.....	45
<i>V. Klimik.</i> SYNONYMIC VARIATION OF EVALUATIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH: COGNITIVE ASPECTS.....	52
<i>E. Rudenko.</i> TEXT-FORMING ROLE OF PARCELLING AND ITS STYLISTIC FUNCTIONS IN A. VALZER'S NOVEL „AM ANFANG WAR DIE NACHT MUSIK“.....	59

SECTION III COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>V. Oschepkova.</i> CONCEPT "DOWNUNDER" IN AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND WORLDVIEW.....	67
<i>E. Petrishina, Yu. Antonova.</i> COMPARATIVE ASPECT OF LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF CONCEPTS EAST AND WEST IN GLUTTONIC DISCOURSE.....	76
<i>G. Khukhuni, A. Osipova.</i> J.R.R. TOLKIEN IN THE HISTORY OF BIBLE TRANSLATION.....	90

SCIENTIFIC LIFE

TO JOHN RONALD RUEL TOLKIN'S ANNIVERSARY.....	99
---	----

РАЗДЕЛ I

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'255.2:6

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-6-11

К ИСТОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Борисова Л.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются пособия по научно-техническому переводу, разработанные нашими выдающимися учёными в области перевода, опубликованные в 30-е гг. XX столетия. В них обсуждаются основные положения научно-технического перевода, которые не утратили своей актуальности и в наше время. Изложены теоретические и методические принципы научно-технического перевода. Выделены основные трудности перевода и ошибки в переводах. Даны рекомендации по их устранению. Отмечены специфические особенности перевода – лексические, грамматические и стилистические. Описаны способы и методы достижения адекватности перевода.

Ключевые слова: научно-технический перевод, пособие, трудности, основы, принципы, способы, методы, теория.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION (HISTORICAL ASPECTS)

L. Borisova

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio Street, 10A, Russian Federation*

Abstract. The paper presents analysis of scientific and technical translation manuals written by our outstanding scientists and published in the 30s (XXth century). The manuals describe the fundamentals of sci-tech translation that are still valid nowadays. The basic theoretical and methodological principles are outlined. The main difficulties and errors in translation are described. A method to improve the quality of the scientific-technical translation is suggested. Specific characteristics (lexical, grammatical and stylistic) of this type of translation are pointed out. Ways and methods to achieve the adequacy of the scientific-technical translation are presented.

Key words: scientific and technical translation, manual, difficulties, fundamentals, principles, ways, methods, theory.

© Борисова Л.И., 2016.

Теория и методика научно-технического перевода (НТП) имеет свою историю и свои традиции, изучение которых позволяет более эффективно осмыслить существующие в настоящее время проблемы и осуществить соответствующие исследования и разработки [1]. Изучение теоретико-методического наследия ведущих отечественных переводоведов необходимо для успешной переводческой деятельности.

Первые научные разработки в области НТП обобщающего, теоретико-методического характера относятся к 30-м гг. прошедшего столетия. Они принадлежат отечественным учёным Я.И. Рецкеру, М.М. Морозову и А.В. Федорову [2; 3; 4].

К этим работам мы относим «Методику технического перевода» Я.И. Рецкера (1934), «Технику перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» М.М. Морозова (1932–1936) и «Теорию и практику перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык» А.В. Фёдорова (1932–1941).

Общие черты названных книг по НТП: широта и глубина охватываемых проблем, выдвижение теоретических положений и описание конкретных переводческих явлений, не утративших своей актуальности и в наши дни. Следует отметить, что рассмотренные ниже книги указанных авторов стали классическими работами, пережившими время, а их изучение будет способствовать дальнейшим исследованиям и разработкам переводческого инструментария, удовлетворяющего потребностям современной практики.

В своём пособии Я.И. Рецкер рассматривает широкий спектр перевод-

ческих проблем, начиная с обстоятельного анализа типичных ошибок и трудностей НТП, детально описывая процесс перевода, и заканчивая подробным рассмотрением вопросов организации переводческой работы (отбор материалов к переводу, форма и виды переводов, специализация переводчиков, повышение квалификации, рабочее место переводчиков, планирование, учёт и нормирование переводческой работы и пр.) [3]. Эти полезные замечания и рекомендации, касающиеся работы переводчика, не имеют аналогов в известной нам литературе по переводу. Предложенная Я.И. Рецкером методика оценки качества технических переводов и составленная им шкала оценки по количеству и качеству допущенных ошибок многие годы успешно применялись в практике переводческой работы.

Требования к полноценному (адекватному) переводу, сформулированные Я.И. Рецкером, относятся к основным требованиям для НТП. Основой для разработки методики технического перевода был анализ типичных ошибок и трудностей перевода. Автор констатирует, что «анализ этот позволил наметить рациональные методы работы, обеспечивающие полноценность перевода» [3, с. 8]. В своей работе Я.И. Рецкер одним из первых в теории и методике перевода дал определение адекватного перевода: «Полноценный перевод должен быть точным, ясным, сжатым и литературно грамотным» [3, с. 43]. Эти четыре критерия в книге подробно разъясняются. На первое место поставлено требование точности. Автор поясняет, что точный перевод не есть перевод буквальный и дословный. «Буквальный перевод, как

правило, – самый неточный», пишет автор [3, с. 44]. Требование точности, то есть точной передачи содержания оригинала, является определяющим для научно-технического перевода. Художественные достоинства научно-технических текстов читателя мало интересуют. Ему нужны сведения, информация. Поэтому в переводе эта информация должна быть передана предельно точно и ясно.

Ясность в переводе – второе требование, формулируемое Я.И. Рецкером: «Ясность и чёткость технического перевода, независимо от степени ясности подлинника, должны быть безусловным требованием» [3, с. 45]. Это требование диктует необходимость критического подхода в равной мере и к оригиналу, и к переведённому материалу. Неясности подлинника не должны переноситься в перевод. Двусмысленность в научно-техническом переводе должна исключаться. Характеризуя третье требование к переводу научно-технической литературы, Я.И. Рецкер приводит следующее образное сравнение: «Требование сжатости в отношении технического языка так же непреложно, как закон экономии энергии» [3, с. 45]. Как известно, пространственные изъяснения затемняют смысл изложения, а краткость и лаконичность кристаллизуют его. И, наконец, четвертое требование, предъявляемое к техническому переводу, – литературная грамотность, то есть соответствие нормам русского языка. Раскрывая это требование, автор отмечает, что литературно грамотным следует считать перевод, в котором отсутствуют формы и обороты, перенесённые из иностранного языка и чуждые языку перевода, поскольку они затрудняют

усвоение перевода. Сформулированные Я.И. Рецкером требования являются основными требованиями к научно-техническому переводу.

Книга Я.И. Рецкера неслучайно начинается с описания лингвистических трудностей перевода и переводческих ошибок. Они объявлены проблемой номер один в техническом переводе, и на их преодоление направлены все дальнейшие указания и рекомендации автора по организации переводческой работы. В разделе I «Типичные ошибки и трудности технических переводов» приводится классификация различных ошибок и даётся их подробное описание с приведением интересных и характерных примеров. Наиболее серьёзными в переводах были признаны ошибки терминологии и фразеологии, искажающие смысл подлинника. Бороться с такими искажениями следует путём подбора точного эквивалента иностранного термина и иностранной фразы. Следующими по степени серьёзности были отмечены дефекты, не искажающие, но затемняющие смысл, то есть приводящие к неясности, расплывчатости и растянутости перевода; также отмечалась необходимость учёта культурологических факторов. К специфическим трудностям, включающим проблемы технической терминологии с классификацией терминов по степени полноценности, были также отнесены вопросы передачи идиоматических выражений, переводы заглавий и особенности в применении математических знаков. Различные группы терминов выделяются и описываются автором с целью предупреждения переводчика о возможных ошибках и предложения способов их преодоления. Из теоре-

тических вопросов, рассмотренных Я.И. Рецкером, даются определение и характеристика буквального и дословного перевода. В книге формулируется логическая и наиболее рациональная, по мнению автора статьи, последовательность операций перевода.

Главная мысль, которая проходит красной нитью через всю книгу М.М. Морозова: «Перевод – это специальность, которая требует особого изучения». Учёный рассматривает перевод как лингвистическое явление, имеющее свои специфические особенности. Особое внимание уделено проблеме разнозначности слов (как терминов, так и их лексического окружения). Отмечено явление переосмысления слов, «изменчивая текучесть значений», вызывающая основные затруднения при переводе. М.М. Морозов даёт прекрасную характеристику терминологии в переводческом аспекте. В пособии подчёркивается, что «...огромное большинство <...> терминов <...> не специальные слова, но специальные значения, которые даже в самой технике не являются фиксированными и переливаются множеством вариантов», и даётся рекомендация «подходить даже к термину не как к самодовлеющей смысловой единице, а как к вечно изменчивому элементу контекста» [2, вып. 12, с. 4]. Эти положения могут служить руководством и для нынешних переводчиков. Автор подробно разбирает проблему передачи эмоциональных и образных элементов технического текста, рекомендует учитывать «характер образности», изучать её «методы и приёмы». Большое место в переводе занимает проблема выбора эквивалента. М.М. Морозов даёт конкретные разъяснения, каким

путём совершается выбор (анализ вещественного содержания слова, использование словарей для прояснения возможных вариантов значения, выяснение характеристик слова в контексте, приобретение умения быстро развёртывать лексические ряды и пр.). При подборе нужного переводного эквивалента рекомендуется связывать выбираемое слово с нашими знаниями и представлениями о нём, а также с другими словами синонимического ряда, возможного в данном конкретном случае, чтобы на их фоне дифференцировать нужный вариант значения. В книге дано обоснование специфики НТП по сравнению с другими видами перевода: в основе специфики – стилистическое общее технических текстов, которое необходимо учитывать прежде всего и которое базируется на специфическом поведении в них слов, на обнаружении и проявлении у них разных характеристик по сравнению с текстами других стилей.

В пособии А.В. Федорова большое внимание уделяется проблеме расхождения между языками и вытекающим из этого проблемам трудностей перевода [4]. В частности, анализируются «непередаваемые особенности» немецкого языка. Сложность и глубина рассматриваемых автором проблем буквально поражает, например, в разделах, посвящённых определению смысла слова, выбору слова в переводе, переводческой синонимии, методике работы над вариантами перевода и др. Уже в этой ранней работе по теории и практике перевода А.В. Федоров указывает на то, что в научно-технических текстах «встречаются те же слова, что и в разговорно-бытовой речи и в языке литературы, но некоторые из

них имеют здесь своё особое значение, не совпадающее с их обычным употреблением» [4, вып. 1, с. 28]. В пособии включён отдельный параграф под названием «Специальные значения слов в техническом языке» [4, вып. 11, §. 5], посвящённый описанию специфики слов-нетерминов в научно-технических текстах и особенностям их перевода, в котором приводятся примеры слов, относящихся к самым различным частям речи.

Рекомендации и практические советы, касающиеся пользования словарями, с разбором многочисленных примеров слов из текста, проверкой и сопоставлением их по словарям, а также указания относительно учёта информации контекста занимают особое место в пособии. Иллюстративные примеры очень яркие и полезные, надолго запоминаются и уже сами по себе являются своеобразной ступенью к овладению переводческими навыками. А.В. Федоров подробно анализирует отдельные лексические и грамматические средства, даёт конкретные рекомендации по их передаче в переводах, а также подчёркивает необходимость учёта всех языковых элементов в совокупности в системе целого. Автор в связи с этим пишет: «И, конечно, каждый рабочий приём или навык важен не сам по себе, а в связи со всей системой знаний, навыков, приёмов,

которыми владеет переводчик; важна всесторонняя работа над материалом, отношение к тексту не как к простой совокупности элементов, а как к целому, объединяющему их в общую систему» [4, вып. 8, с. 1]. Очень интересны наблюдения учёного о переводческой синонимии в НТП, касающейся не только слов и словосочетаний, но и предложений, которые как бы становятся антонимами по условиям данной конкретной фразы» [4, вып. 8, с. 7]. Ориентация выбираемых в переводе языковых средств на типичный способ выражения мысли в языке перевода – один из главных принципов в методике НТП.

Пособия Я.И. Рецкера, М.М. Морозова и А.В. Федорова 30-х гг. являются научно обоснованными, теоретически оснащёнными руководствами, систематизирующими и обобщающими опыт в области научно-технического перевода. Они строятся на учёте множества различных языковых и экстралингвистических факторов в работе переводчика и могут служить образцом научного описания проблем переводческой деятельности. Комплексный подход к проблемам НТП, выдвинутый учёными на заре развития отечественной теории и методики перевода, заслуживает самого пристального изучения, а также углубления и использования в наше время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисова Л.И. Пособия по научно-техническому переводу. М.: Тезаурус, 2008. 59 с.
2. Морозов М.М. Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский. Вып. 1–12. М.: Ин-яз, 1932–1936.
3. Рецкер Я.И. Методика технического перевода. М.: ОНТИ – Изд. НКТП, 1934. 86 с.
4. Федоров А.В. Теория и практика перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык. Вып. 1–12. М.: Ин-яз, 1932–1941.

REFERENCES:

1. Borisova L. Posobiya po nauchno-tekhnicheskomu perevodu. [Scientific-technical translation manuals]. M., Tesaurus, 2008. 59 p.
2. Morosov M.M. Tekhnika perevoda nauchnoi i tekhnicheskoi literatury s angliiskogo yazyka na russkii. [Methods of translating scientific and technical literature from English into Russian]. Vyp. 1–12. M., In-yaz, 1932–1936.
3. Retsker Ya.I. Metodika tekhnicheskogo perevoda. [Methodology of technical translation]. M., ONTI – Izd. NKTP, 1934. 86 p.
4. Fyodorov A.V. Teoriya i praktika perevoda nemetskoj nauchnoi i tekhnicheskoi literatury na russkii yazyk. [Theory and practice of translation of scientific and technical literature from German into Russian]. Vyp. 1–12. M., In-yaz, 1932–1941.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Любовь Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;
e-mail: kaf-perevod@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov' I. Borisova – doctor of Philology, professor, Moscow Region State University;
e-mail; kaf-perevod@mgou.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Борисова Л.И. К истории научно-технического перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 6–11.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-6-11

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Borisova. Scientific and technical translation (historical aspects) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 6–11.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-6-11

УДК 811.111:81'23

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ФОНОСЕМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Ражева Е.С.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих в современной фоносемантике представлений о соотношении звука и значения. Данное научное направление рассматривает понятие «звукоподражание» и «звукосимволизм» как два аспекта одного явления – звукоизобразительности, как основы происхождения и развития языка. В связи с этим производится анализ целого ряда исследований, затрагивающих эту тему. Более того, значимость этого явления рассматривается, начиная с первых попыток формулирования проблемы и заканчивая самыми последними работами в данной области.

Ключевые слова: фоносемантика, фоносемантическая система, звукоподражание, звукосимволизм, теории происхождения языка.

MAIN FIELDS IN THE STUDY OF LANGUAGE PHONOSEMANTIC SYSTEM. ANALYTICAL REVIEW

E. Razheva

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10a, Russian Federation*

Abstract. The article is a brief review of works devoted to the problem of the correlation between sound and word meaning. The problem is crucial for phonosemantics. This research area examines the concept of “onomatopoeia” and “sound symbolism” as two aspects of a single phenomenon – echonism as the basis of the origin and evolution of a language. According to that, an analysis of several studies concerning this topic is carried out. Moreover the importance of this phenomenon is regarded from the first attempts to formulate the problem to the most recent works in this field.

Key words: phonosemantics, phonosemantic system, onomatopoeia, sound symbolism, theories of origins of a language.

Как известно, соотношение звука и значения интересовало человека с древнейших времён. Так, первые попытки теоретического осмысления этой проблемы отражены в древнеиндийских Ведах.

Греческое языкознание интересовалось проблемой соотношения звука и значения. Учёные разделились на приверженцев теории «physei» (греч. «природа, отприродность») и «thesei» (греч. «по установлению»). Согласно первой теории,

основой номинации всех предметов в мире является природа самих предметов. Ярким сторонником этой теории считается Гераклит Эфесский. Согласно теории «thesei», между предметом номинации и самим названием предмета существует условная связь, то есть некое условное соглашение, никак не связанное с природой денотата [1, с. 7–28]. Сторонники второй теории – Демокрит из Абдер и Аристотель из Стагиры.

Древнегреческий учёный Платон полагал, что не существует абсолютной свободы в выборе слова (имени). Эта свобода «ограничена свойствами предмета и свойствами звуков речи» [7, с. 6]. Согласно Платону, звуки в языке бывают быстрыми, тонкими, громадными. И, соответственно, с этими звуками соотносятся быстрые, громадные и тонкие предметы окружающего мира. Например, лексема, называющая быстрый предмет, имеет в своём составе «быстрые» звуки, а в слове, обозначающем громадный предмет, присутствуют «громадные» звуки. Придерживаясь теории «physei», Сократ, передавая речи Платона, говорит о символизме звуков. Например, в греческом языке звук [p] передаёт движение, следовательно, большая часть слов с этим звуком относится к глаголам (ερεϊκεϊν «сокрушать», θρύττειν «крошить», κερματίζειν «раздроблять», ρύμβειν «кружить»). Приведём другой пример: звук [л] обозначает нечто мягкое и нежное, одновременно ласковое: *mel* – *мёд, любить* [7, с. 6–7; 1, с. 20].

По утверждению стоиков, «три (вещи) между собой сопряжены – обозначаемое, обозначающее и объект» [1, с. 69]. В их понимании обозначаемое – «... предмет, выраженный звуком, ко-

торый мы постигаем своим рассудком как уже заранее существующий» [1, с. 69], а под объектом они понимали внешний субстрат. В их теории идёт речь о звукоподражании, когда первые звуки подражали вещам, то есть стоики прослеживают связь между звуковым впечатлением и впечатлением, создающимся вещью.

В средневековый период проблема соотношения звука и значения имеет продолжение в дискуссии между номиналистами и реалистами. Приверженец учения номиналистов Пьер Абеляр полагал, что явления и предметы первоначальны и реальны, а на их основе затем возникают слова в качестве их названий. Согласно его концепции, реальны только предметы, а понятия о них создаются нашим сознанием. Представители учения реалистов (среди них Ансельм, епископ Кентерберийский) утверждали, что первоначальны слова и идея имени, а предметы и вещи вторичны. По их мнению, слова и понятия реальны, а предметы – их отображения [8, с. 107].

В Средние века и эпоху Ренессанса ведущая точка зрения в вопросе номинации остаётся за Аристотелем. В основе его теории фонетически немотивированное слово.

В теории русского языкознания на звукосимволизм опирается великий учёный М.В. Ломоносов: «Письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *e, и, ъ, ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность» [8]. Гласные *o, y, ы* передают гнев, бо-

лезнь, зависть, печаль. Твёрдые *к, п, м* и мягкие *б, г, д* предназначены для передачи ленивых и тупых действий, таких как конский топот и крик некоторых животных. Твёрдые *с, ф, х, ц, ч, ш* и *р* для «действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных» [10, с. 241]. Фонемы *ж, з* и *в, л, м, н* необходимы для обозначения ласковых действий и вещей. Учёный полагал, что «все подробну разбирать как трудно, так и не весьма нужно» [10, с. 241–242], аргументируя это тем, что каждый носитель языка вправе выбирать фонемы по своему усмотрению.

Придерживаясь концепции мотивированности, Вильгельм фон Гумбольдт определяет три вида обозначения понятий: 1) живописный: «подобно картине, изображающий зрительный образ предмета, язык воссоздаёт его слуховой образ», представляющий собой подражание, «подражать при этом всегда приходится нечленораздельным звукам»; 2) символический, основанный «на подражании не непосредственному звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим»; 3) аналогический, в основе которого лежит сходство звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий; наиболее продуктивный вид, так как строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами [6, с. 90–94]. Так, согласно концепции Вильгельма фон Гумбольдта: «в слове всегда наличествует двоякое единство – звука и понятия» [6, с. 90].

В дальнейших исследованиях учёные опирались на теории происхождения языка, которые получили развитие в последующие столетия. Это

такие теории, как: «звукоподражательная», «ономатопозитическая», «теория междометий», «трудовых выкриков», а также различные модификации этих теорий, в основе которых прослеживается соотношение звука и смысла.

В течение XIX столетия была разработана звукоподражательная (ономатопозитическая) теория происхождения языка, – «одна из теорий происхождения языка, согласно которой язык возник в результате того, что человек подражал звуковым (и незвуковым) признакам называемых объектов» [11]. Появившаяся в рамках концепции стойков в III в. до н. э., эта теория обрела новую жизнь в трудах Г.В. Лейбница. Согласно утверждению великого учёного, ономатопею можно отыскать в корневом языке [12]. С течением времени производные языки отдалялись от корневого и теряли свою звукоподражательность, становясь звукосимволическими.

Идея великого математика нам кажется достаточно целесообразной. С диахронической точки зрения, абсолютно все слова в языке мотивированы. Происхождение любого слова, в том числе его звукоподражательную основу номинации, можно проследить при помощи этимологических словарей. С другой стороны, если принять в расчёт диахронический подход к исследованию языка, найдётся довольно небольшое количество слов, отвечающих требованиям ономатопеи. Таким образом, можно согласиться с Г.В. Лейбницем, что корневой язык был звукоподражательным, а производные от него языки стремятся к звуко-символизму.

Учёные, работающие в рамках звукоподражательной теории происхож-

дения языка, дают довольно широкое определение звукоподражанию, то есть звукоподражание – подражание звука звуку (отражение в звучании слова звукового признака объекта-денотата) и подражание звука не-звуку (отражение в звучании слова какого-либо незвукового признака объекта-денотата), то есть одновременно, как собственно звукоподражание («трах», «ква-ква») и как звукосимволизм («бублик», «боб», «губа» – с губными звуками, характерными для обозначения чего-либо округлого, выпяченного) [11]. Однако у данной теории есть противники, критикующие её за «недооценку социальных условий возникновения языка и за абсолютизацию принципа звукоподражания» [11]. Таким образом, антагонисты этой теории пытаются опровергнуть роль явления звукоподражания в становлении и развитии языка и, более того, целиком вычёркивают явление звукосимволизма, как несуществующее.

Следующая теория происхождения языка, представляющая несомненный интерес, – теория междометий. Свои истоки она ведёт от эпикурейцев, идейных антагонистов стоиков. Теория междометий была выдвинута французским философом Ж.-Ж. Руссо и получила своё развитие в трудах немецких учёных Я. Гримма и Г. Штейнталя. Согласно этой теории, первые слова появились из междометий или непроизвольных выкриков, производимых на основе чувственного восприятия человеком окружающего его мира. Идея теории состоит в том, что слова появились благодаря чувствам, внутренним ощущениям, которые явились стимулом для развития языковых способностей. Таким образом, первоначаль-

на возникновения слов – одинаковое чувственное восприятие мира у всех людей. Однако в теории не отражается существование эмоционально неокрашенных слов, представляющих собой нейтральные обозначения предметов и явлений внешнего мира [16, с. 459]. По утверждению А.А. Реформатского, «данная теория предполагает наличие «человека без языка», который пришёл к языку через страсти и эмоции» [16, с. 459].

Одним из ответвлений междометной теории происхождения языка можно назвать теорию трудовых выкриков. Она нашла отражение в работах Л. Нуаре и К. Бюхера, вульгарных материалистов. В соответствии с теорией, в основе междометных выкриков лежат не чувства и эмоции, а мускульное напряжение людей, объединённых совместным трудом. Однако «ни одной функции, характеризующей язык, в этих «трудовых выкриках» обнаружить не удалось, так как они не коммуникативны, не номинативны, и не экспрессивны» [16, с. 460].

Рассмотренные теории основаны на том представлении, что человеческая психика, сознание и знания об окружающем мире едины. На основе этого представления возникло предположение об универсальной первоначальной звуковой оболочке слов у всех людей в одинаковой ситуации. Поэтому первая коммуникация между членами сообщества возникла благодаря звукоподражательным словам, междометиям и трудовым выкрикам, считающимся наиболее простыми по информативности. Более того, согласно теории «трудовых выкриков», изначально слова-звуки служили номинацией предметов и явлений, не воспринимаемых слухом.

Ещё одна теория происхождения языка, заслуживающая внимания – это жестовая теория. Её сторонники (Э. Кондильяк, Ж.–Ж. Руссо и В. Вундт) полагали, что язык произведен и бессознателен. Язык человека начинается с физических действий (пантомимы). Приверженцы этой теории выделяют следующие «мимические движения»: рефлексорные, указательные и изобразительные. Рефлексорные движения, порождённые чувствами, позднее преобразовались в междометия. Указательные и изобразительные движения, передававшие представления о предметах и их очертаниях, преобразовались в корни будущих слов. Что касается первых высказываний, то это были, по их мнению, глаголы без существительных и представляли собой слова-предложения: «светит», «звучит» [4; 5].

По утверждению Ж.–Ж. Руссо, жесты потеряли свою значимость и отпали с возникновением членораздельного языка. Ведь жесты имеют много недостатков. Например, во время работы, когда руки заняты, с их помощью трудно общаться, а общаться на большом расстоянии, в темноте или в плохой видимости вообще невозможно. В связи с этим звуковой язык вытеснил жестовый, но не полностью.

В качестве вспомогательного средства общения жесты всё же присутствуют в коммуникации. Паралингвистика изучает невербальные средства общения, к которым относятся жесты. Концепция В. Вунда о преобразовании жестов в звуковую речь нашла отражение в современной фоносемантике. Так, С.В. Воронин полагает, что звук находится в подчинении у жеста, поэтому «жест первичен по отношению

к звуку» [3, с. 137]. В качестве доказательства он акцентирует внимание на жестозвуковом (кинефоническом) характере первых детских слов.

Французский учёный Люк Бенуас подводит черту и обобщает все теории происхождения языка, выделяя четыре его источника. Первый – имитационный источник (иначе, звукоподражательная теория), второй – эмоциональный источник (междометная теория), третий – гармонический источник (звукосимволизм) и четвёртый – социальный источник (теория трудовых выкриков). По его мнению, язык родился из песен и хорового пения, сопровождающего мускульное напряжение [2, с. 21].

Мы считаем, что наиболее целесообразной теорией происхождения языка можно назвать «звукоподражательную теорию». Если рассматривать «междометную теорию» и «теорию трудовых выкриков», то в этих теориях полностью исключена основная функция языка – коммуникативная. Следовательно, эти теории не очень подходят для объяснения происхождения языка. Что касается жестовой теории, то нам кажется, что жест всегда подкреплялся словом, иначе его можно трактовать совершенно по-разному в одних и тех же ситуациях. Он может быть амбивалентен, он выполняет вспомогательную функцию передачи информации, а основная – всё-таки за словом. В то же время, звукоподражательные слова, как нам кажется, представляют базис любого языка и его первооснову. Номинация по звуку – самый простой способ наименования, с нашей точки зрения. В качестве доказательства мы приводим так называемый «детский язык», когда дети

вместо привычных слов используют ономотопы. Например, слово «машина» они очень часто заменяют на «бика», беря за основу номинации звук, который издаёт машина.

Продолжение диспутов о соотношении звука и значения возобновляется после появления труда Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», где автор склоняется к идее о произвольности языкового знака. Учёный полагал, что «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы подразумеваем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен» [17, с. 79].

Согласно мнению С.В. Воронина [3], явление мотивированности входит в разногласие с явлением произвольности языкового знака Ф. де Соссюра. Швейцарский учёный утверждал, что существует произвольность знака как произвольность отношения между означающим и означаемым внутри языкового знака. Под этим он понимал «произвольность» как немотивированность знака в целом (означающее плюс означаемое) по отношению к денотату, и соответственно, произвольность выходила за рамки языкового знака и даже за рамки языковой системы, то есть «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или <...> языковой знак произволен» [17, с. 79]. По его мысли, мотивированность представляет собой явление, при котором существует неразрывная связь между формой и содержанием, то есть мотивированность – это отражение свойств предмета в его номинации.

Теперь обратимся к звуко-символизму. По мнению О. Есперсена, прово-

дившего анализ фонемы *i* на примере нескольких языков, гласный *i* отражает такое значение слова, как «маленький» [19].

В современной фоносемантике выделяют два типа символизма: субъективный и объективный. Первый представляет собой выделяемую экспериментальным путём связь значений и звуков в сознании человека. Объективный – подобная связь в рамках того или иного языка [9, с. 22–32]. В субъективном символизме выявлены некоторые корреляции между понятиями и дифференциальными признаками фонем [там же]. Так, понятие «большой» ассоциируется со звонкостью, дрожанием, задним рядом, нижним подъёмом; понятие «маленький» ассоциируется с глухостью, латеральностью, передним рядом, верхним подъёмом, средним подъёмом. Сопоставительный анализ пятидесяти трёх языков показал, что звуко-символизм – явление относительное из-за того, что некоторые звуки обладают символическим значением лишь благодаря тому, что им противопоставлены другие звуки. Поэтому звуко-символические оппозиции не всегда совпадают с коммуникативными оппозициями в языке [9, с. 22–32].

Используя метод семантического дифференциала Ч. Осгуда и его шкал, А.П. Журавлёв продолжил исследование эмпирического звуко-символизма на основе звуков русского языка и построил индивидуальные и групповые семантические пространства [7]. Опорой расположения объекта в семантическом пространстве можно назвать его оценивание по набору биполярных оценочных шкал, противоположные полюса которых заданы с помощью

вербальных антонимов. Согласно разработанным Ч. Остудом трём базис-

ным оценочным семибальным шкалам:

«оценка»:	<i>хороший</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Плохой</i>
«сила»:	<i>сильный</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Слабый</i>
«активность»:	<i>активный</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Пассивный</i>

На основе оценки звуков в соответствии со шкалами, имеющими ассоциации с понятиями, такими, как «большой – малый», «высокий – низкий», А.П. Журавлёв устанавливает звуко-смысловые соответствия в русском языке. У каждого звука есть своё собственное место в смысловом пространстве шкал [7, с. 57–58].

Несколько позднее на основе этой методики получила развитие идея о звукоцветовой ассоциативности, понимаемой «как универсальный, национально обусловленный в языковом сознании и индивидуально функционирующий в тесте феномен» [15, с. 4]. В результате была создана звукоцветовая картина мира. Как показало исследование, каждая звукобуква ассоциируется у испытуемых с определённым цветом. Таким образом, большинство русскоязычных и англоязычных участников эксперимента сошлись во мнении, что звук **А** ассоциировался с красным цветом, **О** – с белым. В итоге, гипотезу об универсальности звукоцветовых соответствий можно считать верифицированной.

В современной лингвистике относительно новое научное направление – фоносемантика занимается продолжением исследования проблемы соотношения звука и смысла. Фоносемантика образована «на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов)» [3,

с. 21]. Рассмотрение звукоизобразительной системы языка происходит в панхронии. Один из ведущих ученых в данной области – С.В. Воронин обращается к звукоизобразительности как к основе происхождения языка. Более того, явления «звукоподражания» и «звукоимовизма» рассматриваются им как две стороны одного понятия – звукоизобразительности. Учёный анализирует не только отдельные фонемы и дифференциальные признаки, но и корневые модели типа CVC, VCC, CCV, VCV, обозначающие те или иные типы внешних звучаний. Учёный приводит классификацию ономастов (инстанты, континуанты, фреквенталии, их разновидности) [3, с. 21].

Концепция С.В. Воронина о примарной генетической мотивированности языкового знака находит дальнейшее развитие в работах А.Б. Михалева, в его теории «фоносемантического поля». Фоносемантическое поле – это «сложное системное образование с выделяющимися в нём ядром и периферическими зонами», которое «доводит лингвистическую проблему «форма–содержание» до логического завершения» [13, с. 5–14]. Учёный рассматривает значение системно, то есть в совокупности с другими значениями, которые он называет валентностями. Способность значения формировать множество связей он называет «поливалентностью», а сама совокупность этих свя-

зей получает название «семантическое гнездо» [13, с. 100–106].

Фоносемантическая система русского языка находит отражение в трудах С.С. Шляховой, которая называет эту систему «фоносемантической маргиналией» и вводит в научный оборот такие понятия, как фоносемантические маргиналии говорения, «подзывные» и отгоняющие лексемы [18]. В работах исследователя рассматриваются социолингвистические аспекты звукоизобразительной лексики [3; 14; 18].

Таким образом, мы считаем, что благодаря фоносемантике понятие «фонема» обрело новое звучание. В классическом языкознании она понимается как абстрактная единица, не имеющая самостоятельного лексического и грамматического значений, то есть обладающая формой, но не содержанием. В фоносемантике фо-

нема обретает содержание на основе звукоизобразительности.

Несмотря на то, что исследователи испокон веков спорили о мотивированности языкового знака: одни учёные считали его немотивированным (Пьер Абеляр, Ф. де Соссюр), другие (их большинство) всё-таки сходились на его мотивированности, – не вызывает сомнения существование явления звукообразительности, которое подтверждается разнообразными иконичными теориями происхождения языка. Как наглядно демонстрирует аналитический обзор многочисленных исследований, посвящённых соотношению звука и значения с древнейших времён и до новейших работ по фоносемантике, звукоизобразительность – универсальное языковое явление, сыгравшее ведущую роль в формировании языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Античные теории языка и стиля: антология текстов / под ред. О.М. Фрейденберг. М.: ОГИЗ Гос.соц.-эконом.изд-во, 1936. 340 с.
2. Бенуас Л. Знаки, символы, мифы. М.: Астрель, 2006. 160 с.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2009. 248 с.
4. Вундт В.М. Душа человека и животных: лекции проф. Гейдельберг. ун-та В. Вундта / пер. с нем. Е.К. Кемница. СПб., 1894. Т. 1–2. С. 155–169.
5. Вундт В.М. Индивидуум и общество: речь, произнесённая 23 апреля 1891 г., в день рождения короля саксонского Альберта, в Лейпцигском ун-те / пер. с нем. В. Вундт. СПб.: Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896. 36 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Раминашвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
7. Журавлёв А.П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
8. Краткий очерк истории философии / под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. 2-е изд., перераб. М.: Мысль, 1969. 790 с.
9. Левицкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги. Черновцы: ЧГУ, 1998. 130 с.
10. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. / Ломоносов М.В. Сочинения: в 10 т. Т. 7. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 996 с.
11. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения 10.05.2016).
12. Мерцалова Г.Н. К вопросу о происхождении языка: лекция № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://pool.tsput.ru/res/lang/yazykozni/jaz_zn_3.htm (дата обращения: 06.05.2016).

13. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: дисс. ... док. филол. наук. Пятигорск, 1995. 294 с.
14. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: монография. Пятигорск: ПГЛУ. 1995. 213 с.
15. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
16. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2008. 536 с.
17. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
18. Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Пермь, 2006. 41 с.
19. Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // *Linguistica*. Copenhagen: Levin and Munksgaard. 1933. P. 283–303.

REFERENCES:

1. Antichnye teorii yazyka i stilya: antologiya tekstov [Ancient theories of language and style: an anthology]. М., OGIz Gos. sots.-ekonom. izd-vo, 1936. 340 p.
2. Benuas L. Znaki, simvoly, mify [Signs, symbols, myths]. М., Astrel', 2006. 160 p.
3. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [The basics of phonosemantics]. 3rd ed. М., LENAND, 2009. 248 p.
4. Vundt V.M. Dusha cheloveka i zhitovnykh: lektzii prof. Geidel'berg. un-ta V. Vundt. T. 1–2 [The soul of man and animals: lectures by professor of Heidelberg University V. Wundt. Vols 1–2] / Transl. from German by K.E. Chemnitz. SPb., 1894. pp. 155–169.
5. Vundt V.M. Individuum i obshchestvo: rech', proiznesennaya 23 aprelya 1891 g., v den' rozhdeniya korolya saksonskogo Al'berta, v Leiptsigskom un-te [The individual and society: speech delivered on April 23, 1891, the birthday of king Albert of Saxony, Leipzig University]. SPb., Tipo-lit. A. Rabinovicha i TS. Kraiza, 1896. 36 p.
6. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. М., Progress, 2000. 400 p.
7. Zhuravlev A.P. Zvuk i smysl [The sound and the meaning]. 2nd ed., rev. & enl. М., Prosveshchenie, 1991. 160 p.
8. Kratkii ocherk istorii filosofii [A brief sketch of the history of philosophy]. 2nd ed., rev. М., Mysl', 1969. 790 p.
9. Levitskii V.V. Zvukovoi simvolizm. Osnovnye itogi [Sound symbolism. The main results]. Chernivtsi, CHGU, 1998. 130 p.
10. Lomonosov M.V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Sochineniya: v 10 t. T. 7 [A brief guide to eloquence. Works in 10 volumes. Vol. 7]. М.-Л., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 996 p.
11. LES: Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / pod red. V.N. Yartsevoi. [Elektronnyi resurs]. [LED: Linguistic encyclopedic dictionary / ed. by V.N. Yartseva. [E-source]]. М.: Soviet encyclopedia, 1990 URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (request date 10.05.2016)
12. Mertsalova G.N. K voprosu o proiskhozhdenii yazyka: lektsiya 3 [Elektronnyi resurs]. [On the origin of language: lecture 3 [Electronic resource]]. URL: http://pool.tsput.ru/res/lang/yazykozn/jaz_zn_3.htm (request date 06.05.2016).
13. Mikhalev A.B. Teoriya fonosemanticheskogo polya: diss. ... dokt. filol. nauk [Phonosemantic field theory: doctorate thesis in Philology]. Pyatigorsk, 1995. 294 p.

14. Mikhalev A.B. Teoriya fonosemanticheskogo polya: monografiya [Phonosematic field theory: a monograph]. Pyatigorsk, PGLU, 1995. 213 p.
15. Prokof'eva L.P. Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyi, natsional'nyi, individual'nyi aspekty: avtoref. diss. ... dok. filol. nauk [Sound-colour associativity in language consciousness and in literary text: universal, national, individual aspects: abstr. of doctorate thesis in Philology]. Saratov, 2009. 47 p.
16. Reformatskii A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction into linguistics]. 5th ed., rev. M., Aspekt Press, 2008. 536 p.
17. Sosyur F. de. Kurs obshchei lingvistiki [A Course in General Linguistics]. M., KomKniga, 2006. 256 p.
18. Shlyakhova S.S. Fonosemanticheskie marginalii v russkoi rechi: avtoref. diss. ... dok. filol. nauk [Phonosematic marginalia in Russian speech: abstr. of doctorate thesis in Philology]. Perm, 2006. 41 p.
19. Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // *Linguistica*. Copenhagen: Levin and Munksgaard. 1933. P. 283–303.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Разева Елизавета Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: razheva.elizaveta@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta S. Razheva – candidate of Philology, senior teacher at English philology department, Institute of linguistics and cross-cultural communication, Moscow Region State University;
e-mail: razheva.elizaveta@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Разева Е.С. Аналитический обзор основных направлений изучения фоносемантической системы языка // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2016. № 5. С. 12–21.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Razheva. Main fields in the study of language phonosemantic system. Analytical review // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2016. no. 5. Pp. 12–21.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-22-30

НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Стеколыщикова И.В.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических взглядов русского учёного И.И. Срезневского в свете натуралистической концепции языка. В статье рассматриваются следующие вопросы: язык как природное явление, связь языка и народа, связь языка и мышления, периоды развития языка, язык и диалекты, направления филологии, отношение И.И. Срезневского к А. Шлейхеру. Цель исследования – сравнить лингвистические воззрения И.И. Срезневского и других лингвистов-натуралистов XIX в. и доказать его принадлежность натурализму.

Ключевые слова: язык, лингвистика, натурализм, жизнь, мысль, слово, человек.

I.I. SREZNEVSKIY'S NATURALISTIC CONCEPT OF LANGUAGE

I. Stekolshchikova

Moscow City Pedagogical University

129226, Moscow, 2nd Agricultural passage, 4, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analyses of I.I. Sreznevskiy's linguistic views in the aspect of naturalistic conception of language. The article touches upon the following questions: language as a nature phenomenon, connection between language and people, language-thought correlation, periods of language evolution, language and dialects, branches of philology, the attitude of I.I. Sreznevskiy towards August Schleicher etc. The aim of the research is to compare linguistic views of I.I. Sreznevskiy and of other linguists-naturalists of the XIXth century and to prove that the scientist belongs to the school of linguistic naturalism.

Key words: language, linguistics, naturalism, life, thought, word, human being.

Статья посвящена рассмотрению лингвистической теории отечественного филолога-слависта, этнографа, академика Петербургской академии наук Измаила Ивановича Срезневского. Целью исследования является выявление натуралистических взглядов на язык И.И. Срезневского и сравнение их с натуралистической концепцией языка, представленной в трудах Августа Шлейхера, Фридриха Макса Мюллера, Эрнеста Ренана, Абея Овелака и Уильяма Дуайта Уитни. В этом состоит научная новизна и теоретическая значимость исследования. Статья имеет и практическую ценность, поскольку содержащийся в ней материал может быть использован в преподавании курсов теории языка и истории языкознания при проведении лекционных и практических занятий.

Начнем с того, что И.И. Срезневский, как и другие представители лингвистического натурализма, считает язык природным явлением: «Без решения этих вопросов невозможно уразумение законов, которым подлежит язык, как особенное явление природы» [2, с. 17]. В работе «Мысли об истории русского языка» (1849) он употребляет натуралистическую лексику в отношении языковых явлений: «... многие из них погибают, но многие остаются надолго, даже навсегда» [2, с. 18]. Сравним эту фразу с аналогичным высказыванием из работы «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1864) немецкого представителя лингвистического натурализма Августа Шлейхера: «В историческое время виды и роды языков постоянно исчезают и другие распространяются на их счет: для примера я упомяну только о распространении индогерманского племени и о вымирании американских языков» [6, с. 13].

Подобные явления (жизнь и смерть), по словам И.И. Срезневского, касаются не только языков в целом, но и отдельных языковых форм: «И мало-помалу всё, что могло жить в языке под условиями определённой формы, все оживляется и живет, подчинённое этим условиям...» [2, с. 19]; «Равнозначительные формы смешиваются в значении; из прежних форм образуются новые; другие погибают» [2, с. 21]. О том же говорит и французский натуралист Абель Овелак в своей работе «Эволюция языка» («L'évolution du langage», 1885). По его мнению, в языках постоянно происходят изменения, как и в любых других природных явлениях: «La variation est continue; les langues naissent, se développent, entre

en decadence, s'éteignent comme tous les êtres organisés» [8, с. 8]. Речь идёт, в том числе и о морфологических или лексических трансформациях, происходящих внутри языка.

И.И. Срезневский употребляет и биологические метафоры, сравнивая языковые явления с элементами природы: «Такое состояние языка, состояние переходное, можно в некотором отношении сравнить с состоянием человека при переходе от детства к возмужалости, от мужества к старости или с состоянием растения при переходе от семени к стеблю, от цвета к плоду» [2, с. 22]. Французский учёный Эрнест Ренан, частично разделявший идеи лингвистического натурализма, в свою очередь, допускал натуралистические метафоры по отношению к языку, особенно, в работе «О происхождении языка» («De l'origine du langage», 1859). По его мнению, язык можно сравнить с бутончиком цветка, который с самого начала является цветком, как бы медленно он не распускался. Язык точно так же является языком с момента своего возникновения, но потом подвергается существенным изменениям в процессе своего развития: «Bien qu'arrivé peu à peu à pleine évolution de toutes ses puissances, le langage fut intégralement constitué dès le premier jour; de même que dans le bouton de fleur, la fleur est tout entière avec ses parties essentielles, quoique ces parties soient loin d'avoir atteint leur complet épanouissement» [11, с. 16].

Для И.И. Срезневского характерно соотносить развитие языков с ростом человеческих организмов, что напрямую связывает учёного с лингвистическим натурализмом: «Да и те языки, которые продолжали развивать свои

формы, могли пойти различными путями в этом развитии. Так дети одного отца могут одни расти долго, другие – очень скоро перестать расти» [2, с. 105]. Подобные сравнения можно встретить и в вышеупомянутой работе Августа Шлейхера: «Языки представляют естественные организмы, которые происходили, возрастали и развивались независимо от воли человека по известным законам, потом точно так же старелись и умирали, представляя собою весь тот ряд явлений, который обыкновенно подразумевается под названием “жизни”» [6, с. 3].

Язык для И.И. Срезневского – «естественное произведение», изучать которое нужно теми же методами, что используются и в естественных науках (например, ботанике и зоологии): «Язык, как и народ, есть естественное произведение, удобно и правильно сравниваемое со всяким другим естественным произведением. Основные правила исследования разнообразия естественных произведений должны быть повсюду общи – в языкознании, как, например, и в зоологии или в ботанике» [2, с. 23]. Сравним эту идею с высказыванием английского натуралиста Макса Мюллера в «Лекциях по науке о языке» (“Lectures on the science of language”, 1861–1864) о том, что наука о языке, известная как сравнительная филология, принадлежит естественным наукам, поэтому метод её должен быть тот же самый, который применяется в ботанике, геологии, анатомии и других отраслях естественных наук: “I always took it for granted that the science of language, which is best known in this country by the name of comparative philology, is one of the physical science, and that therefore its method ought to be

the same as that which has been followed with so much success in botany, geology, anatomy, and other branches of the study of nature” [9, с. 23]. Похожую мысль можно найти и в «Эволюции языка» А. Овелака: “...l'étude du langage est du domaine des sciences naturelle” [8, с. 4].

Однако происхождение языка для русского учёного, в отличие от европейских натуралистов, – загадка: «Первоначальное образование языков – тайна, которая вскрывается очень медленно, более угадывается, чем сознательно постигается вследствие изысканий» [2, с. 17].

Как и другим представителям лингвистического натурализма, И.И. Срезневскому очевидна связь между языком и народом, говорящим на этом языке: «Народ выражает себя в языке своём. Народ действует, его деятельностью управляет ум: ум и деятельность народа отражаются в языке его. Деятельность есть движение, ряд движения есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке. Таким образом, изменяются народы, изменяются и языки их» [2, с. 17]. Американский натуралист Уильям Дуайт Уитни в работе «Язык, и изучение языка» (“Language, and the study of language”, 1867) тоже уделяет большое внимание исследованию взаимосвязи языка и расы, языков и этносов. Язык, по словам учёного, помогает извлечь огромное количество информации о народе, который на нём говорит, включая особенности характера, культурный уровень, умственные и физические способности и т.д.: “But language is also pregnant with information respecting races <...> it bears within itself plain evidences of mental and moral character

and capacity, of degree of culture attained, of the history of knowledge, philosophy, and religious opinion, of intercourse among people, and even of the physical circumstances by which those who speak it has been surrounded” [12, с. 8].

По мнению И.И. Срезневского, язык – это собственность всего народа: «Язык не принадлежит частному человеку, а народу» [1, с. 96]. Подобное суждение можно встретить и в работе «О происхождении языка» Эрнеста Ренана. Он утверждает, что язык – произведение общественное, а не индивидуальное: “Mais comme les langue appartiennent au peuples, qu’elles sont l’œuvre de la société et non de l’individu...” [11, с. 36].

Согласно И.И. Срезневскому, изменение народа ведёт к изменению языка. Эволюцию языка, однако, по мнению учёного, провоцируют не только внешние, но и внутренние обстоятельства: «И, как всё в природе, изменения эти происходят не только от одних внешних причин, но и от причин внутренних: язык изменяется, живя точно так же, как зерно, живя, изменяется в дуб» [2, с. 96]; «Дуб по внутренней причине делается дубом, и именно этим дубом, – то же должно сказать и о языке» [2, с. 100]. Интересно, что сравнение языка с дубом, растущим из крохотного желудя, характерно и для Эрнеста Ренана: “Du gland semé en terre sortira un arbre don’t les traits essentiels peuvent être décrits à l’avance. La chêne n’est pas inné dans le gland; mais le gland est ainsi organisé que le chêne en sortira infailliblement avec tous ses caractères naturels” [11, с. 38].

И.И. Срезневский принимает и популярную среди лингвистов натуралистического направления точку зрения,

что языки меняются с течением времени, начиная от примитивного состояния односложия: «Каждое слово стоит в языке отдельно; каждое слово есть само себе корень, несродный с другими. Слова коротки и не подлежат изменениям» [2, с. 18]. Сравним это описание односложных языков И.И. Срезневским, с аналогичным у М. Мюллера: “In the first stage, which is represented by Chinese, every word is a root, and has its own substantial meaning” [9, с. 332]. Иными словами, в таких языках «корни могут употребляться как слова, сохраняя свою полную самостоятельность» [1, с. 217].

Затем, согласно русскому учёному, языки проходят через период агглютинации к периоду флективности: «Слова отделяются от корней: корень слова, бывший доселе словом, может и остаться словом, но, кроме слов-корней, являются во множестве слова не корни, образованные из разных корней, слова определённые формально. В таком образованном слове сначала все части одинаково важны для определенности его значения, но постепенно одна часть делается главной, остальные сохраняют только придаточное значение. К одному и тому же главному корню прибавляются различные придаточные корни, как частицы определительные, как члены, обуславливающие смысл, выражаемый главным корнем, срастающиеся в нераздельные слова с теми словами, которые определяют» [2, с. 18]. У М. Мюллера эти этапы языка описываются следующим образом: сначала наступает период, в котором два и более корней срастаются для образования слов, причём один сохраняет свою самостоятельность, а другой превращается в простое окон-

чание: “two or more roots coalesce to form a word, the one retaining its radical independence the other sinking down to a mere termination” [9, с. 331]. После этого все элементы «срастаются» так, что ни один из них не сохраняет своей самостоятельности, и в языках становятся возможными фонетические искажения как в главном корне, так и в других элементах: “But the component parts began soon to coalesce, so as to form one integral word, liable in its turn to phonetic corruption to such an extent that it became impossible after a time to decide which was the root and which the modificatory element” [9, с. 337].

Шлейхеровские периоды развития языка (доисторический, когда язык активно развивается, и исторический, когда происходит распад языковых форм) трактуются у И.И. Срезневского как «период развития форм языка» и «период превращений». Первый период – это этап становления языка. Второй период – это фаза падения прежних форм и замены их другими формами, во время которой «...прежняя стройность форм языка расстраивается; новая стройность касается не форм, а самой материи, не материи языка, а его мыслей, им выражаемых» [2, с. 19]. А термин «упадок» он считает некорректным и полагает наилучшим наименованием второго этапа развития языка термин «превращение»: «Так как второй период истории языка обрисовывается всегда постепенным падением прежних форм, постепенным заменением их другими, заменением такими другими формами, которые не так неотрешимо спаиваются со словами, которых употребление не так произвольно, которые меняются, превращаются, – то его едва ли

можно назвать иначе, как периодом превращений» [2, с. 20] (орфография И.И. Срезневского). Более того, учёный полагает, что второй период – это этап развития языка, а не его «порчи»: «...хотя никак нельзя согласиться, что это порча языка, – напротив, скорее это развитие...» [2, с. 99].

Известный спор М. Мюллера и У.Д. Уитни о том, что первично, литературный язык или диалекты (М. Мюллер полагает, что диалекты должны были существовать до того, как объединились в литературные языки: «Как существовали семейства, кланы, союзы и племена прежде, чем была нация, так же существовали и диалекты прежде, чем был язык» [1, с. 134]; У.Д. Уитни утверждает, что диалекты возникают и развиваются путём постепенного отделения от основного языка, вплоть до полного разъединения и становления самостоятельными языками [12, с. 159]), ещё раньше решается И.И. Срезневским следующим образом: он допускает оба варианта развития событий. Так, в «Мыслях об истории русского языка» (1849) И.И. Срезневский пишет: «Язык не только до отделения народа от родственных народов, но и долго после остаётся наречием другого языка; потом сам дробится на наречия; каждое из этих наречий может в свою очередь образоваться в отдельный язык» [2, с. 22].

Более важным для анализа языка И.И. Срезневский считает вопрос о делении языка на книжный язык и язык народа: «Причины внутренние и внешние дробили язык народа на местные говоры и наречия. Так с течением времени должны были язык книг и язык народа отделиться один от другого довольно резкими особен-

ностями; и только вследствие иных благоприятных причин могли опять сблизиться хотя до некоторой степени в одно целое. Таким образом история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них – история языка простонародного и история языка книжного, литературного» [2, с. 38] (пунктуация И.И. Срезневского).

И.И. Срезневский называет филологию «человечной» (гуманитарной) наукой, изучающей духовную жизнь человека: «Филология, если понимать ее в настоящем смысле, наука по преимуществу человеческая, *humanior*: мы хотим знать человечество; а чтобы узнать его, важнее всего узнать его духовную жизнь, его мыслительность, следовательно, язык, потому что ни в чем так полно, так глубоко не выражается мыслительность и духовная жизнь, как в языке» [2, с. 94] (орфография и пунктуация И.И. Срезневского). Из этой цитаты мы видим, что И.И. Срезневский считает связь языка и мышления бесспорным фактом. Это согласуется с точкой зрения английского натуралиста М. Мюллера о том, что мышление не существует без речи (и наоборот): “it is impossible to use words without thought, as to think without words” [10, с. 76], “without speech no reason, without reason no speech” [10, с. 73].

И.И. Срезневский выделяет три направления филологии: статистическое, сравнительное и историческое. При этом сравнительное направление, по словам учёного, «выше направления статистического» [2, с. 94], т.к. оно сузило предмет изучения («определение сродства» языков внутри одного племени), но зато смогло узнать его глубже [2, с. 94–95]. Важнейшими деятелями

этой отрасли филологии И.И. Срезневский считает Вильгельма фон Гумбольдта, Франца Боппа и Августа Фридриха Потта. Историческое направление, по словам И.И. Срезневского, «...ещё более сузило предмет и ещё глубже проникло в него» [2, с. 95]. Оно позволяет сравнивать различные эпохи развития одного языка. Отец этого направления, согласно И.И. Срезневскому, – Якоб Гримм, а успешный его последователь – Фридрих Христиан фон Диц (основатель романского языковедения). Сам И.И. Срезневский тоже сосредоточился на последнем направлении: его труды, как известно, заложили основу исторического изучения русского языка.

Следует отметить, что Измаил Иванович Срезневский был лично знаком с классическим представителем лингвистического натурализма, немецким учёным Августом Шлейхером, уважал его исследовательские и человеческие качества: «На другое время откладывая сообщение других подробностей о А.Б. Шлейхере, считаю своей душевною обязанностью сказать, что он внушает глубокое уважение не только как учёный, но и как человек» [3, с. 118]. И.И. Срезневский восхищался его знанием русского языка, и подчёркивал это в личных беседах: «Вместе с тем Шлейхер усердно занимается изучением Русского языка, и успеваешь удивительно. «Мне нечего хвалиться дарованиями, у меня их нет» – говорил он мне; «но у меня есть железная воля, и с нею я достигаю всего, что найду себе нужным». С этою то железною волею Шлейхер в течение двух лет овладел Русским языком так, что не только читает Русские книги, но пишет и говорит по Русски лучше многих Немцев,

живущих в Петербурге по десятку лет» [3, с. 118] (орфография и пунктуация И.И. Срезневского).

В статье «О трудах доктора Шлейхера» И.И. Срезневский описывает все основные научные труды учёного, давая им высокую оценку: «Если мною нечаянно и пропущено что-нибудь из того, что доселе издано д-ром Шлейхером, то думаю такой пропуск не может умалить уважения к деятельности такого учёного, каков Шлейхер» [3, с. 250] (орфография и пунктуация И.И. Срезневского). И.И. Срезневский указывал, что Август Шлейхер унаследовал часть идей от других учёных (Вильгельма фон Гумбольдта, Франца Боппа, Якоба Гримма, А.Х. Востокова), но и сам много сделал для развития науки: «Нельзя не признать, что Шлейхер умело воспользовался тем, что приготовлено было в науке языкознания такими вожатаями, как Гумбольдт, и Бопп, Гримм и Востоков и их последователями, умел прибавить к сделанному много своего

(особенно в отношении к Литовскому языку), и в следствие этого занял между современными лингвистами почетное место. От его сил ещё свежих можно ожидать многого впереди...» [3, с. 250] (орфография и пунктуация И.И. Срезневского).

Подводя итоги исследования, мы можем заключить, что многие идеи Измаила Ивановича Срезневского, выдвинутые им уже к 1849 г. (т.е. раньше большинства других лингвистов-натуралистов), можно определить как натуралистические: отношение к языку как к природному явлению, применение естественнонаучных методов для исследования языка, мнение о постепенном развитии языков, начиная с периода односложия; а ряд его мыслей по отдельным вопросам коррелирует с идеями натуралистов А. Шлейхера, М. Мюллера, А. Овелака, У.Д. Уитни, Э. Ренана, например, вопросы о соотношении языка и мышления, языка и народа и т.п.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мюллер Ф.М. Лекции по науке о языке / пер. с англ. 2-ое изд., доп. М.: Либроком, 2009. 314 с.
2. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: КомКнига, 2007. 136 с.
3. Срезневский И.И. О трудах д-ра А. Шлейхера // Шлейхер А. Всеславянский словарь. М.: Книга по требованию, 2015. С. 117–253.
4. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. М.: Красанд, 2010. 120 с.
5. Срезневский И.И. Русское слово: избранные труды. М.: Просвещение, 1986. 176 с.
6. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. СПб: Типография П.А. Кулеша, 1864. 14 с.
7. Hovelacque, Abel. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
8. Hovelacque, Abel. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
9. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1871. 371 p.
10. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green and Co, 1871. 668 p.
11. Renan, Ernest. De l'origine du langage. 3-ème édition. Paris: Michel Lévy Frères, Libraires-éditeurs, 1859. 258 p.

12. Whitney William D. Language, and the study of language. London: Trubner and CO, 1867. 490 p.

REFERENCES

1. Myuller F.M. Lektsii po nauke o yazyke. [Lectures on the science of language]. Ed. 2nd, suppl. M., Librokom, 2009. 314 p.
2. Sreznevskii I.I. Mysli ob istorii russkogo yazyka [Thoughts about the history of the Russian language]. M., KomKniga, 2007. 136 p.
3. Sreznevskii I.I. O trudakh d-ra A. Shleikhera [On the works of Dr. A. Schleicher] // Shleikher A. Vseslavianskii slovar' [Schleicher A. Slavic dictionary]. M., Kniga po trebovaniyu, 2015. pp. 117–253.
4. Sreznevskii I.I. Ob izuchenii rodnogo yazyka voobshche i osobenno v detskom vozraste [On native language learning in general, and especially in childhood]. M., Krasand, 2010. 120 p.
5. Sreznevskii I.I. Russkoe slovo: Izbrannye trudy [Russian word: Selected works]. M., Prosveshchenie, 1986. 176 p.
6. Shleikher A. Teoriya Darvina v primenenii k nauke o yazyke [Darwin theory in language science]. SPb., Tipografiya P.A.Kulesha, 1864. 14 p.
7. Hovelaque, Abel. La linguistique. 3-ème éd. Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
8. Hovelaque, Abel. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
9. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1871. 371 p.
10. Müller, F. Max. Lectures on the science of language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green and Co, 1871. 668 p.
11. Renan, Ernest. De l'origine du langage. 3-ème édition. Paris: Michel Lévy Frères, Libraires-éditeurs, 1859. 258 p.
12. Whitney, William D. Language, and the study of language. London: Trubner and CO, 1867. 490 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стеколыщикова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского университета;
e-mail: vasilij333@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Stekolshchikova – candidate of Philology, assistant professor, associate professor at the department of English studies and Intercultural communication in Foreign Languages Institute of Moscow City University;
e-mail: vasilij333@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Стеколыщикова И.В. Натуралистическая концепция языка И.И. Срезневского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 22–30.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-22-30

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Stekolshchikova. I.I. Sreznevskiy's naturalistic concept of language // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 22–30.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-22-30

УДК 8

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-31-44

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Чернышова Л.А., Черникова Е.О.

Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация. На основе антропологического подхода исследуется экологическая терминология. На материале русской, английской, немецкой, испанской и французской экологической лексики выявляются интернациональные единицы. Проводится детальный анализ семантики интернационализмов в русском, английском и немецком языках. Исследование формы интернациональных терминов в вышеперечисленных языках дополняется анализом формы интернационализмов из испанского и французского языков. Устанавливается общее и специфическое в профессиональной языковой картине мира экологов, говорящих на разных национальных языках.

Ключевые слова: специальная лексика, интернациональный термин, экологический термин, языковая единица, когниция, профессиональная языковая картина мира.

COMMON AND SPECIFIC FEATURES OF INTERNATIONAL ECOLOGICAL TERMINOLOGY

L. Chernyshova, E. Chernikova

*Moscow State University of Railway Engineering
127994, Moscow, Obratsova Street, 9b9, Russian Federation*

Abstract. The article offers an anthropological approach to the study of ecological terms. International lexical units are singled out in Russian, English, German, Spanish and French ecological terminology. A detailed analysis of international words semantics is performed in Russian, English and German languages. The research of form of international terms in these languages is supplemented by the analysis of their form in Spanish and French. The paper reveals common and specific features in professional world view of ecologists speaking different national languages.

Key words: special vocabulary, international term, ecological term, language unit, cognition, professional language world view.

В языкознании конец XX в. ознаменовался изменением подхода лингвистов к изучению самого языка – на передний план выступил принцип человека в языке, согласно которому язык является связующим компонентом между духовной и социальной жизнью. Антропоцентрическая парадигма, укоренившись в языкознании, воздействовала на формирование и эволюцию таких направлений как антропологическая лингвистика и когнитивная лингвистика.

Опора на когнитивизм в терминологии обусловила появление когнитивного терминоведения, которое, с точки зрения В.М. Лейчика, выступает не одной из отраслей терминоведения, «а является закономерной ступенью развития терминоведения как нового направления в его истории» [9, с. 121].

В рамках вышеуказанных направлений впервые были сформулированы и получили дальнейшую разработку такие важнейшие для изучения языка науки понятия, как «научная картина мира», «научная языковая картина мира» [7], «профессиональная картина мира» и «профессиональная языковая картина мира» [13; 19], причём для изучения конкретных областей человеческой деятельности особую значимость приобрели исследования «профессиональной картины мира» (ПКМ) и «профессиональной языковой картины мира» (ПЯКМ). Если ПКМ представляет собой «содержательный инвариант научного знания в конкретной специальной сфере деятельности индивидуума», то ПЯКМ – это «профессиональная картина мира, выраженная средствами национального языка» [19, с. 100].

В настоящее время интерес к изучению профессиональной языковой картины мира в разных областях человеческой деятельности неуклонно растёт. Однако количество научных трудов, посвящённых подобного рода исследованиям, невелико. Следует отметить работы в области медицины [11; 13], железнодорожного транспорта [19], экономики [6]. Что же касается экологии, языковая картина мира этой отрасли знания ещё не становилась объектом исследования.

Следует отметить, что развитие экологии как науки и повышение её роли в обществе подтолкнуло лингвистов к изучению экологической терминологии (исследования английской экологической терминологии [1; 16; 8]; русской экологической терминологии [1]; немецкой экологической терминологии [14]), однако в этих работах предлагается традиционный подход к описанию терминов экологии в том или ином языке.

В настоящей статье нами предпринята попытка исследовать интернационализмы – «слова, встречающиеся в нескольких языках и характеризующиеся в той или иной мере фонетическим, грамматическим и семантическим сходством» [12, с. 64], как один из аспектов изучения языковой картины мира экологии в нескольких национальных языках – русском, английском и немецком языках.

Материалом исследования послужили единицы специальной лексики, существующие в английских, русских и немецких лексикографических источниках, учебниках и научных публикациях [1–30].

Проведённое исследование показало, что интернационализмы составляют значительную часть экологической терминологии во всех отобранных для исследования языках. Так, в русском языке доля интернациональных терминов составляет 31,51 % (1507 терминов из 4782 выделенных слов), в английском – 36,2 % (1670 слов из 4610), в немецкой – 30,7 % (1480 языковых единиц из 4823 немецких экологических терминов). Примеры терминов-интернационализмов в исследуемых языках представлены в таблице 1.

Таблица 1

Экологические термины-интернационализмы

Русский	Английский	Немецкий
энергия	energy	Energie
атмосфера	atmosphere	Atmosphäre
адаптация	adaptation	Adaption
температура	temperature	Temperatur
биота	biot	Biot
климат	climate	Klima
фильтр	filter	Filter
баланс	balance	Bilanz
некроз	necrosis	Nekrose
мутант	mutant	Mutant
нейстон	neuston	Neuston
морена	moraine	Moräne
виолент	violent	Violent
витализм	vitalism	Vitalismus
маквис	maquis	Maquis
маммология	mammalogy	Mammalogie
меланизм	melanism	Melanismus
мигрант	migrant	Migrant
микоз	mycosis	Mykose
микориза	mycorrhiza	Mykorrhiza
микроб	microbe	Mikrobe
мимекрия	mimicry	Mimikry
мицелла	micella	Mizelle
провинциальность	provinciality	Provinzialität
профундаль	profundal	Profundal
псаммон	psammon	Psammon
сестон	seston	Seston
силикоз	silicosis	Silikose
симптом	symptom	Symptom
синопсис	synopsis	Synopse
социализация	socialization	Sozialisation
стадия	stage	Stadium
стратификация	stratification	Stratifikation
сукцессия	succession	Sykzession
субстрат	substrate	Substrat
стресс	stress	Stress
таксон	taxon	Taxon
тайфун	typhoon	Typhoon
токсин	toxin	Toxin
бумеранг	boomerang	Bumerang
вариетет	variety	Varietät
альбедо	albedo	Albedo
альбинос	albino	Albino
альтерация	alteration	Alteration
амплитуда	amplitude	Amplitude

окончание табл. 1

амплификация	amplification	Amplifikation
анализатор	analyzer	Analysator
ассимиляция	assimilation	Assimilation
атол	atoll	Atoll
детерминант	determinant	Determinante
детрит	detritus	Detritus
диагноз	diagnosis	Diagnose
доминирование	dominance	Dominanz
дюны	dune	Düne
Пангея	Pangea	Pangäa
пандемия	pandemia	Pandemie
панспермия	panspermy	Panspermie
парк	park	Park
пелагиаль	pelagial	Pelagial
пигментация	pigmentation	Pigmentierung
планктон	plankton	Plankton
пластичность	plasticity	Plastizität
прерия	prairie	Prärie
седиментация	sedimentation	Sedimentation
секреты	secretion	Sekret
литораль	littoral	Litoral
генетика	genetics	Genetik
реактивность	reactivity	Reaktivität
реакция	reaction	Reaktion
реликт	relict	Relikt
рефлекс	reflex	Reflex

Интересно, что результаты исследования объёма интернациональных терминов в других отраслях знания свидетельствуют о гораздо меньшей доле интернационализмов в составе многих терминологий: так, в англоязычной железнодорожной терминологии доля интернациональных слов составила всего 5,7 % от общего числа всех исследуемых железнодорожных терминов [20]; немецкая терминология авторского права насчитывает порядка 17 % интернациональных слов от общего корпуса анализируемых языковых единиц [17]; в немецкой терминологии бионики процент интернациональных единиц составляет 24,3 % [21]. По-видимому, тот факт, что коли-

чество интернациональных экологических единиц значительно превышает объём единиц этого типа в других упомянутых сферах научного познания, объясняется как интегральным характером экологии, включающей в себя такие научные дисциплины, как биология и медицина, где основу терминологии составляют единицы интернационального происхождения [2; 10], так и стремлением экологов широко использовать греко-латинский фонд при номинации понятий экологии.

Выявив интернационализмы в трёх исследуемых экологических терминологиях, мы попытались определить, получают ли обнаруженные единицы однозначное осмысление в разных

языках, поскольку, как показали предыдущие исследования, интернациональные терминологические единицы могут полностью совпадать по объёму содержания; совпадать частично или не совпадать в объёме содержания. При анализе мы опирались на критерий дефинитивности, так как связь, существующая между единицей специальной лексики и её дефиницией, настолько прочна, что термин выступает полноценным членом данного типа лексических единиц при одном условии: если его сущность может быть выявлена, согласно требованиям данной научной области, в его точном научном определении.

Анализ материала показал, что подавляющее большинство экологических интернационализмов в исследуемых языках получает однозначное осмысление: в русском языке – 81,2 % единиц, в английском – 70,8 % и немецком – 70,9 %.

Так, термин *антисептик* находит следующее определение в экологическом энциклопедическом словаре И.И. Дедю: «*антисептик* – вещество, блокирующее размножение бактерий в организме» [3].

Схожее толкование данного термина мы находим в англоязычной специальной литературе, где “*antiseptic* – a substance preventing the reproduction of infectious organisms” [29, p. 26], а также в немецкой научной традиции: “*Antiseptikum* – keimtötendes Mittel” [27].

Согласно результатам проведённого сопоставительного исследования, однозначное осмысление получает такой экологический термин как *биота*. Российские специалисты номинируют данной лексической единицей понятие «исторически сформировавшейся со-

вокупности флоры, фауны и микроорганизмов, обитающих на конкретной территории» [4].

В англоязычной экологической научной традиции мы находим схожее толкование термина: “*biota* – plants and animals living together in a particular area” [22, p. 49].

В немецком языке экологическая терминологическая единица *Biot* передаёт аналогичное значение: “*Biot* – Flora und Fauna einer Region”.

Один из базовых экологических терминов *планктон* представлен во всех выбранных нами языках – *plankton* (англ. яз), *Plankton* (нем. яз), *планктон* (рус. яз). Как видим, формальная структура вышеуказанных языковых единиц полностью совпадает. Проанализируем, справедливо ли утверждать подобное в отношении содержательной структуры данной лексемы.

В русскоязычном экологическом словаре-справочнике представлено следующее определение термина *планктон*: «совокупность бактерий, растений, животных, медленно перемещающихся в толще воды и практически неприспособленных к самостоятельному движению на большие расстояния» [5]. Аналогичное толкование встречается в английской (*plankton* – “organisms existing in the water column, floating in flood” [23, p. 1097]) и в немецкой специализированной литературе (“*Plankton* – summarium der Organismen die mit fehlender oder nichtiger Lauf im freien Wasser schwimmen” [28]).

Как видим, обозначенные экологические термины получают идентичное понимание во всех трёх исследуемых экологических терминологиях. Судя по всему, это можно объяснить общностью подходов к исследованию

экологической отрасли научного знания, что свидетельствует о том, что русские, английские и немецкие специалисты используют аналогичные методы, способы и инструменты в процессе экологических разработок.

Особый интерес для предпринятого нами сопоставительного исследования интернациональной лексики в нескольких разносистемных языках представляют экологические термины, которые в данных языках совпадают на уровне морфологии и не совпадают на содержательном уровне. В русском языке число таких языковых единиц составляет 10,5 % терминов, в английском – 21,8 % слов и 18,9 % терминов в немецком языке. Это, в свою очередь, указывает на расхождения в языковых картинах мира английских, немецких и русских экологов. Например, термин *радиация* как в русском, так и в немецком языке имеет одно значение – «большое количество корпускулярной или электромагнитной мощности, энергии» [15, с. 216] (“strahlung, scheinbar von einem Punkt ausgehende Bewegung der Einzelteile eines Meteor-schwarms” [25]). Однако в англоязычной экологической терминологии эта терминологическая единица многозначна: “1. The emission and propagation of waves passing energy by means of space or some medium; 2. The energy passed by waves through space or some medium; 3. A flow of particles (electrons, neutrons, protons, α -particles, or high-energy photons, or a mixture of these)” [29, p. 332].

Проведённый анализ свидетельствует, что специальный термин *атмосфера* многозначен во всех трёх языках. Тем не менее, в каждом из анализируемых языков данная языковая единица получает идентичное осмыс-

ление только в первом значении: рус. – «газовая оболочка Земли» [15, с. 14]; англ. – “the air circling the Earth” [22, p. 32]; нем. – “Lufthülle der Erde” [26]. Касаемо дополнительного (второго) значения обозначенного термина, следует сказать, что русско-, англо- и немецкоязычные специалисты подошли к ним с разных позиций. Так, в русском языке термин *атмосфера* может также служить для номинации понятия «экологическая составляющая экосистемы, которая выступает в роли воздушного слоя почвы, подпочвы и над поверхностью почвы» [15, с. 14], в то время как англичане используют термин *atmosphere* при вербализации понятия “a unit of pressure” [22, p. 32], а немцы передают с помощью данного термина значение “Gashülle eines Gestirns” [26].

Как видим, интернациональный термин русского языка *атмосфера* совпадает со своим английским и немецким аналогом лишь в одном значении – *газовая оболочка Земли*. В отношении же второго толкования мы приходим к выводу о том, что русские, английские и немецкие специалисты-экологи подошли к нему с разных позиций: в представлении англичан, дополнительное значение термина *atmosphere* – «единица давления», тогда как российские специалисты предпочли понятие «экологический элемент экосистемы». Второе толкование языковой единицы *Atmosphäre* отличается от толкований и в русском, и в английском языках и звучит как «газовая оболочка небесного светила».

Сопоставительный анализ основного корпуса экологической лексики в русском, английском и немецком языках выявил расхождения в понимании русскими экологами по сравнению с

их британскими и немецкими коллегами в осмыслении другого экологического термина – *карантин*. Так, в англо- и немецкоязычной литературе мы встречаем идентичное толкование лексической единицы *карантин*: *quarantine* (англ.) – “the time when an animal, person, plant or ship just came in a country is held discreetly in case it has a serious illness, to permit the illness period to develop and so be defined” (промежуток времени, в течение которого животное, человек, растение или же корабль, только что прибывший в страну, содержатся отдельно на случай, если у него/неё имеется серьёзное заболевание) [24, p. 174]; *Quarantäne* (нем.) – «период времени, в течение которого человек содержится в изоляции, поскольку является переносчиком инфекционного заболевания или подозревается в подобном» (“der Verlauf, dass man Personen isoliert absondert weil seine Infektions-Krankheit haben oder weil man vermutet, sie vermögen eine haben”) [30].

В то время как в отечественной научной традиции языковая единица *карантин* многозначна и может обозначать как «пункт для осмотра лиц, судов и товаров, прибывших из местностей распространения инфекционных болезней или нежелательных видов организмов», так и «систему государственных или местных мероприятий, обеспечивающих предупреждение» [15, с. 103].

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что различия терминологических единиц специальной экологической лексики, проявляющиеся на содержательном уровне, являются указанием на несоответствия в мировидении и мышлении специ-

алистов-экологов, принадлежащих к разным этносам. Несответствия подобного рода наиболее отчётливо проявляются при анализе семантического развития конкретного термина определённой национальной терминологии, что вызвано наличием в том или ином языке своей собственной лексико-семантической структуры. В данном контексте закономерно возникает потребность в конкретизации значений каждого интернационализма с точки зрения национально-обусловленного восприятия.

Как показали исследования интернациональной лексики в других областях знания [20; 17; 21], расхождения в языковой картине мира разных этносов могут наблюдаться не только в различиях осмысления интернациональных терминов, но и в плане выражения, когда в определённой национальной терминологии вместо ожидаемого интернационализма мы сталкиваемся с термином национальным.

В результате проведённого сопоставительного исследования, было установлено, что расхождения в отношении формальной структуры специальных терминов экологии составляют в русском языке – 8,3 % единиц, в английском – 7,4 % слов, в немецком – 10,2 % терминов. В данном случае, когда выбор способа вербализации понятия в определённом языке продиктован национальным своеобразием, речь идёт о тех языковых единицах экологии, которые совпадают в плане содержания и не совпадают на формальном уровне (см. таблица 2).

При анализе формальной стороны терминов для более достоверных результатов исследования мы рассмотрели также единицы специальной лексики

из двух других европейских языков – французского и испанского. В табл. 2 можно увидеть, насколько последовательно функционируют интернациональные термины в цепочке из пяти европейских языков.

Таблица 2

Интернациональные и национальные экологические термины

Английский	Французский	Испанский	Немецкий	Русский
haven	havre	<i>puerto</i>	Hafen	гавань
mortality	mortalite	mortalidad	Mortalität	<i>смертность</i>
nature	nature	naturaleza	Natur	<i>природа</i>
wreck	avarie	avería	Havarie	авария
basin	bassin	<i>piscina</i>	Bassin	бассейн
fidelity	fidélité	fidelidad	<i>Treu</i>	<i>верность</i>
acid	acide	ácido	Acidität	<i>кислота</i>
cavern	caverne	caverna	<i>Höhle</i>	<i>пещера</i>
raticide	raticide	rodenticida	<i>Rattengift</i>	ратицид
plant	plante	planta	Pflanze	<i>растение</i>
anthelmintic	anthelminthique	antihelmintico	<i>Wurmmittel</i>	антигельминтик
limnology	limnologie	limnologia	Limnologie	<i>озероведение</i>
coloration	coloration	coloracion	<i>Farbe</i>	<i>окраска</i>
desertification	desertification	desertificacion	<i>Wüstenbildung</i>	дезертификация
irrigation	irrigation	irrigacion	Irrigation	<i>орошение</i>
irreversibility	irreversibilite	irreversibilidad	Irreversibilität	<i>необратимость</i>
glacier	glacier	glaciar	Gletscher	<i>ледник</i>
inertia	inertie	inercia	<i>Trägheit</i>	инерция
variability	variabilite	variabilidad	Variabilität	<i>изменчивость</i>
inanimation	inanition	inanicion	Inanition	<i>изнурение</i>
isolation	isolation	<i>aislamiento</i>	Isolierung	изоляция
morbidity	morbidite	morbilidad	Morbidität	<i>заболеваемость</i>
reserve	reserve	reserva	Reservat	<i>заповедник</i>
cape	cap	cabo	Kap	<i>мыс</i>
superspecies	super-espece	superespecie	Superspezies	<i>надвид</i>
saturation	saturation	saturacion	Sättigung	<i>насыщенность</i>
invasion	invasion	invasion	Invasion	<i>нашествие</i>
antidote	antidote	antidoto	Antidot	<i>противоядие</i>
sideration	sideration	<i>abono verde</i>	Gründüngung	<i>сидерация</i>
contractility	contractilite	contractilidad	Kontraktibilität	<i>сократимость</i>
bar	barre	barra	Barre	<i>отмель</i>
coast	cote	costa	Küste	<i>побережье</i>
fertility	fertilite	fertilidad	Fertilität	<i>плодовитость</i>
habituation	habituation	habitucion	Habituation	<i>привыкание</i>
pedogenesis	pedogenese	pedogenesis	Pedogenese	<i>почвообразование</i>
consumer	consommateur	consumidor	Konsument	<i>потребитель</i>
aborigine	aborigene	aborigen	<i>Eingeborene</i>	абориген
infanticide	infanticide	infanticido	<i>Kindesmord</i>	инфантицид

menagerie	menagerie	menagerio	Menagerie	зверинец
insectivore	insectivores	insectivoros	Insektivoren	насекомоядные
heredity	heredite	heredad	Heredität	наследственность
irritability	irritabilite	irritabilida	Irritabilität	раздражимость
arboretum	arboretum	arboretum	Arboretum	дендрарий
pasture	pature	pastos	Weide	пастбище
density	densite	densidad	Densität	плотность

Как можно видеть, в некоторых национальных терминологиях мы сталкиваемся с отличным в плане формального выражения экологическим термином. Вполне очевидно, что, несмотря на присутствие в национальном обыденном языке соответствующей интернациональной языковой единицы, специальное понятие в экологической терминологии вербализируется не интернациональной единицей, а термином, который в большей мере соответствует профессиональному восприятию нации [20, с. 55].

Например, понятие «прибрежная зона водной территории, защищённая от течений, волн, ветра искусственным или природным способом» в русском, английском, немецком и французском языках вербализируется термином *гавань* (< лат. *hāven*) – *haven* (англ.) – *Hafen* (нем.) – *havre* (фр.). Что касается испанского языка, предпочтение было отдано национальному термину *Puerto* (del lat. *portus*).

Рассмотрим другой пример. Интернациональный термин *nature*, номинирующий понятие «многообразие мировых форм», употребляется в английской, немецкой, французской и испанской экологических терминологиях. Тем не менее, российские специалисты подошли к вербализации понятия «многообразие мировых форм» с позиций национального мировидения, обратившись к национальному термину

природа, хотя слово *натура* было заимствовано в русский язык из латинского, где *natura* 'природа' – суффиксальное производное от *natum* 'рождённое' (от *nasco* 'рождаюсь'), ещё в XVI в.

Экологический термин *cavern* последовательно используется в испанском, французском и английском языках для обозначения следующего понятия – «подземное углубление верхнего слоя земной коры, которое выходит наружу земной поверхности через один или несколько проходов». Несмотря на то, что языковая единица *Kaverne*, заимствованная из латинского, присутствует и в немецком языке, употребляется она преимущественно в медицинской терминологии. Для номинации же специального экологического понятия «подземное углубление верхнего слоя земной коры, которое выходит наружу земной поверхности через один или несколько проходов» немецкие исследователи используют национальный термин *Höhle*. Интересно, что таким же образом поступили российские специалисты, обратившись для вербализации выше обозначенного понятия к национальной языковой единице *пещера*, которая восходит к старославянскому языку (от искон. *печора*), где оно выступает суффиксальным производным от «пешть» ('печь', 'печка'). В буквальном смысле *пещера* имеет значение «похожая на печь» [18].

Таким образом, комплексное исследование интернациональной экологической терминологии в разносистемных языках позволило выявить общее и национально-обусловленное в исследуемом фрагменте профессиональной языковой картины мира русских, английских и немецких экологов. Очевидно, что наличие значительного числа интернационализмов, получающих однозначное осмысление в исследуемых терминологиях, позволяет сделать вывод о существенной общно-

сти языковых картин мира экологов, говорящих на разных национальных языках, что обусловлено общим пониманием предмета, научным подходом и использованием сходных методик. В то же время, проведённое исследование интернационализмов в разносистемных языках свидетельствует о различиях в языковых картинах мира в области экологии, которые проявляются в национальных экологических терминологиях как на содержательном, так и на формальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алесенко Т.А. Особенности формирования современных межотраслевых терминологий: на материале сопоставительного анализа терминологии экологии воды в английском и русском языках: дис ... канд. филол. н. М., 2000. 209 с.
2. Величко О.В. Англо-французские заимствования в русской медицинской терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Астрахань, 2010. 21 с.
3. Антисептики // Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь: свыше 8 тыс. терминов. Кишинёв: Молд. Сов. Энцикл., 1989. 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDIL/0039/base/RA/006893.shtm>
4. Биота // Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь: свыше 8 тыс. терминов. Кишинёв: Молд. Сов. Энцикл., 1989. 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDIL/0039/base/RB/002041.shtm> (дата обращения: 27.01.2016).
5. Планктон // Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь: свыше 8 тыс. терминов. Кишинёв: Молд. Сов. Энцикл., 1989. 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDIL/0039/base/RP/005984.shtm> (дата обращения: 27.01.2016).
6. Жарова А.В. Предметно-логическая классификация банковских терминов России и Великобритании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 6. С. 92–98.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
8. Латышевская Е.А. Становление и развитие терминов системы экология в английском языке: автореф. дисс ... канд. филол. н. Омск, 2012. 18 с.
9. Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. Вып. 5. Рязань: Изд-во Рязанск. гос. ун-та, 2007. С. 121–132.
10. Маджаева С.И. Медицинские терминотерминологии: становление, развитие, функционирование: дис. ... док. филол. н. Волгоград, 2013. 356 с.
11. Мишланова С.Л. Термин в медицинском дискурсе: образование, функционирование, развитие: автореф. дисс ... док. филол. н. Москва, 2003. 38 с.
12. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 318 с.
13. Новодранова В.Ф. Формирование языковой картины медицины (когнитивный аспект) // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP:

- Сб. науч. тр. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 269–273.
14. Райсова А.М. Экстралингвистическая обусловленность становления и развития немецкой экологической терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Омск, 2012. 24 с.
 15. Реймерс Н.Ф. Охрана природы и окружающей среды: Словарь-справочник. М.: Просвещение, 1992. 320 с.
 16. Симонова К.Ю. Становление и развитие терминологии английского подъязыка экологии: дис...канд. филол. наук. Омск: ОмГТУ, 2004. 157 с.
 17. Соколова Т.В. Становление и развитие немецкой терминологии авторского права: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Омск, 2012. 26 с.
 18. Успенский Л. Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pochemyeinache.com/alfavit/15/str241.html#1> (дата обращения: 27.01.2016).
 19. Чернышова Л.А. Профессиональная языковая картина мира: общее и национально-обусловленное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 98–102.
 20. Чернышова Л.А. Интернациональные термины как компонент профессиональной языковой картины мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 51–56.
 21. Шарапова Т.Н. Исследование интернациональных компонентов в немецкой терминологии бионики // Омский научный вестник. Филологические науки. 2014. Вып. 4. С. 87–90.
 22. Allaby M. A dictionary of ecology. N.Y.: Oxford university press, 2010. 418 p.
 23. Bortman M., Brimblecombe P., Cunningham M. A., Cunningham W. P., Freedman W. Environmental encyclopedia. 3rd ed. US: Gale, 2003. 1675 p.
 24. Collin P.H. Dictionary of environment and ecology. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2004. 265 p.
 25. DUDEN [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/Radiation> (дата обращения: 27.01.2016).
 26. DUDEN [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/atmosphäre> (дата обращения: 27.01.2016).
 27. DWDS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Antiseptikum> (дата обращения: 27.03.2016).
 28. DWDS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de/?view=1&qu=Plankton> (дата обращения: 27.01.2016).
 29. McGraw-Hill. Dictionary of environmental science. US: McGraw-Hill Companies, 2003. 388 p.
 30. The free dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://de.thefreedictionary.com/Quarantäne> (дата обращения: 27.01.2016).

REFERENCES

1. Alesenko T.A. Osobennosti formirovaniya sovremennykh mezhotraslevykh terminologii: na materiale sopostavitel'nogo analiza terminologii ekologii vody v angliiskom i russkom yazykakh: dis...kand. filol. n [Formation of modern inter-industry terminology: comparative analysis of terminology of water ecology in English and Russian languages: candidate thesis in Philology]. М., 2000. 209 p.
2. Velichko O.V. Anglo-frantsuzskie zaimstvovaniya v russkoi meditsinskoj terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. n [Anglo-French borrowings in Russian medical terminology: abstr. of candidate thesis in Philology]. Astrakhan, 2010. 21 p.

3. Antiseptiki [Antiseptics] Dedyu I.I. *Ekologicheskii entsiklopedicheskii slovar': svyshe 8 tys. terminov*. Kishinev: Mold. Sov. Entsikl., 1989. 408 s. [Elektronnyi resurs]. [Dediu I.I. *Ecological encyclopedic dictionary: more than 8 thousand terms*. Chisinau: Mold. Sov. ENCYCLOPAEDIA., 1989. 408 p. [Electronic resource]]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDiL/0039/base/RA/006893.shtm>
4. Biota [Biota] Dedyu I.I. *Ekologicheskii entsiklopedicheskii slovar': svyshe 8 tys. terminov*. Kishinev: Mold. Sov. Entsikl., 1989. 408 s. [Elektronnyi resurs]. [Dediu I.I. *Ecological encyclopedic dictionary: more than 8 thousand terms*. Chisinau: Mold. Sov. ENCYCLOPAEDIA., 1989. 408 p. [Electronic resource]]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDiL/0039/base/RB/002041.shtm> (request date 27.01.2016)
5. Plankton [Plankton] Dedyu I.I. *Ekologicheskii entsiklopedicheskii slovar': svyshe 8 tys. terminov*. Kishinev: Mold. Sov. Entsikl., 1989. 408 s. [Elektronnyi resurs]. [Dediu I. I. *Ecological encyclopedic dictionary: more than 8 thousand terms*. Chisinau: Mold. Sov. ENCYCLOPAEDIA., 1989. 408 p. [Electronic resource]]. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDiL/0039/base/RP/005984.shtm> (request date 27.01.2016)
6. Zharova A.V. *Predmetno-logicheskaya klassifikatsiya bankovskikh terminov Rossii i Velikobritanii* [Subject-logical classification of banking terms Russia and the UK] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. no. 6. M.: IIU MGOU, 2014. pp. 92–98.
7. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language picture of the world as derivatives of national mentalities]. M., CHeRo, 2003. 349 p.
8. Latyshevskaya E.A. *Stanovlenie i razvitie terminov sistemy ekologii v angliiskom yazyke: avtoref. dis...kand. filol. n* [The formation and development of ecology terms in English: abstr. of candidate thesis in Philology]. Omsk, 2012. 18 p.
9. Leichik V.M. *Kognitivnoe terminovedenie – pyaty etap razvitiya terminovedeniya kak vedushchei nauchnoi distsipliny rubezha XX–XXI vekov* [Cognitive terminology: the fifth stage in the development of terminology as a leading scientific discipline at the turn of XX–XXI centuries] // *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya: sb. nauch. tr. no. 5*. Ryazan, Izd-vo Ryaz. Gos. un-ta, 2007. pp. 121–132.
10. Madzhaeva S.I. *Meditsinskie terminosistemy: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Medical terminology system: formation, development and functioning: Doctorate thesis in Philology]. Volgograd, 2013. 356 p.
11. Mishlanova S.L. *Termin v meditsinskom diskurse: obrazovanie, funktsionirovanie, razvitie: avtoref. dis... d-ra filol. nauk* [A term in medical discourse: the formation, functioning, development: abstr. of doctorate thesis in Philology]. M., 2003. 38 p.
12. Nelyubin L.L. *Tolkovy perevodovedcheskii slovar'* [Translatological glossary]. M., Flinta, 2003. 318 p.
13. Novodranova V.F. *Formirovanie yazykovoi kartiny meditsiny (kognitivnyi aspekt)* [The formation of the language picture of the medicine (cognitive aspect)] *Sovremennye tendentsii v leksikologii, terminovedenii i teorii LSP: Sb. nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya 80-letiyu Vladimira Moiseevicha Leichika* [Current trends in LSP lexicology, terminology and theories: Coll. scientific papers. Dedicated to the 80th anniversary of Vladimir Moiseyevich Leichic]. M., Izd-vo MGOU, 2009. pp. 269–273.
14. Raisova A.M. *Ekstralingvisticheskaya obuslovlennost' stanovleniya i razvitiya nemetskoj ekologicheskoi terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. n* [Extralinguistic factors of formation and development of the German environmental terminology: abstr. of doctorate thesis in Philology]. Omsk, 2012. 24 p.
15. Reimers N.F. *Okhrana prirody i okruzhayushchei sredy: Slovar'-spravochnik* [Protection of

- nature and the environment: a reference dictionary]. М., Prosveshchenie, 1992. 320 p.
16. Simonova K.YU Stanovlenie i razvitie terminologii angliiskogo pod'yazyka ekologii: dis... kand. filol. nauk [Simonova K., Formation and development of terminology of the English sublanguage of environment: candidate thesis in Philology]. Omsk, OmGTU, 2004. 157 p.
 17. Sokolova T.V. Stanovlenie i razvitie nemetskoj terminologii avtorsogo prava: avtoref. dis. ... kand. filol.n [Formation and development of the terminology of the German copyright law: abstr. of candidate thesis in Philology]. Omsk, 2012. 26 p.
 18. Uspenskii L. Etimologicheskii slovar'. [Elektronnyi resurs]. [Etymological dictionary. [Electronic resource]]. URL: <http://www.pochemyeinache.com/alfavit/15/str241.html#1> (request date 27.01.2016)
 19. Chernyshova L.A. Professional'naya yazykovaya kartina mira: obshchee i natsional'no-obuslovlennoe [Professional language picture of the world: General and national] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2011. no. 6. Vol. 2. pp. 98–102.
 20. Chernyshova L.A. Internatsional'nye terminy kak komponent professional'noi yazykovoi kartiny mira [International terms as a component of professional linguistic picture of the world] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. no. 3. 2014. pp. 51-56.
 21. Sharapova T.N. Issledovanie internatsional'nykh komponentov v nemetskoj terminologii bioniki [International components in the terminology of the German bionics] // Omskii nauchnyi vestnik. Filologicheskie nauki. 2014. no. 4. pp. 87-90.
 22. Allaby M. A dictionary of ecology. N.Y.: Oxford university press, 2010. 418 p.
 23. Bortman M., Brimblecombe P., Cunningham M.A., Cunningham W.P., Freedman W. Environmental encyclopedia. 3rd ed. US: Gale, 2003. 1675 p.
 24. Collin P.H. Dictionary of environment and ecology. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2004. 265 p.
 25. DUDEN [E-source]. URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/Radiation> (request date 27.01.2016).
 26. DUDEN [E-source]. URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/atmosphäre> (request date 27.01.2016).
 27. DWDS [E-source]. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Antiseptikum> (request date 27.03.2016).
 28. DWDS [E-source]. URL: <http://www.dwds.de/?view=1&qu=Plankton> (request date 27.01.2016).
 29. McGraw-Hill. Dictionary of environmental science. US: McGraw-Hill Companies, 2003. 388 p.
 30. The free dictionary. [E-source]. URL: <http://de.thefreedictionary.com/Quarantäne> (request date 27.01.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернышова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики Московского государственного университета путей сообщения Николая II;
e-mail: ChernyshovaLor@gmail.com

Черникова Елена Олеговна – ассистент кафедры лингвистики Московского государственного университета путей сообщения Николая II;
e-mail: ChernyshovaLor@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa A. Chernyshova – doctor of Philology, assistant professor, the head of Linguistic department, The Emperor Nicholas II Moscow State University of Railway Engineering;
e-mail: ChernyshovaLor@gmail.com

Elena O. Chernikova – assistant, Linguistics Department, The Emperor Nicholas II Moscow State University of Railway Engineering;
e-mail: ChernyshovaLor@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Чернышова Л.А., Черникова Е.О. Общее и специфическое в интернациональной экологической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 31–44.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-31-44

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Chernyshova, E. Chernikova. Common and specific features of international ecological terminology // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 31–44.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-31-44

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-45-51

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРЦОГА И ГЕРЦОГИНИ КЕМБРИДЖСКИХ

Дубина Ю.Р.

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России*

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации особенностей речи молодых представителей английской королевской семьи в лице герцога и герцогини Кембриджских на примере их интервью. При анализе были выделены лексические и фонетические особенности речи принца Уильяма и Кейт Миддлтон, такие как, например, наличие оценочных прилагательных, недооценки, переоценки и т.д., характерные не только для представителей английской монархии, но и для класса аристократии в целом. В статье также рассмотрены существующие различия между речью старшего поколения английских монархов и более молодых представителей данного класса.

Ключевые слова: королевская семья, аристократия, язык, речь, герцог, герцогиня, RP, Estuary English.

LEXICAL AND PHONETIC CHARACTERISTICS OF DUKE AND DUCHESS OF CAMBRIDGE'S SPEECH

Yu. Dubina

Moscow State Institute of International Relations (University)

119454, Moscow, Prospect Vernadskogo 76, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the identification and systematization of sociolinguistic features of the speech of young representatives of the British royal family. The analysis was carried out on the basis of the Duke and Duchess of Cambridge interview. Certain lexical and phonetic features of Prince William's and Kate Middleton's speech as, for example, the presence of evaluative adjectives, underestimating, overestimating, etc., were identified. These features are typical not only for members of the English monarchy, but also for the aristocracy in general.

The article also shows the differences between the speech of the older generation of British monarchs and younger representatives of this class.

Key words: royal family, aristocracy, language, speech, Duke, Duchess, RP, Estuary English.

Социальная дифференциация языка и социолингвистические условия его развития представляют большой интерес для исследователей. Данное явление особенно чётко просматривается в Великобритании. Принадлежность британца к определённому социальному классу определяется рядом факторов: происхождение, образование, профессия, уровень дохода, хобби и окружение. Но наиболее ярким показателем отношения британца к определённому социальному слою, несомненно, является его речь, а именно её лексический и фонетический состав. Англия является ярким примером страны, в которой соотношение «язык–класс» в современных реалиях прослеживается очень чётко.

По мнению О. Батлер, «генеральная линия разделения на классы в Англии проходит не через дорогие особняки и поместья – сейчас ими даже футболисты владеют, – а через язык. На первой же минуте разговора человек выдаёт главную информацию о себе: из какого он графства, образован ли, к какому обществу принадлежит. Небольшая страна переполнена акцентами и диалектами. На самой вершине находится «отточенный» королевский английский, на котором говорит высшее общество. По телевизору «королевский» английский можно услышать в репортаже с заседания Палаты лордов или в рождественском послании Елизаветы II, хотя лингвисты заметили, что с годами в её речи всё чаще проскальзывают нотки кокни» [1, с. 235].

Профессор Мюнхенского универ-

ситета, специалист в области фонетики и цифровой обработки речи Джонатан Харрингтон рассказал ВВС, что за последние 40 лет произошли глубокие изменения в классовой системе Великобритании, и это отразилось и на языке [6]. Исследователи проанализировали архивные записи ежегодного рождественского обращения королевы к нации с 1950 г. В ходе анализа было выявлено, что в период с 1950 по настоящее время произношение гласных звуков королевой медленно сменилось «в сторону произношения людей, которых можно охарактеризовать как более молодых и / или являющихся представителями более низкого социального класса» [10].

Кроме того, утверждается, что изменения в речи затронули не только королевскую семью, но и другие социальные слои, язык которых ранее считался эталонным. В качестве примера можно привести язык дикторов ВВС: если ранее он считался «нормативным, правильным, образцовым» вариантом английского языка, то сегодня, по мнению Эндрю Уиттакера, на ВВС царит «лингвистический эгалитаризм». Наблюдается тенденция появления дикторов с «региональными» акцентами. Причём, по опросам зрителей и слушателей телеканала и радио ВВС, данный акцент делает новых дикторов представителями регионов, а не просто «снобами и элитой», как было раньше. Новые тенденции на телевидении отражают более масштабные перемены в речи. Популяризируется так называемый Estuary English, кото-

рый сочетает в себе гнусавость кокни с манерностью носителей «правильного английского» [11, с. 48].

По мнению многих аналитиков, в последние годы на наречии Estuary English говорит сама королева. Т.А. Островская считает, что в этой новой форме языка, носителями которой стали и некоторые члены королевской фамилии, актуализируется один из базовых концептов элиты – гибкость мышления, то есть способность подстраиваться к ситуации и окружающей обстановке, присущая лучшим представителям высших классов [9, с. 173].

В данном исследовании интерес представляет речь молодого поколения королевской семьи. Несмотря на происходящие в мире демократические изменения и процессы глобализации, аристократия остаётся верной традициям и является важнейшим элементом классовой структуры британского общества. Конечно, отношение к ней в обществе значительно изменилось за последние 20–30 лет, но именно молодое поколение королевской семьи даёт британцам надежду увидеть обновлённую и идущую в ногу со временем аристократию [2, с. 72–73].

В данной работе исследуются основные социолингвистические, фонетические и лексические особенности речи принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Основная задача: проанализировать речь представителей молодой части английской королевской семьи и выяснить, насколько их речи присущи особенности классической речи английских монархов, как меняется речь представителей аристократии в настоящее время, а также выявить, есть ли отличия в речи Кейт Миддлтон и прин-

ца Уильяма в связи с происхождением их из разных слоёв.

Актуальность статьи обусловлена отсутствием научных исследований, посвящённых современным особенностям английского языка у представителей высших слоёв. Встречается небольшое количество работ, описывающих общие тенденции «снижения» уровня языка у представителей аристократии, однако конкретные примеры, основанные на анализе актуальных и современных источников, практически отсутствуют.

Чета принца Уильяма и Кейт Миддлтон вызывает нескрываемый интерес у населения страны. По утверждениям жителей Великобритании, речь Кейт Миддлтон звучит даже более аристократично, чем речь Уильяма [2, с. 78]. Убедиться в этом можно, проанализировав их интервью, которое было взято в качестве материала для данного исследования [5]. Интервью свидетельствует о том, насколько усовершенствовалась речь Кейт Миддлтон за последнее время. В данном материале можно увидеть, что речь принца ближе к речи простых парней, чем речь его жёны-простолюдинки, которая, по иронии судьбы, говорит с «королевским акцентом».

Анализируя фонетический аспект, из интервью можно сделать вывод, что Кейт Миддлтон сосредоточена на своём голосе и произносит каждое слово аккуратно и чётко, что характеризует её произношение, как «традиционное нормативное произношение» (“traditional RP”), в то время как речь Уильяма более свободная, беглая и, действительно, менее напоминающая «аристократическую». Скорее, это новый вариант нормативного произношения с современными чертами, при-

сущими молодому поколению, одной из которых является отсутствие растягивания гласных звуков. Кроме этого, в речи герцога присутствует глоттализация согласного [t], употребляется интрузивный [r] (соединяющий звук [r] между словом, заканчивающимся на гласный звук, и следующим за ним словом, начинающимся на гласный звук), а также отмечается вокализация звука [l]. Однако стоит отметить, что для речи Уильяма не характерна замена межзубных [ð] и [θ] на губно-зубные [v] и [f], как, например, в слове something [θ] – [f], а также не обнаруживается пропуск звука [h] в начале слова. Напротив, герцог произносит слова her, have и др. довольно чётко. Это свидетельствует о том, что речи Уильяма присущи как новые тенденции в форме Estuary English, так и черты, характерные для RP.

В настоящее время в научных исследованиях больше внимания уделяется именно произношению, при этом лексический состав уходит как бы на второй план. В данном исследовании проводится анализ речи принца Уильяма и Кейт Миддлтон и определяется, присущи ли их речи особенности, характерные для английской аристократии, сформулированные в немногочисленных исследованиях, посвящённых изучению речевых особенностей представителей высших классов Великобритании (работы Т.А. Ивушкиной, Ю.О. Квартовкиной, Д.В. Крюкова и др.), таких как наличие оценочных прилагательных, класса абстрактных существительных, особых форм обращений к собеседнику, заниженной или завышенной реакции на ситуацию в виде недооценки и переоценки, вертикального контекста и т.д.

Наиболее яркой особенностью речи герцога и герцогини Кембриджских является наличие переоценки и недооценки в большом количестве. По мнению Т.А. Ивушкиной, категориями недооценки выражается свойство никогда не проявлять свои чувства, говорить, избегая прямых высказываний, во избежание нанесения оскорбления, обиды и т.д. [4, с. 139]. В данном интервью переоценка выражается в использовании таких усилителей, как really, quite, very, absolutely, extremely, massively, hugely, obviously, definitely, что придаёт речи некую образность и театральность. Кроме того, интересно то, что в некоторых репликах слова really и very повторяются подряд по нескольку раз, например:

W: It went *really, really well* and I was *really pleased* she said yes;

Kate: It's *very, very special*;

W: It's been *really exciting* because we've been talking about it for a long time so for us, it's a *real relief* and it's *really nice* to be able to tell everybody;

K: They are *very, very dear* to me;

K: Well I was quite nervous about meeting William's father, but he was *very, very welcoming, very friendly*;

W: Kate's got a *very, very close family*;

W: Mike and Carole have been *really sort of loving and caring and really fun* and have been *really welcoming* towards me so I've felt *really a part of the family* [5].

Недооценка проявляется в наличии следующих слов и конструкций: little bit of, sort of и может быть проявлением смущения и волнения.

Конструкция "sort of" используется не только в значении «своего рода», но чаще как слово-связка (как бы, как будто), которую с лёгкостью можно

опустить из контекста (как и выражения *you know, well* и т.д.). Например:

W: And I managed to speak to Mike *sort of soon after* it happened really and then it *sort of happened* from there;

K: My mother made it *sort of* <...> didn't make it clear to me whether she knew or not so both of us were there *sort of looking at* each other;

W: We'll *sort of get over* the marriage first;

K: When I met you and *sort of scuttled off*;

W: It was just *sort of a bit of space and a bit of things*;

W: They have the best *sort of guidance*;

K: I've had the time to *sort of grow*;

W: *We're like sort of ducks* [5].

Следующая особенность речи высших классов, которую можно проследить в речи герцога и герцогини Кембриджских – наличие оценочных прилагательных, которые, по мнению Т.А. Ивушкиной, выступают как не прямой и тонкий способ передачи эмоций, иронии и сарказма, как своеобразный код, позволяющий отделять «своих» от «чужих» [3, с. 248].

K: It was *a total shock* when it came;

W: I was trying to cook these *amazing fancy dinners*;

W: But in that *particular instance* we did;

W: Being friends with one another is *a massive advantage*;

W: What she did was *fantastic* [5].

В речи присутствуют аллюзии, что, несомненно, является ещё одним признаком высокой образованности и начитанности, характерных для класса аристократии:

W: It was about three weeks ago on holiday in *Kenya*;

W: So I was planning it and then it just felt really right out in *Africa* [5].

В интервью неоднократно подтверждается то, что речь молодых представителей королевской семьи постепенно приближается к речи среднего класса. Например, использование говорящими идиоматических выражений, которые являются своеобразным упрощением речи.

K: I'm *pulling my weight*;

W: Kate wasn't *in the dark at all*;

W: No one is going to try to *fill my mother's shoes*;

K: *I don't know the ropes* [5].

Помимо фонетических, лексических и социолингвистических особенностей, следует также отметить и манеру речи представителей королевской семьи. Интервью является ценным источником для изучения не только особенностей речи, но и того, как человек ведёт себя в процессе разговора. По мнению Ю.О. Квартовкиной, социальный статус говорящего непосредственно влияет на манеру речи [7, с. 12]. В данном случае это подтверждается, представители королевской фамилии проявляют мягкость, спокойствие, хорошую дикцию, тихий голос.

Таким образом, можно сделать вывод, что на фонетическом уровне речь Кейт Миддлтон действительно более приближена к традиционному нормативному произношению, её акцент можно назвать консервативным RP с чёткой артикуляцией и правильностью произношения. Речь принца Уильяма, в свою очередь, является примером современного RP, а именно итонским с нотками Estuary English.

Интервью молодых представителей английской королевской семьи пронизано эмоциями, позитивным настроением, что отражается и на лексическом уровне, а именно в наличии большого

количества оценочных прилагательных и переоценки. Наблюдается также смущение и волнение, выраженное в недооценке. Причиной этого, помимо прочего, является сама тематика интервью, а именно помолвка принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Просматривается также упрощение речи разговорными вставками, такими как *you know, well, like, sort of* и т.д., и употре-

бление немалого количества идиоматических выражений.

Соответственно, речь молодого поколения королевской семьи сохраняет некоторые черты речи высших классов и аристократии, но допускает более заниженные конструкции, что упрощает понимание и «приближает» представителей королевской семьи к обычным молодым людям Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батлер О.В. Моя маленькая Британия. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 336 с.
2. Дубина Ю.Р. О возможностях постановки RP с помощью видеуроков, интернет-ресурсов и речевых курсов // Филологические науки в МГИМО: журнал. М.: МГИМО-Университет, 2015. № 4. С. 72–81.
3. Ивушкина Т.А. Королевский английский и аристократический код общения в современной Великобритании // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3. С. 246–251.
4. Ивушкина Т.А. Лингвокультурный типаж «аристократ» // Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности. Волгоград: Парадигма, 2010. С. 133–143.
5. Интервью принца Уильяма и Кейт Миддлтон [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5r_6dh-W9fU (Дата обращения: 24.05.2016).
6. Интервью Джона Харингтона для BBC [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=soXhY5XAo_s (Дата обращения: 26.07.2016).
7. Квартовкина Ю.О. Речь английских и русских аристократов в произведениях художественной литературы XIX века: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград : [б. и.], 2004. 20 с.
8. Островская Т.А. Актуализация концепта гибкость мышления в современном британском дискурсе элиты // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 138–141.
9. Островская Т.А. Дискурсообразующие концепты современной меритократической элиты Британии и Ирландии // Политическая лингвистика. № 2 (48). 2014. С. 173–179.
10. Does the Queen speak the Queen's English? [Электронный ресурс] // Nature. Vol. 408. 21/28 December 2000: [сайт]. URL: <http://web.stanford.edu/class/linguist1/Rdgs/QueenSpk.pdf> (дата обращения 02.05.2016).
11. Whittaker Andrew. Speak the culture: Britain. London: Thorogood, 2009. 340 p.

REFERENCES

1. Batler O.V. Moya malen'kaya Britaniya [My little Britain]. SPb., BKHV-Peterburg, 2011. 336 p.
2. Dubina Yu.R. O vozmozhnostyakh postanovki RP s pomoshch'yu videourokov, internet-resursov i rechevykh kursov [About the possibilities of acquiring RP via video tutorials, online resources and speech courses] // Filologicheskie nauki v MGIMO: Zhurnal. no. 4. M., MGIMO-University, 2015. Pp. 72–81.
3. Ivushkina T.A. Korolevskii angliiskii i aristokraticeskii kod obshcheniya v sovremennoi Velikobritanii [English Royal and aristocratic code of communication in modern Britain] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. no. 3. Pp. 246–251.

4. Ivushkina T.A. Lingvokul'turnyi tipazh "aristokrat" [Linguo-cultural type "aristocrat"] Lingvokul'turnye tipazhi: priznaki, kharakteristiki, tsennosti [Linguocultural character types: signs, characteristics, values]. Volgograd, Paradigma, 2010. Pp. 133–143.
5. Interv'yu printsa Uil'yama i Keit Middlton [Elektronnyi resurs]. [Interview of Prince William and Kate Middleton [E-source]]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5r_6dh-W9fU (request date 24.05.2016)
6. Interv'yu Dzhona Kharingtona dlya BBC [Elektronnyi resurs]. [Interview of John Harrington for the BBC [E-source]]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=soXhY5XAo_s (request date 26.07.2016)
7. Kwartovkina YU.O. Rech' angliiskikh i russkikh aristokratov v proizvedeniyakh khudozhestvennoi literatury XIX veka : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Volgogr. gos. ped. un-t. [English and Russian aristocrats in fiction literature of XIX century : abstr. of candidate thesis in Philology: 10.02.19 / Volgograd st. ped. un-ty]. Volgograd, 2004. 20 p.
8. Ostrovskaya T.A. Aktualizatsiya kontsepta gibkost' myshleniya v sovremennom britanskom diskurse elity [Actualization of the concept of flexibility of thinking in contemporary British discourse of the elite] // Lingvokul'turologiya. 2014. no. 8. pp. 138–141.
9. Ostrovskaya T.A. Diskursoobrazuyushchie kontsepty sovremennoi meritokraticeskoi elity Britanii i Irlandii [Discourse-forming concepts of the modern meritocratic elite of Britain and Ireland] // Politicheskaya lingvistika. no. 2 (48), 2014. Pp. 173–179.
10. Does the Queen speak the Queen's English? [E-source] // Nature. Vol. 408. 21/28 December 2000: [website]. URL: <http://web.stanford.edu/class/linguist1/Rdgs/QueenSpk.pdf> (request date 02.05.2016).
11. Whittaker Andrew. Speak the culture: Britain. London: Thorogood, 2009. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубина Юлия Рифатовна – аспирантка кафедры английского языка № 3, преподаватель кафедры английского языка № 4 Московского государственного института международных отношений МИД России;
e-mail: juligion@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya R. Dubina – postgraduate student at the English language departments № 3, English teacher at the English language department № 4 of Moscow State University of International Relations;
e-mail: juligion@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Дубина Ю.Р. Лексические и фонетические особенности речи Герцога и Герцогини Кембриджских // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 45–51.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-45-51

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Yu. Dubina. Lexical and phonetic characteristics of duke and duchess of Cambridge's speech // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 45–51.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-45-51

УДК 811.111'367. 5

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-52-58

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СИНОНИМИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Климик В.А.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, Остоженка, д. 38, Российская Федерация;
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ
115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена семантическим различиям синонимичных оценочных конструкций английского языка. Сравнительный анализ двух синонимичных структур включает обращение к метафоризации, лежащей в основе мыслительных процессов языковой личности. На примере сравниваемой пары синонимических оценочных конструкций показано, что при большем количестве формы возникает дополнительная смысловая нагрузка. Высказывается предположение о наличии взаимообусловленности формы оценочных конструкций и их семантического содержания. Эта взаимообусловленность, вероятно, восходит к метафорическим основаниям человеческого мышления.

Ключевые слова: синтаксическая синонимия, синтаксические синонимы, оценочная конструкция, метафоризация, когнитивная метафора, языковой конфликт.

SYNONYMIC VARIATION OF EVALUATIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH: COGNITIVE ASPECTS

V. Klimik

*Moscow State Linguistic University
119034, Moscow, Ostozhenka, 38, Russian Federation;
National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)
115409, Moscow, Kashirskoye av. 31, Russian Federation*

Abstract. The subject of the article is semantic differences of synonymic evaluative constructions in the English language. The comparative analysis of two synonymic structures implies metaphorisation which underlies cognitive processes of the language speaker. Examples given in the article show that a construction expressed through a bigger linguistic form tends to acquire an additional semantic load. The assumption is made about interrelation between the form of evaluative constructions and their semantic content. This interrelation, supposedly, refers to metaphoric foundations of thinking and of language structure.

Key words: syntactic synonymy, syntactic synonyms, evaluative construction, metaphorization, cognitive metaphor, language conflict.

Когнитивные исследования грамматических построений [1; 3; 4; 7] убедительно показывают, что обращение к особенностям мышления и познания носителей языка зачастую позволяет объяснить природу динамических явлений в этом языке, оставшихся за рамками внимания формального, генеративистского и других подходов. Так, Л.А. Фурс отмечает, что без обращения к ментальному уровню синтаксических построений практически невозможно объяснить «глубинные механизмы динамической сущности языка» [7, с. 4].

В этой связи возникает интерес к метафоризации – динамическому явлению, лежащему в основе мыслительных операций языковой личности. В частности, данное исследование представляет собой попытку обращения к когнитивной метафоре при изучении проблематики синтаксической синонимии в английском языке: в статье рассматривается синонимическое варьирование оценочной конструкции, вводимой глаголами со значением мыслительной деятельности.

Семантическая функция «оценивание субъекта» может реализовываться посредством двух синонимичных конструкций: сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным или структуры Complex Subject (сложное подлежащее). Рассмотрим глубинные и поверхностные структуры (далее – ГС, ПС) данной синонимичной пары.

(1) ГС 1. [S+V_f] + (that) [S+V_f]

ПС 1. *They thought he was honest and kindly.* (Они думали, что он был честным и добрым человеком).

(2) ГС 2. [S+V_f+V_{inf}]

ПС 2. *He was thought to be honest and*

kindly. (Его считали честным и добрым человеком).

Анализ глубинной структуры (ГС) предложений показывает, что конструкция ГС 1 является двоядерной, конструкция ГС 2 – одноядерной. ГС 2 [S+V_f+V_{inf}] и соответствующая ей поверхностная структура (ПС 2) *He was thought to be honest and kindly* являются трансформированными по отношению к ГС 1 [S+V_f] + (that) [S+V_f] (*They thought he was honest and kindly*). ГС 1 представляет собой сочленение двух ядерных конструкций, тогда как ГС 2 – результат того, что это сочленение подверглось преобразованиям «Трансформация пассива» (Т1) и «Опущение эквивалентной именной группы» (Т2) [6, с. 523–541]:

Т1: *They thought he was* → *He was thought (by them)*

Т2: *He was thought *he to be honest and kindly* → *He was thought to be honest and kindly.*

Ментальную репрезентацию, соотносимую с рассматриваемыми конструкциями ГС 1 и ГС 2, представим в виде пропозиции «субъект – суждение о другом субъекте».

В конструкции (1) придаточное предложение, вводимое факультативно-эксплицитным союзом *that*, представляет собой, с когнитивной точки зрения, репрезентированное в единицах языка *событие*. Обособление этого события на уровне языка, в частности, на синтаксическом уровне, в придаточное предложение может трактоваться как *метафорическая проекция взаимосвязи* двух реализованных в предложении событий: события А (*They thought*) и события В (*he was honest and kindly*). При этом фокусируется *наличие связи* между событиями и её *интенсивность*.

Языковая *рамка* (придаточное предложение), *обособляющая* событие В, даёт возможность полагать, что эта взаимосвязь – менее тесная, чем в предложении (2) *He was thought to be honest and kindly*, где два события репрезентируются в глубинном *однойдерном* образовании. Характер взаимосвязи между двумя событиями, мыслимый на *предречевом* уровне *посредством метафорического переноса (языковые выражения – это вместилница; большие формы – большие содержания* [2, с. 157–158]) отражается на уровне глубинной структуры (представляющей собой сочетание *двух обособленных ядерных структур*). На уровне поверхностной структуры, в свою очередь, характер взаимосвязи между двумя событиями реализуется в виде *сложноподчиненного предложения*, где *придаточное предложение* *he was honest and kindly*, будучи зависимым от главного *They thought*, всё же представляет собой *отдельную*, полноценную и достаточно самостоятельную синтаксическую конструкцию. Так, на этапе *предречевой деятельности фокусирование* говорящего на *характере связи* и её источнике (*they*) между событиями проецируется в глубинную структуру и реализуется в *поверхностной* структуре.

Что касается конструкции (2) *He was thought to be honest and kindly*, её глубинная структура (*однойдерная*) указывает на *более тесный* характер связи между двумя событиями. Соответственно, на уровне *поверхностной* структуры пропозиция реализуется как *цельное образование*, где событие В трактуется не как *обособленное* от события А, но как своего рода *расширение* события А. На уровне ПС воз-

никает конструкция *сложное подлежащее* (Complex Subject), которая имеет «спаянную» форму, не расчленимую на самостоятельные образования (в отличие от *сложноподчиненного предложения* – *поверхностной реализации ГС 1*).

Предположительно, при *текстовой реализации ГС 1 [S+V] + (that) [S+V]* в семантической структуре *сложноподчиненного предложения* дополнительно может возникать *смысловая нагрузка* (семантический множитель): «опровержение» или «подтверждение» даваемой оценки. Проявление одного из смыслов, «опровержение» или «подтверждение», определяется, по-видимому, *прагматическими факторами коммуникативной ситуации* и *интенциями говорящего*.

Необходимость в активации *дополнительного смысла* «опровержение» может возникнуть, если говорящий *подвергает сомнению или отрицает наличие у референта заявленных качеств*. Так, в *поверхностной* структуре *They thought he was honest and kindly* возможна реализация смысла *'but he wasn't / but they were mistaken'*, и т.п.

Для выявления вариантов реализации *смысловой нагрузки*, «опровержения» или «подтверждения», нами был проведён *корпусный анализ* употребления оценочной конструкции *"they thought he was"* в современной *устной и письменной англоязычной речи*. Выборка включала 201 образец из корпуса современного американского английского языка и 23 образца из британского национального корпуса, представленных преимущественно в следующих регистрах: *устная речь, художественная литература, научная литература, обзоры и репортажи прес-*

сы. Поиск образцов осуществлялся в соответствии с запросом “they thought he was”, т.е. были сохранены референты *they* и *he*, а также план прошедшего времени. (С целью расширения выборки возможны и другие формулировки поискового запроса, например, варьирование референтов *he thought she was*, *Mary thought John was* и т.п., или изменение параметров временной соотнесенности событий *they think he is*, *Mary thinks John is*).

Корпусный анализ показал, что смысловая нагрузка «опровержение» может присутствовать имплицитно или эксплицитно. Смысл «опровержение» эксплицируется посредством *противопоставления*, выраженного в контексте тем или иным образом. В частности, возможно выражение противопоставления посредством союзов *but*, *however*, *nevertheless* и т.д., как в следующем примере устной речи:

Oh, they thought he was a tremendous commissioner. But now as far as his personal life, I don't know. I – I didn't – I didn't run with him in that way. We were political friends. (CBS. “Angel Downs found laying on the ground bleeding heavily”. COCA) [9].

Противопоставление также может выражаться исключительно лексическими средствами, без явных маркеров (таких как союз *but* и его синонимы):

They thought he was a congressman. There was confusion. They eventually found out and they got him out of there. (ABC. “The Powerhouse Roundtable”. COCA) [9].

From Steve and Paul's point of view, I reckon they thought he was a real card and that it would be a big laugh having him around. Certainly John's arrival changed our attitude. (Silverton P., Matlock G. “I

was a teenage sex pistol”. BYU-BNC) [8].

The last year of high school he had a big thing with Gloria Sullivan, but then her parents made her stop seeing him because they thought he was Italian. When she told them he was Greek, it didn't make any difference (Falco E. “The family Corleone”. COCA) [9].

Теперь обратимся к примерам, где активизируется множитель «подтверждение».

The staff were very fond of him, they thought he was marvellous.' His funeral takes place at Darlington crematorium today (Northern Echo. Social material. BYU-BNC) [8].

В данном примере препозиция *The staff were very fond of him* создаёт благоприятные условия для активации семантического множителя «подтверждение» при реализации поверхностной структуры *they thought he was marvellous*: очевидно, автор высказывания не подвергает сомнению наличия качества *marvellous* у референта.

В практике речевого употребления возможна также ситуация, где необходимо заявить о сомнении в присутствии у референта качества, а затем *опровергнуть* эти сомнения:

They thought he was an eccentric, a curmudgeon, a man with no time for humanity. And they were right. (Esquire. 1991. BYU-BNC) [8].

В этом случае активизируется смысловой множитель «подтверждение», и в результате говорящий получает возможность заявить об *отсутствии* сомнений в том или ином качестве референта.

Подведём итоги. Структурно-семантический анализ синонимической пары [S+V_f] + (that) [S+V_f] (*They thought he was honest and kindly*) и [S+V_f+V_{inf}]

(*He was thought to be honest and kindly*) позволяет предположить, что когнитивным основанием варьирования семантической структуры данных конструкций является метафора **больше формы – больше содержания**. Выбор говорящего в пользу одной из двух конструкций мотивируется прагматическими (контекстуальными) факторами и делается на предречевом этапе. В зависимости от того, как говорящий осмысливает связи между двумя событиями в широком ситуационном контексте, посредством метафорического переноса ментальная репрезентация ситуации проецируется в глубинную структуру высказывания (предложения). Очевидно, при намерении говорящего подчеркнуть *сомнительность* суждения субъекта о другом субъекте выбор делается в пользу более объёмного построения (оно реализуется на глубинном уровне как двудерная структура, на поверхностном уровне – как сложноподчинённое предложение с придаточным изъяснительным). Результат метафорического проецирования ментальных репрезентаций (по принципу **больше формы – больше содержания**) на языковой уровень проявляется в том, что больший объём высказывания (предложения) активизирует (потенциально) возможность придания высказыванию дополнительной смысловой нагрузки – «опровержение» или «подтверждение» данной оценки. Этот дополнительный смысл факультативен, его активация зависит, очевидно, от интенций говорящего.

Необходимо сделать ещё одно важное замечание. Приведённый анализ показывает, что синонимическая пара [S+V_f] + (that) [S+V_f] (сложноподчинённое предложение) и [S+V_f+V_{inf}]

(сложное подлежащее) отличается *конфликтом формы и содержания*. Сложноподчинённое предложение более *эксплицитно*, поскольку оба субъекта известны (сложное подлежащее открыто представляет только одного субъекта, наличие второго субъекта имплицитно [5; с. 330–331]). Было бы естественным ожидать большей ясности от прозрачной и эксплицитной конструкции [S+V_f] + (that) [S+V_f]. Однако именно эксплицитное построение нуждается в активизации дополнительных семантических множителей «опровержение» или «подтверждение» даваемой оценки, тогда как конструкция с большей степенью импликации (сложное подлежащее) дополнительной семантической нагрузки не предполагает и отличается большей ясностью (несёт в себе однозначный смысл «наличие факта оценки»). Это противоречие и порождает языковой конфликт, функционирование и значение которого требует отдельного исследования.

Таким образом, пара синтаксических синонимов *They thought he was honest and kindly* и *He was thought to be honest and kindly* иллюстрирует (на уровне синтаксиса) взаимообусловленность формы и содержания языкового знака. В случае рассматриваемых оценочных структур эта взаимообусловленность характеризуется:

- зависимостью объёма языковой единицы от интенсивности связи между описываемыми этой единицей событиями: при более тесной связи объём языковой единицы меньше, и, наоборот, при менее тесной – объём больше;

- способностью языковой единицы с большим объёмом формы

передавать большой объём значения (очевидно, здесь действует когнитивная метафора *большие формы – большие содержания*);

– наличием языкового конфликта вследствие асимметрии параметров формы (эксплицитность двучленной конструкции в сравнении с имплицитностью одночленной конструкции) и семантического наполнения соответствующих форм (многозначность эксплицитной конструкции в сравнении с однозначностью имплицитной конструкции).

Изучение влияния когнитивной метафоры на синтаксическую структуру способно не только расширить и углубить научное знание о принципах и

законах человеческого мышления, но также о том, какое отражение эти принципы и законы получают в системе языка. Обращение к метафоризации как когнитивному процессу, очевидно, поможет разрешить некоторые вопросы, относящиеся к проблематике синтаксической синонимии английского языка. В частности, с точки зрения когнитивной метафоры поддаются объяснению различные семантические аспекты синонимичных синтаксических конструкций, в том числе оттенки значения и смысловые акценты. Тем самым появляются возможности усовершенствования экспланаторного аппарата лингвиста и преподавателя грамматики английского языка (в высшей школе).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Белгор. гос. ун-т. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
3. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: ИСТОКИ, 2001. 189 с.
5. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Связанные структуры как феномен современного английского языка // Грамматика разноструктурных языков: сб. ст. к юбилею проф. В.Ю. Копрова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С. 327–335.
6. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
7. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2004. 370 с.
8. BYU-BNC – British National Corpus [Электронный ресурс] [2014-2016]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 04.07.2016).
9. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] [2014-2016]. URL: <http://corpus.byu.edu/COCA/> (дата обращения: 04.07.2016).

REFERENCES:

1. Besedina N.A. Morfologicheski peredavaemye koncepty [Concepts rendered morphologically]: Monograph. Institute of linguistics RAN; Tambov State University; Belgorod State University. M.; Tambov; Belgorod; 2006. 214 p.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by: Russian translation. M.: LKI, 2008. 256 p.
3. Langacker R. Cognitive grammar. Analytical review. M.: INION RAN, 1992. 56 p.

4. Popova Z.D., Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoy lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: ISTOKI, 2001. 189 p.
5. Prokhorova O.N., Chekulai I.V. Svyazannye struktury kak fenomen sovremennoy angliyskogo yazyka [Linked structures as a phenomenon of the modern English language] // Grammatika raznostrukturnykh yazykov [Grammar of differently structured languages]: collected articles for the anniversary of Prof. V. Koprov. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2011. pp. 327–335.
6. Testelet's Y.G. Vvedeniye v obshchii sintaksis [Introduction to General Syntax]. M.: Russian State University for the Humanities, 2001. 798 p.
7. Furs L.A. Sintaksicheski representiruemye koncepty [Concepts rendered syntactically]. Doctorate thesis. Tambov State University: 2004. 370 p.
8. BYU-BNC – British National Corpus [Electronic resource] [2014-2016]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (request date: 04.07.2016).
9. COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic resource] [2014-2016]. URL: <http://corpus.byu.edu/COCA/> (request date: 04.07.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климик Виктория Александровна – аспирант кафедры грамматики и истории английского языка Московского государственного лингвистического университета; преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского ядерного университета МИФИ;
e-mail: v.klimik@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya A. Klimik – postgraduate at the Department of Grammar and History of the English Language of Moscow State Linguistic University; English teacher at the Department of Foreign Languages at National Nuclear Research University МЭФТИ (Moscow Engineering Physics Institute);
e-mail: v.klimik@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Климик В.А. Когнитивные аспекты синонимического варьирования оценочных конструкций английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 52–58.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-52-58

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Klimik. Synonymic variation of evaluative constructions in English: cognitive aspects // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 52–58.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-52-58

УДК 81.11

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-59-65

ТЕКСТОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ И ЕЁ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РОМАНЕ А. ВАЛЬЗЕР „AM ANFANG WAR DIE NACHT MUSIK“

Руденко Е.С.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69, Российская Федерация

Аннотация. Основная задача настоящей статьи заключается в выявлении роли парцелированных конструкций и их стилистических функций в организации текста художественного произведения. Явление парцелляции рассматривается с позиций лингвистики текста. При этом учитывается внутритекстовое взаимодействие парцелляции с другими экспрессивными синтаксическими и грамматическими средствами в создании индивидуального стиля автора. Автор приходит к выводу, что абсолютизация приёмов экспрессивного синтаксиса приводит к нарушению связности текста.

Ключевые слова: парцелляция, функция, художественный текст, лингвистика текста, синтаксис.

TEXT-FORMING ROLE OF PARCELLING AND ITS STYLISTIC FUNCTIONS IN A. VALZER'S NOVEL „AM ANFANG WAR DIE NACHT MUSIK“

E. Rudenko

Rostov State Economic University (RINH)

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to identifying the role of fragmentary sentences and their stylistic function in works of fiction. Fragmentary sentences are analyzed within the framework of text linguistics and in connection with their interference with other syntactic and grammatical means of expressiveness constituting author's individual style. The author concludes that the absolute priority given to expressive syntax leads to lack of coherence in the text.

Key words: fragmentary sentences, function, work of fiction, text linguistics, syntax.

Парцелляция представляет собой многоплановое явление. В этом явлении можно выделить вопросы, исследованные достаточно глубоко, и вопросы, которые требуют более детальной разработки. На материале немецкого языка исследовались парцелляция придаточного предложения в сравнительном аспекте с узбекским языком (Б. Турсунов [11]), структура, семантика и функция парцелляции в сравнительном аспекте с русским языком (О.П. Каркошко [2]), структура и функции расчленённого однородного ряда (Н.А. Сухова [10]), интонационные характеристики парцелляции (Р.П. Лисиченко [6]), текстообразующая функция парцелляции (С.М. Петина [8]) и др.

© Руденко Е.С., 2016.

Основная задача статьи состоит в выявлении стилистических функций и роли парцеллированных конструкций в организации текста на материале романа современной немецкой писательницы Алисы Вальзер “Am Anfang war die Nacht Musik”.

Текст мы рассматриваем с позиций лингвистики текста, как единое связанное целое, образовавшееся в результате взаимодействия языковых единиц различных уровней. Тексту присущи определённые законы построения, и одна из задач лингвистики текста заключается в том, чтобы выявить функции отдельных языковых элементов в образовании текста как завершённого структурно-семантического единства. При разработке темы мы опираемся на труды отечественных учёных в области исследования текстообразующих категорий, прежде всего, О.И. Москальской [7] и М.Н. Левченко [3; 4; 5].

Вслед за Е.А. Иванчиковой, под парцелляцией в настоящей статье мы понимаем приём экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, состоящий в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, разделённые знаком точка [1, с. 279]. Благодаря своим экспрессивным возможностям парцелляция находит широкое употребление в художественных и публицистических текстах.

Само название романа “Am Anfang war die Nacht Musik” («В начале ночь была музыкой») намекает на слепоту главной героини и её музыкальный талант. Именно слепота придворной пианистки Марии Терезы фон Парадиз является необходимым условием её музыкального дарования. Как только знаменитый австрийский врач Франц

Антон Месмер возвращает ей зрение, она теряет навыки игры на фортепиано.

В ходе анализа романа Алисы Вальзер было установлено, что парцелляция на уровне текста является одним из приёмов, способствующих осуществлению авторского замысла, а именно созданию при помощи грамматических и синтаксических средств языка потока непосредственных впечатлений и мыслей героев романа, главным образом, слепой героини, осмысливающей мир и своё место в нём сквозь призму звуков, запахов, прикосновений.

Важным для понимания текстовых функций парцелляции в романе является внутритекстовое взаимодействие авторского и неавторского временных планов. Авторский временной план и временной план персонажей настолько взаимопроникают друг в друга, что временной план персонажей предстаёт иерархически подчинённым авторскому, т.к. реплики персонажей подаются в подавляющем большинстве случаев в косвенной форме [9, с. 78–79]. Трансформация косвенной речи в прямую происходит в романе только в момент сильного эмоционального напряжения героев. Примечательно то, что цепочка событий, происходящих в романе, изображается в форме дневника, но при этом автор фиксирует не свои мысли, чувства и переживания по поводу наблюдаемых событий, а мысли, чувства и переживания *своих героев*. Жанровые особенности дневника находят своё отражение в зарисовочном, непринуждённом стиле изложения, сужении объективно-эпического плана повествования за счёт акцентирования лирического элемента (эмоционально-созерцательные рефлексии главных героев).

В рассматриваемом материале представлены случаи парцелляции различных членов предложения и придаточных предложений из состава сложных синтаксических конструкций.

Более подробный анализ позволяет выделить следующие функции парцелляции в тексте романа (различные виды парцеллирования выделены жирным шрифтом):

1. фиксация динамики событий, описание «в движении»

В нижеприводимых примерах автор «покадрово» фиксирует жизнь героев, стремясь заострить внимание читателя на каждом из действий, придать членам предложения большую смысловую значимость. Парцелляция компонентов приводит к их актуализации:

Er sieht die vor dem Haus versammelten Leute. Die sich zu einer wüsten Traube um den Eingang sammelten. Und wie der Kutscher ihnen entgegentrat. Verhandelte. Besänftigend die Arme hob. Den Kopf schüttelte. Und wie die Leute eine Front bildeten. Die das hilflose Kutscherlein ins Haus drängte [12, с. 248].

Он видит собравшихся перед домом людей. **Которые собрались беспорядочной гроздью около входа.** И как кучер заступил им дорогу. **Вёл переговоры. Успокаивающе поднял руки. Покачал головой.** И как люди образовали фронт. **Который втолкнул в дом беспомощного кучера** [Здесь и далее перевод автора статьи – Е.Р.].

Anna schenkte Kaffee nach. Stellte Teller um Teller vor ihn hin. Überladen mit <...> Käse, Dörrobst und Kartoffelkuchen [12, с. 192].

Анна долила кофе. **Выставила перед ним одну за другой тарелки. Нагруженные <...> сыром, сухофруктами и картофельными оладьями.**

2. тонкость восприятия, детализация впечатлений героев произведения

Er stellt sich ans Fenster. Spürt die vom wuchtigen Mühlrad her durchnäste Luft auf der Haut. Atmet die alles durchdringende Gischt. Atmet das Fließen. Den Mühlbach. Die Kraft. Spült sich fort. Ohne dass er aufhört zu denken [12, с. 251–252].

Он становится у окна. **Кожей чувствует пропитанный влажностью тяжёлого мельничного колеса воздух. Дышит всепроникающими пенными брызгами. Дышит течением. Мельничным ручьем. Силой. Уносится далеко. Не переставая думать.**

Sie hatte den Stuhl zur Tür gedreht, sich hingesetzt. Auf Kalines unverwechselbar leichte Schritte gelauscht, die klingen, als schleife Kaline zwei lange Flügel hinter sich her [12, с. 90].

Она развернула стул к двери, села. **Внимала неповторимо лёгким шагам Калины, которые звучат так, будто Калина тянет за собой два длинных крыла.**

Und ihr fiel ein, wie sie manchmal im Garten saß <...> und glaubte, sie hörte die Blumen wachsen. Die Blumen, die Ähren. Ein Kornfeld, das in die Höhe schoss [12, с. 99].

И она вспомнила, как она иногда сидела в саду, <...> и ей казалось, что она слышала, как растут цветы. **Цветы, колосья. Пшеничное поле, которое стремилось вверх** [Перевод автора статьи – Е.Р.].

Und ein Gefühl, als gäbe es weder Anfang noch Ende, nur dieses Mitgetragenwerden von der Musik. Von ihrer Musik. Von Haydn. Und von diesem Geiger [12, с. 102].

И чувство, как будто нет ни начала, ни конца, только это ощущение уне-

сённости музыкой. **Её музыкой. Гайдном. И этим скрипачом.**

Как видно из примеров, синтаксическая ткань текста становится своеобразным отражением мировосприятия слепой героини, которая, в отличие от зрячих людей, не получает непрерывную стимуляцию паттернами оптического потока, а воспринимает мир подробно, отдельными впечатлениями – осязательными, обонятельными и слуховыми.

3. градационное нарастание внутренней взволнованности героев произведения

Nur von der Kaiserin nichts. Kein Wort. Und kein Wunsch. Und kein Geschenk [12, с. 193]

Только от императрицы ничего. **Ни слова. И ни пожелания. И ни подарка.**

Важно отметить те случаи, в которых парцелляция служит средством оформления несобственно-прямой речи и свободной непрямой речи:

4. оформление несобственно-прямой речи

Was, wenn sie ihm befiehlt, eine Schule zu gründen. Die Methode weiterzugeben. werdende Ärzte einzuweihen. Sie zu bilden nach seinem Vorbild: sich selbst. Weil sie ihn für ein nachahmungswürdiges Beispiel der Menschheit hält [12, с. 112–113].

Что, если она прикажет ему основать школу. **Передать метод дальше. Приобщить к методу будущих врачей. Выучить их по своему образу: по себе. Потому что она считает его достойным подражания образцом рода человеческого.**

В вышеприведённом примере парцеллированные конструкции передают спонтанность мыслей персонажа художественного произведения.

5. оформление свободной непрямой речи

Ihr <...> Mann habe eine Affaire. Ob sie das wisse? Nein? Na dann. Er habe sich ein Mädchen hörig gemacht. **Eine Blinde. Mittels Magnetismus. <...> Seiner dämonischer Kraft. Seinem Animalischen Magnetismus. Den er außerdem keinem Gottesfürchtigen unter der Sonne je erklären könne** [12, с. 200].

У её <...> мужа роман на стороне. Знает ли она? Нет? Ну так вот. Он подчинил себе девушку. **Слепую. С помощью магнетизма. <...> Своей демонической силы. Своего животного магнетизма. Который он, сверх того, не может объяснить ни одному богобоязненному человеку на земле.**

На основании анализа текста романа можно сделать вывод, что конъюнктив используется не только как средство выражения чужой речи, но и как средство грамматической экспрессивности. Формы конъюктива обеспечивают дистанцирование читателя от происходящего, создают эмоциональное напряжение внутри текста, которое на синтаксическом уровне поддерживается явлением парцелляции. Парцеллированные предложения, имитируя живую разговорную речь и получая грамматическое оформление в виде конъюктива, создают особый, неровный, нервный ритм повествования.

В романе отмечены случаи разрыва сильных синтаксических связей:

– разрыв подлежащего и сказуемого
Die Augen der Kleinen. Stehen nicht mehr heraus [12, с. 120]!

Глаза малышки. Больше не выступают из орбит!

– разрыв авторской речи и речи персонажа

Alles ein einziger Betrug mit dem Effekt

eines zerrütteten Nervenkostüms. Sagt er [12, с. 254].

Всё исключительный обман с эффектом расстроенной нервной системы. **Говорит он.**

Помимо парцелированных конструкций в романе употребляются и другие фигуры экспрессивного синтаксиса, придающие тексту эмоциональную окраску:

– *номинативные предложения*

Störcks Hände. Die feinsten, rosaroten Arzhände. Kurz geschnittene Nägel, gepflegte Kuppen, geschickte, gelehrige, fleißige, reinliche Finger. Aber taub für das Wesentliche [12, с. 243].

Руки Штёрка. Изящнейшие, розовые руки врача. Коротко постриженные ногти, ухоженные кончики ногтей, умелые, понятливые, прилежные, чистые пальцы. Но нечувствительные к главному.

– *эллиптические предложения*

Maria war, noch kaum über die Schwelle, gleich wieder umgedreht und weiter zum Klavierzimmer geschlichen [12, с. 126] (эллипсис вспомогательного глагола).

Мария, едва переступив через по-

рог, тут же развернулась и прокралась дальше в комнату, где было фортепиано.

– *синтаксическая анафора*

Sie erinnert sich, dass eine fremde Hand ihren Arm berührte <...>. Sie erinnert sich, dass sie nach diesem peinlichen Vorfall aufgestanden war. <...> Sie erinnert sich, dass sie unschlüssig war [12, с. 94–95].

Она помнит, что чужая рука прикоснулась к её руке <...>. **Она помнит, что** после этого неприятного инцидента она встала. <...> **Она помнит, что** она была в нерешительности.

Из вышеприведённых синтаксических и грамматических средств языка складывается импрессионистическая манера письма Алисы Вальзер, которая вступает в противоречие с жанровыми признаками романа. Зарисовочные, «иллюстративные» сценки, лежащие в основе архитектурной организации текста и абсолютизация приёмов экспрессивного синтаксиса лишают текст художественного произведения глубины и в целом нарушают его когерентность, одновременно подчёркивая индивидуальный стиль автора романа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативные и стилистические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка: сб. статей. М.: Наука, 1968. С. 277–302.
2. Каркошко О.П. Парцелляция: структура, семантика, функция (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2011. 25 с.
3. Левченко М.Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект). М.: Изд-во МГОУ, 2013. 240 с.
4. Левченко М.Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/615> (дата обращения: 30.08.2016).
5. Левченко М.Н. Временной ракурс немецких пословиц [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/615> (дата обращения: 30.08.2016).

6. Лисиченко Р.П. Интонационные характеристики парцелляции в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972. 35 с.
7. Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981. 183 с.
8. Петина С.М. Текстобразующая функция парцелляции // Проблемы синхронного и диахронного анализа германских языков: республиканский сборник. Ставрополь: СГПИ, 1978. Вып. 3. С. 62–72.
9. Руденко Е.С. Особенности корреляций авторского временного плана и временного плана персонажей в художественном тексте (на материале романа Алисы Вальзер “Am Anfang war die Nacht Musik”) // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: сб. ст. по материалам XLII междунар. заочной науч.-практ. конф. № 11 (38). Часть II. М., Изд. «Интернаука», 2015. С. 76–82.
10. Сухова Н.А. Структура и функции расчлененного однородного ряда в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1982. 19 с.
11. Турсунов Б. Парцелляция придаточного предложения в немецком и узбекском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ленинград, 1975. 22 с.
12. Walser A. Am Anfang war die Nacht Musik. München: Piper Verlag, 2012. 285 S.

REFERENCES:

1. Ivanchikova E.A. Partsellyatsiya, ee kommunikativnye i stilisticheskie funktsii [Parcelling, its communicative and stylistic functions] Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: sb. statei [Russian language and Soviet society: Morphology and syntax of modern Russian literary language: coll. articles]. М., Nauka, 1968. pp. 277–302.
2. Karkoshko O.P. Partsellyatsiya: struktura, semantika, funktsiya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Parcelling: the structure, semantics, functions (in Russian and German): abstr. of candidate thesis in Philology]. Maykop, 2011. 25 p.
3. Levchenko M.N. Interpretatsiya teksta i ego grammaticheskikh modelei (tipologicheskii aspekt) [Interpretation of text and its grammatical models (typological aspect)]. М., Izd-vo MГОU, 2013. 240 p.
4. Levchenko M.N. Yazykovaya arkhitektonika teksta molitvy «Otche nash» [Elektronnyi resurs] [Language architectonics of the text of the prayer "Our father" [E-source]] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal). [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)]. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/615> (request date 30.08.2016)
5. Levchenko M.N. Vremennoi rakurs nemetskikh poslovits [Elektronnyi resurs] [The time perspective of German proverbs [E-source]] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal). [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)]. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/615> (request date 30.08.2016)
6. Lisichenko R.P. Intonatsionnye kharakteristiki partsellyatsii v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Intonational characteristics of parcelling in the modern German language: abstr. of candidate thesis in Philology]. М., 1972. 35 p.
7. Moskal'skaya O.I. Grammatika teksta [Grammar of the text]. М., 1981. 183 p.
8. Petina S.M. Tekstobrazuyushchaya funktsiya partsellyatsii [The text-forming function of parcelling] // Problemy sinkhronnogo i diakhronnogo analiza germanskikh yazykov: respublikanskiy sbornik. Stavropol': SGPI. 1978. no. 3. pp. 62–72.
9. Rudenko E.S. Osobennosti korrelyatsii avtorskogo vremennogo plana i vremennogo plana personazhei v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Alisy Val'zer “Am An-

fang war die Nacht Musik”) [Correlation of author’s and characters’ time plane in a novel. (based on Alisa Valzer’s “Am Anfang war die Nacht Musik”)] Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul’turologii»: sb. st. po materialam XLII mezhdunar. zaочноi nauch.-prakt. konf. no. 11 (38). Part II. M., Internauka, 2015. pp. 76–82.

10. Sukhova N.A. Struktura i funktsii raschlenennogo odnorodnogo ryada v sovremennom nemetskomazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Structure and functions of broken homogeneous chain in the modern German language: abstr. of candidate thesis in Philology]. L., 1982. 19 p.
11. Tursunov B. Partsellyatsiya pridatochnogo predlozheniya v nemetskom i uzbekskomazykakh: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk [Parcelling of the subordinate clause in German and Uzbek languages: abstr. of candidate thesis in Philology]. L., 1975. 22 p.
12. Walser A. Am Anfang war die Nacht Musik. München: Piper Verlag, 2012. 285 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руденко Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

e-mail: RudenkoElena1988@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Rudenko – candidate of Philology, senior lecturer at the Department of Foreign Languages for economic specialties in Rostov State University of Economics (RINH);

e-mail: RudenkoElena1988@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Руденко Е.С. Текстобразующая роль парцелляции и её стилистические функции в романе А. Вальзер „Am Anfang war die Nacht Musik“ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 59–65.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-59-65

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Rudenko. Text-forming role of parcelling and its stylistic functions in A. Valzer's novel „Am Anfang war die Nacht Musik“ // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 59–65.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-59-65

РАЗДЕЛ III.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-66-75

КОНЦЕПТ “DOWNUNDER” В АВСТРАЛИЙСКОЙ И НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Ощепкова В.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-исторические предпосылки формирования концепта DOWNUNDER, трансформация его структуры и содержания. Анализируются модификации образной, понятийной и ценностной составляющих концепта, выявляются его языковые репрезентанты. Проводится сопоставительный анализ структурного состава концепта в процессе его формирования. Проведённый анализ убеждает в существенном изменении признаков концепта DOWNUNDER. Установлено, что на раннем этапе формирования австралийской и новозеландской картин мира у концепта DOWNUNDER можно выявить следующие когнитивные признаки: 1) противоположное политическому центру страны положение; 2) подчинённость; 3) непредсказуемость и непригодность для жизни; 4) порочность; 5) гибельность; 6) зло; 7) низкий статус. В современной картине мира австралийцев и новозеландцев в ядро концепта входят следующие релевантные когнитивные признаки: 1) подлинность, уникальность, 2) нечто, присущее только этим странам, 3) нечто или некто, вызывающее чувство национальной гордости. Результаты исследования могут быть использованы в практике изучения национальных вариантов английского языка, курсе теории и практики межкультурной коммуникации, при редактировании словарей австралийского и новозеландского вариантов английского языка.

Ключевые слова: Антиподы, Австралазия, Даунандер, концепт; концептуальный признак; концептуальная картина мира; национальная картина мира.

CONCEPT “DOWNUNDER” IN AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND WORLDVIEW

V. Oschepkova

Moscow Region State University

105005, Moscow, Radio st., 10a, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of cultural and historical reasons for the formation of the concept “downunder”, transformation of its structure and contents. Modification of its imaginative, notional and estimative constituents are analyzed and its verbal representation is defined. Comparative analysis of the structural composition of the concept in the process of its formation is taken. The analysis proved that there is a considerable change in the conceptual features of the concept “downunder”. It is stated that at the early stage of the formation of the Australian and New Zealand worldview the concept “downunder” possessed the following cognitive features: 1) opposite position to the political centre of the country; 2) subordinate position; 3) unpredictability and unfitness for life; 4) vice; 5) disastrous place; 6) evil; 7) low status. In modern worldviews of Australians and New Zealanders the nucleus of the concept is subjected to the change of the relevant cognitive features: 1) authenticity, uniqueness; 2) something which is characteristic only of these countries; 3) something or somebody awaking the sense of national pride. The results of the research could be used in the practice of studying national variants of English, in the course of theory and practice of intercultural communication, in compiling and revising dictionaries of Australian and New Zealand English.

Key words: the Antipodes, Australasia, downunder; concept; conceptual feature; conceptual worldview; national worldview.

В статье рассматриваются лексема **downunder** и её этимология, сопоставляются значения в лексикографических источниках, созданных в разное время; также рассматриваются языковая репрезентация одноименного концепта и эволюция его смыслового содержания в процессе формирования австралийской и новозеландской национальных картин мира. Объект исследования – языковая репрезентация концепта **downunder** в национальной австралийской и новозеландской картинах мира, воплощающая его национальную специфику и являющаяся фрагментом картин мира австралийцев и новозеландцев. Цель – выявить, систематизировать и сопоставить концептуальные признаки концепта в

австралийской и новозеландской картине в диахронии и синхронии. Для достижения этой цели использовался анализ словарных дефиниций, этимологический анализ, концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный метод. Фактический материал исследования – данные лексикографических источников, энциклопедий, посвященных Австралии и Новой Зеландии, интернет-источников, художественной и научной литературы. Всего было рассмотрено более 300 контекстов с участием лексически объективированного анализируемого концепта в национальных австралийской и новозеландской картинах мира.

Лексема **downunder** (букв. «там под» или «на другом конце света», «на

краю земли») – одно из разговорных названий земель, расположенных в Южном полушарии, в «нижней» части земного шара, которые последовательно получали названия **The Antipodes – Australasia – Down under**. Эти названия появлялись благодаря географическому положению Австралии, Новой Зеландии и прилегающих к ним островов Тихого океана в Южном полушарии земли («под экватором»). Многие привычные для жителей Северного полушария явления и процессы воспринимаются и протекают здесь «наоборот», иначе. Так, летние для нас месяцы июнь, июль и август официально называются в этих странах зимой, а зимние – декабрь, январь и февраль – летом. Чем дальше на север, тем становится теплее, а на юг – холоднее, и фраза «птицы улетают на север зимой» в этих местах звучит вполне логично, также как и то, что учебный год начинается в феврале. Воды рек здесь больше омывают левые берега, а вихри и морские течения закручиваются по часовой стрелке. И иногда в шутку говорят, что люди в этих краях ходят на голове.

Героиня знаменитой сказки Льюиса Кэрролла Алиса, падая в кроличью нору, опасалась, что пролетит всю землю насквозь и, вылезая с другой стороны, попадёт в страну антиподов (она их ошибочно называет «антипатиями») и увидит, что люди там ходят вверх тормашками, «вниз головой! Как их там зовут?.. Антипатии, кажется... В глубине души она порадовалась, что в этот миг её никто не слышит, потому что слово это звучало как-то не так. – Придётся мне у них спросить, как называется их страна. «Простите, сударыня, где я? В Австралии или в Новой Зеландии?» [4, с. 11].

...`I wonder if I shall fall right THROUGH the earth! How funny it'll seem to come out among the people that walk with their heads downward! **The Antipathies**, I think – '(she was rather glad there WAS no one listening, this time, as it didn't sound at all the right word)' – but I shall have to ask them what the name of the country is, you know. Please, Ma'am, is this New Zealand or Australia?' [9, с. 40].

Алиса имела ввиду слово **the Antipodes (Антиподы)**, образованное от др.-греч. ἀντι- – против + ποῦς – нога – букв. «обращённые ногами к ногам», нечто противоположное чему-то другому, одно из первых названий Австралии и Новой Зеландии, а также населяющих их жителей.

Считается, что термин “**the Antipodes**” (*антипод*) был введён древнегреческим философом Платоном для объяснения относительности понятий «верх» и «низ». Затем им пользовался его ученик Аристотель и целый ряд древнегреческих и римских географов, физиков, философов. В географии, **антиподы** – противоположные точки на земном шаре.

Название “**the Antipodes**” и в наши дни иногда используется в Северном полушарии для обозначения Австралии и Новой Зеландии и жителей этих стран (тж. *The Antipodeans*), а прилагательное *antipodean (antipodal)* для обозначения чего-либо относящегося к этим странам или их жителям. Современные словари английского языка в словарных статьях, посвящённых этим лексемам, обычно содержат помету *humorous или informal*, подчеркивая шутливый или неофициальный характер этих названий, редко используемым самими австралийцами и новозеландцами. [13, р. 11; 10, р. 18; 15, р. 50; 14, р. 116].

В 1756 г. Шарль де Бросс (1709–1777 гг.), французский историк и лингвист, выдающийся деятель эпохи Просвещения, предложил термин **Australasia** (**Австралазия**) для обозначения региона, включающего в себя Австралию, Новую Гвинею, Новую Зеландию и прилегающие к ним острова Тихого океана, расположенные в Южном полушарии. Этот термин обычно приводится в словарях с пометой *Hist.*, то есть *исторический*; широко используется в англоговорящих странах, и редко встречается в русском языке. Иногда так называют все территории, расположенные в Тихом океане между экватором и 47° южной широты [13, p. 20; 15, p. 78; 14, p. 74; 16, p. 150]

Более чем столетие спустя, в 1886 г. английский путешественник Дж.Г. Фрод (J.H. Froude) предложил ещё одно название для земель, расположенных в Южном полушарии, в «нижней» части земного шара – **Down under** (букв. «там под» или «на другом конце света», «на краю земли») – «разг. шутл. Название Австралии и Новой Зеландии, указывающее на географическое положение этих стран по южную сторону от экватора» [2, с. 51]. Особенно часто так называют Австралию – the land down under («земля вверх ногами»). В то же время словарь новозеландского варианта английского языка указывает, что существительное **downunder** – это Новая Зеландия, особенно как часть Австралазии (B. N. 1. New Zealand, esp. As part of Australasia) [13, p. 225; 16, p. 540].

Лексема **Downunder** расценивается как более нейтральная, чем название Australasia, подчёркивающее главенствующее положение Австралии по отношению к Новой Зеландии и дру-

гим странам Южного Полушария: 1886 J.F. Frode Oceana 92: We were to bid adieu to the 'Australasian'... She had carried us safely down under [13, p. 225].

По утверждению составителя словаря новозеландского варианта английского языка Г. Орсмана, «**downunder**» подразумевает, что с Южным полушарием что-то не в порядке, а **'Australasia'** подчёркивает, что между Новой Зеландией и угнетающим её варварским соседом (то есть Австралией) существует близкая связь» (перевод наш): 1985 Sherwood Botanist at Bay 18 He also uses expressions like 'down under', which implies that there's something wrong with the Southern Hemisphere, and 'Australasia', which implies a close connection between New Zealand and her bullying barbaric neighbour. [13, p. 225; 16, p. 418]

Как выявил анализ словарных дефиниций, в ряде словарей зафиксировано, что лексема **Downunder** используется в грамматическом значении наречия (To or in Australasia, to or in Australia, to or in New Zealand, to or in the Antipodes), существительного (Australia; New Zealand; Australasia; The Antipodes) и прилагательного (Australian; New Zealand; Australasian; Antipodean). [13, p. 225; 14, p. 413; 15, p. 418; 16, p. 540; 17, p. 48; 19, p. 153].

В словаре австралийских коллоквиализмов Дж.Ф. Уилкса в словарной статье **Down Under** зафиксировано, что эта лексема обозначает Австралию, и подчёркивается, что её редко используют сами австралийцы (Down Under – Australia; rarely used by Australians themselves) [19, p. 153].

Нежелание австралийцев и новозеландцев использовать это название, возможно, объясняется тем, что они

сами не считают, что находятся на краю света. Кроме того, оба компонента *down* и *under* можно рассматривать как ориентационные метафоры, каждая из которых входит в бинарную оппозицию: 1) *up* – *down* (верх–низ) 2) *over* – *under* (над–под). Причём оба компонента *down* и *under* – члены оппозиции с отрицательным значением. [5, с. 35–45].

С компонентом *down* связаны такие признаки, как: 1) грусть, 2) бессознательное, 3) болезнь / смерть, 4) подчинение, 5) меньшее количество, 6) нечто плохое, 7) низкий статус, 8) порок, 9) нечто нерациональное — эмоциональное [5, с. 35–45].

Исследователи считают, что с помощью лексемы *under* метафорически выражается нахождение человека (или страны) в позиции подчинения, ограничения, пребывание под контролем более сильных лиц (или стран).

Разговорное название **downunder** получило широкое распространение во время и сразу после Первой мировой войны. Оно часто использовалось для обозначения солдат Объединённых австралийских и новозеландских вооружённых сил (*ANZACs A/ustralian and N/ew Z/ealand c/orps*) – *anzacs* «Анзаков» или *down under men*.

В течение длительного времени оно широко употреблялось в странах Северного полушария и редко использовалось австралийцами или новозеландцами.

Лексема *downunder* имеет несколько вариантов написания: раздельного *down under*, через дефис *down-under* и слитного *downunder*, с заглавной или прописной буквы *Down Under*, *Downunder*. Причём с заглавной буквы может быть написано первое слово *Down*

under или оба слова *Down Under*, широко используется аббревиатура **D&U** или **DU**.

В настоящее время лексема *downunder* употребляется с нулевым артиклем; используется без предлога и только в единственном числе.

Большой англо-русский словарь приводит дефиниции этой лексемы (в грамматическом значении наречия «**на другом конце света**; в Австралии, в Новой Зеландии» [1, с. 407].

Английское существительное **downunder** на русский язык может передаваться, как 1) Австралия; 2) Новая Зеландия; 3) совокупно Австралия и Новая Зеландия; 4) Австралазия; 5) край света; 6) солдат объединённых австралийских и новозеландских вооружённых сил (анзак); 7) антипод(ы).

Кроме того, у существительного *downunder* развилось терминологическое значение: «период спаривания китов в водах острова Четэм (недалеко от островов Новой Зеландии) с ноября по апрель каждого года». [13, р. 225].

Наречие *downunder*: 1) в Австралию; 2) в Новую Зеландию; 3) на краю земли; 4) на другом конце света; 5) в Австралии, в Новой Зеландии; 6) в нижней части земного шара; 7) там под; 8) земля «под нами»; 9) вверх ногами; в некоторых контекстах 10) в ад, в аду, пребывание в аду.

Прилагательное *downunder*: 1) австралазийский; 2) австралийский; 3) новозеландский; 4) относящийся к анзакам; 5) антиподный.

Концепт *downunder* и его ключевая лексема – культурно- и лингвоспецифичны, отражают особенности национального менталитета австралийцев и новозеландцев. Перевод не может в полном объёме передать все аспек-

ты денотативного и коннотативного значений. Поэтому мы предлагаем использовать в русском языке слово-реалию **даунандер** [6, с. 8–16].

Большинство словарей отмечает разговорный, неформальный или шуточный характер этой лексемы (Colloquial, informal, humorous) [13, p. 225; 14, p. 413; 15, p. 418; 16, p. 540; 17, p. 48; 19, p. 153].

Дальнейший анализ позволил выявить пять синонимов имени существительного *down under*: 1. Australia; 2. New Zealand; 3. Australasia; 4. AN-ZAC; 5. The Antipodes.

Выявлено два синонимических словосочетания ключевой лексемы концепта (*the edge of the world*; Australia and New Zealand considered broadly as a region). Нам удалось найти только один антоним лексемы *downunder* – *top over*.

Концепт *downunder* входит одновременно в австралийскую и новозеландскую картины мира. Любопытно, что название **downunder bird** – это разговорное название австралийского страуса эму (*emu*) – одного из символов страны (изображен на гербе Австралийского содружества), и новозеландской нелетающей птицы киви (*kiwi*) – одного из символов Новой Зеландии. Название **downunder gemstone** одновременно обозначает австралийский полудрагоценный камень опал (*opal*) и один из наиболее популярных новозеландских полудрагоценных камней нефрит (*nephrite* или *greenstone*). В Австралии добывается свыше девяноста процентов мировой добычи опала; опал – официальный камень страны. Нефрит имеет огромное значение для культуры маори – коренного населения Новой Зеландии.

Лексема *downunder* в настоящее время широко используется в рекламе самых разнообразных товаров (от игровых автоматов до компьютерных игр) и услуг (от туризма до консалтинговой компании): *Down Under Endeavours*; *Down Under Opal Tour*; *Active Downunder*; *Discover Downunder (Australia+New Zealand)*; *Australia & New Zealand: The Lands Down Under*; *Hunting Downunder*, *Radeka Down Under Oliver Street*, *Coober Pedy*.

Она используется в названиях интернет-магазинов по продаже разнообразных товаров, в том числе часов, охотничьих ножей и ружей, утги (или агз), обуви из овчины ворсом внутрь и гладкой поверхностью наружу, часто с синтетической подошвой (**Downunder Watches**; *Down Under Knives – The Outback Downunder UGG Boots*), учреждений, компаний (*Jobs Down Under*, *Down Under Live*), фирм, ферм (*Kiwi Down Under Organic Farm*. ‘*Viola*’ *Cottage Accommodation*), ассоциаций, фондов, спортивных состязаний, таких как проводящаяся с 1999 г., состоящая из шести этапов ежегодная шоссейная многодневная велогонка в окрестностях Аделаиды, Южная Австралия: *Tур Даун Андер (Tour Down Under)*.

Ключевая лексема концепта *Downunder* фигурирует в названиях словарей, в том числе словарей разговорного австралийского варианта английского языка Г.И. Уорда и словаря австралийского сленга Дж. и Ф. Вивера [17, 18].

При этом одноимённый концепт приобретает когнитивные признаки: «подлинность», «уникальность», «австралийскость», «новозеландскость».

Ключевая лексема концепта широко используется в названиях книг самых

разных жанров: юмористических – Джона П. О’Грейди [*Down under to Top Over* (with Molly O’Grady) (Sydney: Lansdowne Press, 1980)]; антологий произведений австралийских писателей-фантастов *Dreaming Down-Under* [*Dreaming Down-Under*, Janeen Webb, Jack Dann, New York: Tor Books, 2002]; путеводителей по Австралии и Новой Зеландии (*Beach Houses Down Under*, Crafti Stephen *Beach Houses Down Under*, *Top Resorts Down Under*); биографических: (*On Top Down Under : Australia’s Cricket Captains*). Книга известного путешественника и писателя Билли Брайсона, посвящённая Австралии, называется *Down Under*.

Эта лексема фигурирует в названиях фильмов разных жанров: документальных (*Down Under*, 1987, the USA; *Surfabout: Down Under*, 2004, Australia, New Zealand, the USA), фильмах-пародиях (*The Beverly Hillbillies Down Under*, 1993, Australia), комедиях (*The Facts of Life Down Under* (TV), 1987), анимационных мультфильмах (*Mickey Down Under*, 1948, The USA); в том числе в названии популярного мультфильма, снятого в 1990 г. в США, *The Rescuers Down Under* (в русскоязычной версии «Спасатели в Австралии»); в названии австрало-американского вестерна *Quigley Down Under* 1990 (в русском переводе «Куигли в Австралии»).

Она используется в названиях популярных австралийских телевизионных сериалов (*Embarrassing Bodies Down Under* – в русскоязычной версии «Я стесняюсь своего тела: Австралия») и телевизионных шоу (например, кулинарного шоу *Dining Downunder the Australian Cooking Show*).

Неслучайно известный американ-

ский кинокритик, телеведущий, писатель Джозеф Эберт (Йберт) [Roger Joseph Ebert (1942–2013)] в составленном им шутливым глоссарии терминов кино предлагал ввести для фильмов, созданных в Австралии или об Австралии, так называемое «правило «даун андер»» (the Down Under Rule), согласно которому в любом фильме, действие которого происходит в Австралии, не разрешается использовать официальное название страны и всюду, где это только возможно, заменять его названием «Даун андер». Он приводит названия упоминавшихся выше в статье названий мультфильма и вестерна, включающих не название Австралия, а его разговорный синоним Даун Андер [... According to Roger Ebert’s tongue-in-cheek Glossary of Movie Terms, the Down Under Rule “No film set in Australia is allowed to use the word Australia in its title where “Down Under” is an acceptable alternative. For example, we don’t get *The Rescuers in Australia* or *Quigley in Australia*”] [11, p. 16].

Прозвище “The Thunder from Down Under” (Гром из Даун Андер) получили: выступавший за Австралию чемпион мира по боксу российского происхождения Костя Цзю, австралийский игрок в снукер Нил и мисс Австралия Дженнифер Хокингс, получившая титул мисс Вселенная 2004 г.

Эта лексема используется в названиях отдельных песен и музыкальных альбомов популярных музыкальных групп в Австралии, Новой Зеландии и других странах. Особую популярность завоевала созданная в 1981 г. песня австралийской рок-группы *Men at Work* под названием “Down Under”. Герой песни – путешествующий по миру австралиец, гордящийся своей страной и

её людьми. Песня до сих пор не утратила популярности не только в Австралии и Новой Зеландии, но и в США и Великобритании. Дважды (в 2001 г. и 2006 г.) её включали в список ста лучших песен, созданных в Австралии. Она стала песней команды Австралии на многих международных спортивных соревнованиях. Она звучала во время церемонии закрытия Олимпийских игр 2000 г. в Сиднее, во время рекламной кампании летних олимпийских игр 2012 г., в заключительных кадрах фильма Крокодил Данди в Лос Анджелесе [Crocodile Dundee in Los Angeles]. Можно утверждать, что песня – неофициальный гимн австралийцев.

Проведённый анализ доказывает, что лексема **downunder** первоначально воспринималась, как ироническое, разговорное, уничижительное или шутовское название стран, располо-

женных в Южном полушарии, прежде всего, Австралии, подчёркивавшее их подчинённое положение по отношению к Великобритании и редко использовавшееся жителями этих стран. В настоящее время она широко используется в Австралии и Новой Зеландии в разнообразных дискурсах и приобретает значение «нечто, обладающее уникальными австралийскими и / или новозеландскими национально-культурными чертами, вызывающее чувство национальной гордости» [2, с. 95–108; 6, с. 8–16; 7, с. 84–85].

Одноимённый концепт входит одновременно в австралийскую и новозеландскую национальные картины мира, представляет собой сложное лингво-ментальное образование, связан с ценностными установками австралийского и новозеландского общества и отличается национально-культурным своеобразием.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Около 150 000 слов / Амосова Н.Н., Апресян Ю.Д. и др.; под общ. рук. И.Р. Гальперина. М.: Советская Энциклопедия, 1972. Т. 1. С. 407.
2. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 95–108.
3. Ощепкова В.В., Шустилова И.И. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь. Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. М.: Русский язык Медиа, 2006. 180 с.
4. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Н. Демуровой. Минск: Юнацтва, 1993. 206 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал, 2004.
6. Николаева О.В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори): дисс. док. филол. наук. Владивосток, 2011. 451 с.
7. Хухуни Г.Т., Смыслов С.П. Реалия как лингвокультурное понятие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 181–186.
8. Bryson Bill. Down Under. A Random House Group Company.UK. 2001. 464 p.
9. Carroll L. Alice in Wonderland, «Прогресс», 1979. 236 p.
10. Chambers's Etymological Dictionary. W.@ R. Chambers, LTD, 1948. 694 p.

11. Ebert Roger. Ebert's Bigger Little Movie Glossary. Kansas City: Andrews McMeel Publishing, 1999. 240 p.
12. Froude, James Anthony (2010) [1886]. Oceana, Or, England and Her Colonies. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 19, 92.
13. The Dictionary of New Zealand English (A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles), Ed. by H.W. Orsman, OUP, 1997. 966 p.
14. The Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
15. Macmillan English Dictionary. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.
16. The Macquarie Dictionary; The National Dictionary. Sydney: The Macquarie Library Pty Ltd, 2009. 2010 p.
17. Ward H.E. Ward's Down under without a blunder. Guide to the English spoken Australia with a random sample of Australian words and phrases and translations of some Australian pronunciations (Rutland, USA / Tokyo: C.E. Tuttle & Co). 248 p.
18. Weaver J. and Weaver F. Everyman's guide to down under (Adelaide: Rigby). 1984. 236 p.
19. Wilkes G.F. A Dictionary of Australian Colloquialisms Sydney University Press, 2002. 470 p.

REFERENCES

1. Bol'shoi anglo-russkii slovar': v 2-t. Okolo 150 000 slov. T. 2 [Comprehensive English-Russian dictionary: in 2 vol. About 150 000 words. Vol. 2]. Amosova N.N., Apresyan YU.D. and others; Gen. ed. I.R. Galperin. M., Sovetskaya Entsiklopediya, 1972. p. 144.
2. Karasik V.I. Kontsepty-regulyativy [Regulative concepts] // YAzyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. / Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: MAKS Press. 2005. no. 30. pp. 95–108.
3. Oshchepkova V.V., Shustilova I.I. Kratkii anglo-russkii lingvostranovedcheskii slovar'. Velikobritaniya, SSHA, Kanada, Avstraliya, Novaya Zelandiya [Concise English-Russian linguistic-cultural dictionary. Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand]. M., Russkii yazyk Media, 2006. 180 p.
4. Nikolaeva O.V. Teoriya vzaimodeistviya kontseptual'nykh kartin mira: yazykovaya aktualizatsiya (na materiale novozelandskogo varianta angliiskogo yazyka i yazyka maori): diss. ... d. filol. nauk [Theory of interaction of conceptual pictures of the world: linguistic actualization (based on the new Zealand variant of the English language and Maori language): doctorate thesis in Philology]. Vladivostok, 2011. 451 p.
5. Khukhuni G.T., Smyslov S.P. Realiya kak lingvokul'turnoe ponyatie [Realia as a linguistic and cultural concept] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2011. no. 2. pp. 181–186.
6. Bryson Bill. Down Under. A Random House Group Company. UK. 2001. 464 p.
9. Carroll L. Alice in Wonderland, Progress Publishing, 1979. 236 p.
10. Chambers's Etymological Dictionary. W.@ R. Chambers, LTD, 1948. 694 p.
11. Ebert Roger. Ebert's Bigger Little Movie Glossary. Andrews McMeel Publishing, 1999. 240 p.
12. Froude, James Anthony (2010) [1886]. Oceana, Or, England and Her Colonies. Cambridge University Press. pp. 19, 92. ISBN 9781108023900.
13. The Dictionary of New Zealand English (A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles), Ed. by H.W. Orsman, OUP, 1997. 966 p.
14. The Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
15. Macmillan English Dictionary. Macmillan Publishers Lmt, 2002. 1692 p.
16. The Macquarie Dictionary; The National Dictionary, The Macquarie Library Pty Ltd, 2009. 2010 p.

17. Ward H.E. Ward's Down under without a blunder. Guide to the English spoken Australia with a random sample of Australian words and phrases and translations of some Australian pronunciations (Rutland, USA / Tokyo: C.E. Tuttle & Co). 248 p.
 18. Weaver J. and Weaver F. Everyman's guide to down under (Adelaide: Rigby). 236 p.
 19. Wilkes G.F. A Dictionary of Australian Colloquialisms Sydney University Press, 2002. 470 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ощепкова Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: oschep@starlink.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya V.Oshchepkova – doctor of philological sciences, professor, head of the English philology department, Institute of linguistics and cross-cultural communication, Moscow Region State University;
e-mail: oschep@starlink.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ощепкова В.В. Концепт “Downunder” в австралийской и новозеландской картинах мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-66-75

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Oschepkova. Concept “Downunder” in Australian and New Zealand worldview // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-66-75

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-76-89

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОВ EAST / ВОСТОК И WEST / ЗАПАД В ГЛЮТТОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Петришина Е.Ю.¹, Антонова Ю.В.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

²Международный институт менеджмента ЛИНК
140180, г. Жуковский, ул. Менделеева, д. 11/4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению национальной специфики концептов East / Восток и West / Запад на материале глуттонического дискурса. Выявляются особенности глуттонического дискурса, ценностные признаки восточной и западной культур потребления пищи. Изучаемые аксиологические ценности концептов East / Восток и West / Запад представлены в пословицах и поговорках, которые помогают раскрыть глубинные ценности заявленных культур. Проведённый сопоставительный анализ свидетельствует о различиях западного и восточного подходов к культуре питания и восприятия мира в целом.

Ключевые слова: дискурс, глуттонический дискурс, концепт, пословицы и поговорки, картина мира, символизм, ценности, сопоставительный анализ.

COMPARATIVE ASPECT OF LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF CONCEPTS EAST AND WEST IN GLUTTONIC DISCOURSE

E. Petrishina¹, Yu. Antonova²

¹Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10a, Russian Federation

²International Institute of Management LINK
140180, Zhukovsky, Mendeleeva st., 11/4, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the national nature of concepts East and West in gluttonic discourse. The peculiarities of gluttonic discourse, evaluative characteristics of eastern and western food traditions are defined. The analysed axiological values of concepts East and West are represented through idioms, which help to reveal the core values of presented cultures. The comparative analysis shows the differences between the Western and Eastern approaches to food culture and perception of the world as a whole.

Key words: discourse, gluttonic discourse, concept, idioms, worldview, symbolism, values, comparative analysis.

Целью представленной статьи является лингвострановедческий сопоставительный анализ концептов East / Восток и West / Запад с позиций глуттонического дискурса. Объектом исследования являются английские и русские поговорки, связанные с приёмом пищи и характеризующие особенности культуры питания в указанных языковых сообществах. Задачами исследования выступают выявление, систематизация и сравнение наиболее характерных признаков противопоставляемых концептов в глуттонической картине мира (далее – ГКМ). В процессе исследования применяются методы: 1) сопоставительный метод; 2) метод сплошной выборки; 3) контекстологический метод; 4) метод реконструкции концептов; 5) когнитивный метод; 6) описательный метод и 7) лингвокультурологический метод.

Актуальность предпринятого исследования не вызывает сомнений. Изучение культуры и культурных концептов невозможно без обращения к такой базовой сфере человеческого бытия, как приём пищи. Не зря поговорка гласит: *скажи, что ты ешь, и я скажу – кто ты*. А.В. Олянич, вслед за которым под глуттонией мы понимаем «цивилизационный компонент, детерминированный широким спектром человеческих потребностей и представляющий собой обширное дискурсивное пространство, порождающее тексты о пище и питании, в которых сконцентрирована вся семиотика человеческого существования» [13, с. 175], подчёркивает, что пища и питье являются интертекстами, сопряжёнными с этнокультурными феноменами [9, с. 28]. Обращение многочисленных учёных к проблемам

глуттонии с разных позиций (Бараташвили, 2012; Беленко, 2006; Головницкая, 2007; Гулинов, 2004; Земскова, 2009; Миронова, 2002; и др.) позволяет включить предпринятое исследование концептов Восток / Запад в условия глуттонического дискурса в число актуальных, поскольку целью глуттонического дискурса, по словам Н.П. Головницкой, является «формирование пищевых предпочтений и культурных доминант» [5, с. 25].

Глуттонический дискурс, как материал исследования, был выбран не случайно. Культура питания меняется вместе с тем, как происходят изменения в человеческой деятельности, и отражает особенности человеческого мировоззрения. С нашей точки зрения, изучение концептов в русле глуттонического дискурса поможет определить ценностные ориентиры представителей восточной и западной лингвокультур, так как в глуттоническом дискурсе как ни в каком другом наиболее ярко представлены культурно специфические, индивидуальные и общечеловеческие ценности. Данное утверждение отражено в английской поговорке *“Before you make a friend eat a bushel of salt with him”* (общепринятый перевод: Прежде чем с человеком подружиться, съешь с ним бушель соли). С нашей точки зрения, данная поговорка гласит, что *«нигде так не раскрывается человек, как во время еды»*. Сместем дополнить и расширить данную поговорку тем, что не только человек раскрывается, но и проявляется культура, носителем которой он является.

При изучении глуттонического дискурса особую роль играет поговорка, так как нет ни одной лингвокультуры, в которой не было бы поговорок и по-

говорок на тему «еда»: именно пословицы и поговорки репрезентируют сгустки, аккумулирующие глубинные ценности носителей культуры.

В рамках данной статьи аксиологические ориентиры Запада и Востока представлены через призму паремии.

Согласно теории А.В. Олянича, легкой в основу представленного исследования, аксиологически глуттонический дискурс можно охарактеризовать относительно:

- 1) отношения к процессу приготовления и потребления пищи, в котором выделяются: а) прагматическое; б) ритуальное; с) эстетическое;
- 2) приоритетных продуктов питания в культуре;
- 3) гигиены приготовления пищи;
- 4) ритуалов процесса потребления пищи;
- 5) классовых различий в процессе приготовления и потребления пищи;
- 6) символизма пищи.

Алгоритм предпринятого исследования подразумевает пошаговое обращение к вышеуказанным фрагментам ГКМ изучаемых лингвокультур.

Остановимся на первом пункте и рассмотрим отношение представителей Запада и Востока¹ к процессу приготовления и потребления пищи.

По данным книги «Китайская, японская, тайская кухни» Н.А. Перепёлкиной, представители Востока относятся к потреблению пищи с пиететом:

¹ По результатам проведённого авторами статьи ассоциативного эксперимента, под представителями Востока принято считать жителей Ближнего Востока и Азии, а Запада – жителей Северной Америки и стран Европы. Подробные результаты ассоциативного эксперимента опубликованы в журнале «Учёные записки Ульяновского государственного университета» (находится в печати).

продукты питания приравниваются к религиозным атрибутам. Приём пищи должен осуществляться в определённом порядке, который именуют «фанкай» (по-китайски - 饭²). «Фан» означает главное блюдо из риса, а «кай» – овощи, рыба, птица, мясо. При приёме пищи на Востоке следует соблюдать равновесие между этими элементами, а именно чтобы продукты, входящие в состав блюда, гармонично сочетались между собой по вкусу, консистенции, цвету и аромату [16, с. 3–4].

Западное общество относится к еде более прагматично. Потребление еды, по словам А.В. Олянича, оправдывает национальный лозунг «Время – деньги», подчёркивающий предпочтение быстрому приготовлению и минимизации ингредиентов. В западной культуре распространены кафе и рестораны быстрого обслуживания, в которых можно заморить червячка на скорую руку, заказать еду с собой (take away) и поесть, не покидая автомобиля, или вовсе заказать еду по телефону. Напрашивается вывод, что еду в западном сообществе рассматривают, как услугу, в противовес восточному сакральному восприятию таковой.

Западный стиль пищевого консьюмеризма называют *“life on the go”* – жизнь на ходу (пер. А.В. Олянича). В книге «Как едят французы, американцы и другие европейцы» (2008) авторы описывают, как быстро едят американцы на бегу, «занимаясь другими делами и не придавая процессу принятия пищи той важности, которую он заслуживает» [21]. Французский писатель и дипломат П. Моран (Paul Morand,

² На основе китайско-английского словаря при помощи Pinyin алфавита (Chinese English Pinyin Dictionary) [18].

1888–1976) уже в 30-е гг. XX в. отмечал, что американцы едят стоя, торопливо, не снимая верхней одежды и не общаясь друг с другом.

Ещё одной не менее значимой особенностью западной культуры питания является массовое увлечение всевозможными диетами. Как отмечает известный российский ученый В.И. Карасик в книге «Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы» (2014), американские «состоятельные люди обычно худощавы, соблюдают здоровую диету, занимаются спортом. Лишний вес – индикатор низкого социального статуса» [10, с. 132]. Соответственно, в ГКМ выделяется такой параметр, как статусность пищи. Отметим, что цены в магазинах органической пищи, не содержащей ГМО и выращенной исключительно на экологически чистых фермерских хозяйствах, доступны далеко не каждому представителю среднего класса.

На Востоке в разрекламированную на Западе целительную силу диет не верят, но внимательно следят за тем, что употребляют в пищу, воспринимая своё тело как святилище. В блюдах практически нет столь популярных на Западе продуктов, как сахар и мука. Тем не менее, процесс глобализации влияет и изменяет стиль жизни людей Востока, но, как показывает практика, большинство из них предпочитает придерживаться устоявшихся веками традиций.

В восточных магазинах можно, как и на Западе, найти готовую, замороженную продукцию, но увидеть людей, покупающих такую еду, – настоящая редкость. Жители восточных стран предпочитают употреблять в пищу то, что даёт им земля. Китайцы считают,

что, чем дальше еда приобретена от места своего выращивания, тем меньше пользы она несёт. Похожее мнение можно найти в казахской пословице: *и лук сладок как мёд, если на родине растёт* [17]; английский инвариант этой поговорки – *Dry dread at home is better than roast meat abroad* – дома и солома съедома (пер. наш – Е.П., Ю.А.). Напрашивается вывод, что для восточного лингвокультурного сообщества еда из собственноручно выращенных продуктов ценнее той, что приготовлена из купленных в супермаркете ингредиентов. Казалось бы, рецепт здоровой жизни прост и найден, но, тем не менее, в западном мире встречается много полных людей. С чем это связано?

Представители западного сообщества потребляют много пищи, содержащей пищевые красители и консерванты, заметно продлевающие срок годности. В настоящее время в США распространены так называемые TV dinners (телевизионные обеды, термин В.В. Ощепковой [15, с. 135]), что представляет собой готовую продукцию, которую нужно только разогреть и употребить перед голубым экраном – самым популярным времяпрепровождением на Западе.

Примечательно, что ТВ всё чаще заменяет членов семьи. Знаменитые фамильные застолья практически канули в лету, сохранившись лишь в описаниях книг как минимум вековой давности. Современные жители мегаполиса живут в несовпадающих ритмах, синхронизировать которые не представляется возможным, покуда ценностным ориентиром выступает всё тот же пресловутый лозунг «время – деньги».

Однако ритуальные фестивали в честь тех или иных продуктов питания

всё ещё живы и порой служат визитной карточкой многих туристических меек. Вспомним знаменитый Октоберфэст в Мюнхене, Божоле-Нуво в пригороде Бюффава, фестиваль сыра в итальянском Бра, как продолжение акций, устроенных международным движением Slow food, истинная цель которых – защитить принципы вкусной и здоровой пищи, отстоять права потребителя на качественные натуральные продукты питания. В Западном мире также распространены соревнования с участием еды в качестве неотъемлемого реквизита. Например, английские пудинговые соревнования, суть которых заключается в том, чтобы конкурсанты, держа подносы с пудингом перед собой, преодолели препятствия, не выронив лакомство. Похожим развлечением является американский забег с блинчиками или глостерширские сырные гонки.

Сопоставительное рассмотрение приоритетных продуктов питания для восточной и западной культур является следующим пунктом заявленного алгоритма настоящей статьи.

Как уже было указано, представители восточной культуры тщательно относятся к выбору продуктов питания. Китайская пословица учит, что *рыбу ешь свежую, рис ешь созревший* [13]. Как правило, при готовке стараются сохранить полезные качества продуктов, их цвет и вкус, поэтому продукты подвергаются минимальной термической обработке.

Основа пищи для жителей Востока – это рис и баранина. Китайская пословица подчёркивает важность риса в питании: *есть рис – можно сварить кашу* [4, с. 215]. Не характерно для восточной культуры приготовление супов:

вместо них подают наваристые, жирные по консистенции яства с обилием приправ, специй, пряностей. Использование пряностей и специй не случайно: жаркий климат и быстрая порча продуктов обусловили этот выбор. Любовь к специям отражена в пословицах разных народов мира. Приведём в пример русскую пословицу *посоли да поперчи, будут добрые харчи* [17].

Как отмечается в статье «Глуттоническая номинация в этнокультурном аспекте» Л.Р. Ермаковой, мясо занимает ключевое место в кухне западного сообщества [7]. Об этом свидетельствует наличие паремий в английском языке: *One's man's meat is another man's poison* (общепринятый пер.: что русскому хорошо, немцу – смерть); *be meat and drink to smb* (общепринятый пер.: доставлять огромное удовольствие кому-либо), *strong meat* (общепринятый пер.: что-либо трудное для понимания). Как видно из приведённых паремий, мясо используется в западной культуре для обозначения разных аспектов жизни.

Отметим, что результаты проведённого авторами ассоциативного эксперимента подтверждают любовь жителей Востока к пикантным блюдам. На слово-стимул *Восток* было получено 15 % ассоциаций (среди наиболее частотных *суши, ким-чи, рахат лукум, специи, приправы*), что определило подгруппу с ядром «еда», как весьма значимую в составе изучаемой концептосферы. В подтверждение полученных результатов авторами был проведён интернет-обзор на указанный предмет и оказалось, что в кибер-пространстве встречается более 2 миллионов словосочетаний *пряности востока* и *восточные пряности* [1, с. 432].

В западном рационе более распространены соусы и заправки, порой не подчёркивающие вкус продуктов питания, а напротив, забивающие их: *the sauce is better than fish* [17]. Представители западной культуры только сейчас открывают для себя вкус и ценность восточных специй. Вот почему практически каждый телевизионный канал имеет программу, посвящённую способам приготовления пищи. В виду столь ошеломительной востребованности таких телепередач и массовому характеру заинтересованности потребителей в качестве продуктов питания, можно судить о качественно изменяющемся в положительную сторону мировосприятии западного общества.

Говоря о приоритетных продуктах питания, нельзя обойти вниманием церемонию чаепития, которая нередко рассматривается, как медитативный ритуал. Так, в китайском языке есть поговорка *выпьешь чаю – прибавится силы* [17], подчёркивающая магические свойства чая. В киргизском фольклоре есть пословица: *чай не пьёшь – откуда силы берёшь?* В английском языке также есть фразеологизм, акцентирующий культурную и экономическую значимость чая: *not for all the tea in China* (общепринятый перевод: ни за какие коврижки) [17].

Не обошёл стороной терпкий листовый напиток и русский фразеологизм: *выпей чайку – забудешь тоску*. Отметим также статусность чая для русской лингвокультуры, поскольку первоначально чаепитие считалось символом зажиточной и благополучной жизни. Из-за своей дороговизны чай был по карману далеко не всем. Лишь в XIX в. чай стал более доступным и прочно вошёл в русский быт. Без него не обходи-

лись ни одна торжественная встреча, ни одно семейное застолье, не заключались брачные союзы и торговые сделки. Однако культура его употребления значительно отличается от западной и восточной. Как ни странно, в русской традиции принято пить чай с блюдца, закусывая баранками и прочей хлебобулочной продукцией, что не раз становилось колоритным сюжетом различных художественных композиций. Вспомним знаменитые картины таких художников, как К. Маковский («За чаем», 1914); Б. Кустодиев («Купчиха за чаем», 1918); К. Петров-Водкин («За самоваром», 1926); В. Перов («Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», 1862) и т.д.

Как и на Востоке, представители Запада готовят к чаепитию сладости. Например, одним из национальных блюд принято считать яблочный пирог, описанный во фразеологизме *as American as an apple pie*. Примечательно, что англичане и американцы до сих пор оспаривают право называть это блюдо исконно национальным.

В западной культуре питания еда воспринимается в первую очередь как гастрономическое, нежели эстетическое удовольствие. Здесь необходимо отметить, что подобного рода удовольствие нередко воспринимается, как напоминание о грядущем конце, в виде болезней или смерти. Эта идея отражена во многих языках мира. В тибетском языке говорится, что *даже кролик может умереть от обжорства* [17]. Немецкая пословица гласит, что *беда – когда желудок упрямей, чем рассудок* [17]. В армянском языке тоже встречается порицание обжорства: *дело не в рождении, а в питании и желудок обжоры – бездонное ущелье* [17]. В английской пословице *gluttony kills*

more than the sword обжорство метафоризируется и превращается в холодное оружие.

Ещё одним значимым аспектом глуттонического дискурса является гигиена приготовления пищи, которая разительно отличается в западной и восточной культурах. При приготовлении еды в западной культуре качество не всегда стоит на первом месте. Приведём отрывок из статьи индийского философа С. Вивекананда (Swami Vivekananda, 1863–1902) «Восток и Запад» (1898), который красочно иллюстрирует, насколько гигиена не важна в западной культуре: «западный повар редко когда моется, он пробует ложкой те блюда, которые готовит, и, нимало не задумываясь, опять кладет ложку в кастрюлю, в которой готовит. Вынимая носовой платок, он интенсивно сморкается и снова теми же руками замешивает тесто и печёт. Он никогда не подумает вымыть руки после того, как приходит с улицы, а тут же приступает к готовке. И в то же время он одет в белоснежную одежду и поварской колпак. Может быть, он даже танцует на тесте, возможно, таким образом он даже сможет лучше замесить его, используя собственный вес, а то, что его пот может смешаться с этим тестом, видимо, не имеет никакого значения» [18]. Значимость гигиены в восточной культуре находим и в русских пословицах таких, как «*кто аккуратен, тот людям приятен*»; «*вода все очищает*» или «*и платье чисто, и речь честна*».

Представители Востока относятся к еде как к великому благу, из-за этого им не знакомо такое распространенное на Западе понятие, как перекус – snack. Каждый приём пищи тщательно

продуман и организован как со стороны цветовой гаммы, так и со стороны сервировки стола.

При описании особенностей приёма пищи невозможно оставить в стороне этикетные нормы, под которыми вслед за Л.П. Ступиным и К.С. Игнатьевым понимаем «совокупность типовых высказываний, закреплённых национально-культурными и языковыми традициями в данном языковом коллективе для использования в конкретных социально-коммуникативных ситуациях» [19, с. 7]. В целях наибольшей иллюстративности приведём наиболее яркие примеры этикетных норм в виде таблицы (см. Таблица 1).

Ещё одним значимым аспектом глуттонического дискурса выступает символизм пищи. Будучи суеверными, представители восточного сообщества придают огромное значение знаковости еды, например, яблоко рассматривается как символ мира и красоты.

Для наглядности остальные символические продукты питания приведём в сводной таблице (Таблица 2).

Как видно из таблицы, есть совпадения в мировосприятии, но различия более разительны. Это может показаться странным, но даже в паремическом фонде ярко и ёмко отображается не раз упомянутый в статье слоган западного мироустройства «*время – деньги*». Скорость созревания, возможность быстрой реализации и окупаемости, отсутствие необходимости в упорном и кропотливом труде, как, например, при выращивании риса – вот ценности западного мира.

Восточный паремический фонд более имплицитен и вариативен – терпение, зрелость каждого фрукта и возможность проявления его лучших

Таблица 1

Этикетные нормы в восточной и западной культурах

Восточная культура	Западная культура
<i>Начало принятия пищи</i>	
Начинать есть не принято до тех пор, пока представители старшего поколения не приступили к приёму пищи.	Начинать кушать нужно одновременно со всеми, сидящими за столом
<i>Кухонные принадлежности</i>	
Плохим жестом считается указание палочками на человека, а также нельзя передавать еду с помощью палочек, так как палочки используются на похоронах.	Тарелку с супом нужно наклонять от себя.
<i>Разговоры во время еды</i>	
За столом не принято разговаривать и обсуждать насущные проблемы. За столом не принято говорить с отдельными людьми, говорить нужно громко, чтобы все слышали, и все должны слушать говорящего.	Важные решения принимаются за обеденным столом. Деловые приемы могут проходить в форме бизнес-завтрака, ланча, коктейля, обеда или ужина. Однако к обсуждению интересующего их вопроса они переходят не сразу, обсуждая разные нейтральные темы. На Западе не принято желать друг другу приятного аппетита.
<i>Правила поведения</i>	
Традиционно локти на столе считались признаком непростительного неуважения к принятию пищи.	Неприлично класть руки на стол, держать их нужно на коленях.

Источник: собственная разработка

качеств, приносящих человеку истинное удовольствие от смакования, долголетие. Авторы склонны видеть в восточном символизме проявление универсальных общечеловеческих категорий, а в западном паремическом фонде – вербализацию групповых ценностных ориентиров, свойственных конкретному социуму. Можно предположить, что подобное различие связано с духовным ростом и ступенью развития указанных лингвокультур. Восточная культура более древняя, её потребительские потребности отошли на второй план, в то время, как западное общество ещё находится на пути своего становления и потому ценно-

сти более приземлённые, направленные на решение задач уровня «здесь и сейчас», не уходящих помыслами в вечность.

Обычаи приёма пищи отражают не только культурные ценности, но и классовые различия. В истории известно много случаев, когда распространение того или иного блюда зависело от социального деления: *Poor men seek meat for their stomach, rich men stomach for their meat* (общепринятый пер.: бедняки ищут пищу для желудков, богачи – желудки для пищи). М. Оссовская в книге «Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали» приводит пример классового влияния на обычаи приёма

Таблица 2

Символизм в еде

<i>Продукты/Блюда</i>	<i>Восток (значение и отражение в поговорках)</i>	<i>Запад (значение и отражение в поговорках)</i>
Виноград	<i>Упрямство</i> Чтобы стать прекрасной, лоза должна страдать (восточная поговорка)	<i>Пренебрежение</i> Мало-помалу и незрелый виноград станет мёдом на вкус (греческая поговорка); grapes of wrath – гроздь гнева
Вишня	<i>надежда, юность, процветание, богатство, нежность, доброе дело.</i> Как же это, друзья? Человек глядит на вишни в цвету, А на поясе длинный меч? (Басе 1644–1694)	<i>Процветание, удача</i> Bowl of cherries – жизнь хороша; A bite of the cherry – возможность что-то сделать; Red as a cherry – прекрасный как вишня;
Груша	<i>Терпение</i>	Спелая груша скорее упадёт в грязь, чем в чистую траву (немецкая поговорка) – приходится долго ждать, пока поспеет груша, проявляя терпение.
Мёд	<i>Блаженство</i> Где есть мёд, там найдутся и мухи (турецкая поговорка)	<i>Блаженство, доброта</i> Sweet as honey – сладкий как мёд; You can catch more flies with honey than with vinegar – доброжелательное отношение поможет добиться большего, нежели чем грубость; Land of milk and honey – благодатная земля;
Цитрус (апельсин)	<i>Непрерывность жизни</i> <i>Изобилие</i>	<i>Изобилие</i> Squeeze / suck an orange – использовать что-либо до последней капли
Хлеб	<i>Духовная пицца</i> Нет ничего важнее хлеба (татарская поговорка); Без хлеба не обедают (русская поговорка); И пёс перед хлебом смиряется (русская поговорка); Рыба не хлеб, от неё сыт не будешь (чувашская поговорка);	<i>Доход, выгода</i> To earn one's bread – зарабатывать на жизнь; Bread and butter – доход; To know which side one's bread is buttered – знать, в чем выгода; <i>Благородство</i> To break bread with smb. – разделить еду кем-либо; To cast one's bread upon the waters – поступать благородно.

Источник: собственная разработка на основе словаря символов Дж. Трессидера [20], фразеологического словаря А.В. Кунина [11] и данных Интернет.

пищи: «в Средневековой Англии только бедняк пил эль, богач – вино» [14, с. 56]. Большое количество блюд (итальянская пицца, испанская паэлья, французские лягушачьи лапки и норвежская сельдь), которое мы употребляем сегодня, мог-

ли не стать известными, если бы они не перестали ассоциироваться с низшими слоями общества. В подтверждение слов можно приведём известную в Интернет-пространстве фразу «Национальные блюда – в прошлом пища для бедняков».

В заключение отметим, что в условиях глобализации мы становимся свидетелями взаимопроникновения восточной кухни на Запад и наоборот. Практически в каждом крупном городе Востока можно встретить рестораны быстрого питания типа Макдональдс, KFC, BURGER KING, SUBWAY, а на улицах западных городов – суши-бары, чайхану и другие восточные гастрономические оазисы. Подобная тенденция имеет двоякий характер. С одной стороны, жители Европы, не покидая своих городов, могут познакомиться с культурой питания Востока, перенять некоторые достойные подражания аспекты, связанные с эстетичностью, натуральностью, обрядовостью пищи. С другой стороны, коммерциализация и подражание западному жизненному ориентиру явно негативно сказываются на оригинальном качестве, оставляя истинное национальное гастрономическое достояние в укромных уголках Востока и Запада, не доступных широким массам туристов.

Итак, проведённый анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1) Глуттонические паремические системы наиболее ярко репрезентируют оригинальную национальную специфику, поскольку обладают способностью воздействовать на формирование и развитие этнокультуры в целом.

2) Глуттоническая картина мира, которая представляет собой совокуп-

ность вкусовых представлений нации, глуттоническими понятиями и гастрономическими концептами, формируется в результате оценочной деятельности человека в процессе когнитивного освоения действительности и неуклонно расширяется за счёт взаимопроникновения культур в условиях глобализации.

3) Примечательной особенностью глуттонического дискурса является его проникновение в любые другие виды дискурсов, так как это глобальный инструмент воздействия на оценку масс, это универсальный код человеческой культуры.

4) Пища является древнейшим архетипом, корнями уходящим в принципы безопасности человеческого существования. Культурные коды потребления пищи формируют этикет современных культурных приоритетов.

5) Для восточной культуры питания ценностными признаками являются: эстетичность подачи и приёма пищи, ритуальность, религиозность, натуральность, личное участие в выращивании и приготовлении пищи, поскольку важна энергия, которую туда привносят манипуляции с пищей, семейственность, символика пищи, смакование пищи. Еда по своим свойствам приравнивается к медицине.

6) Для западной культуры питания ценностными признаками являются: время, затраченное на приготовление и употребление пищи, интенсивность вкуса пищи, массовое употребление пищи, пища как спортивный реквизит – что в восточной культуре немислимо, пища как дополнительное удовольствие к зрелищам, классовый характер пищевых пристрастий, пища как диета

с многочисленными ограничениями.

7) Сопоставительный анализ особенностей приёма пищи в изучаемых культурах свидетельствует о том, что западный подход, характеризующийся динамичностью образа жизни, ведёт своеобразную войну с пищей; либо на-

кладывая табу, либо страдая от последствий переизбытка. Восточная культура питания, напротив, наполнена глубоким смыслом, традициями и умеренностью. Таким образом, в вопросах культуры питания восточная система имеет массу преимуществ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонова Ю.В., Петришина Е.Ю. Экспериментальное исследование концептов Восток и Запад // Военно-гуманитарный альманах «Язык. Коммуникация. Перевод»: материалы X Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Москва, Военный университет, 1 июля 2016. М.: ИД «Международные отношения», 2016. С. 431–439.
2. Бараташвили Э.Э. Лингвосомиотика глоттонической коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 228 с.
3. Беленко Е.В. Концептосфера «Продукты питания» в национальной языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. С. 21–22.
4. Восточная мудрость. Изд-во Паритет, 2010. 320 с.
5. Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2007. 25 с.
6. Гулинов Д.Ю. Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «Гастрономия» (переводческий аспект): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 200 с.
7. Ермакова Л.Р. Глоттоническая номинация в этнокультурном аспекте [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.html (дата обращения: 9.08. 2016)
8. Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 338 с.
9. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред Т.Н. Колокольцевой, В.П. Москвина. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 352 с.
10. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
11. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
12. Миронова И.К. Концептосфера «еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. С. 18–19.
13. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
14. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
15. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.-СПб.: ГЛОССА / КАРО, 2004. С. 136–165.
16. Перепёлкина Н.А. Китайская, японская, тайская кухни. Изд-во «Эксмо», 2011. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1027098/Perepelkina_-_Kitayskaya,_yaponskaya,_tayskaya_kuhni.html (дата обращения: 5.08.2016)

17. Пословицы народов мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poslovitza.ru> (дата обращения: 9.08.2016)
18. Свами Вивекананда. Восток и Запад [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/yoga/Vivekananda/EastAndWest/index.htm> (дата обращения: 9.08.2016)
19. Ступин Л.П., Игнатъев К.С. Современный английский речевой этикет. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 142 с.
20. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. 189 с.
21. Фишлер К., Мэсон Э. «Как едят французы, американцы и другие европейцы». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/435051.html> (дата обращения: 20.07.2016)
22. Chinese English Pinyin Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://chinese.yabla.com/chinese-english-pinyin-dictionary.php> (дата обращения: 09.08.2016).

REFERENCES:

1. Antonova Yu.V., Petrishina E. Yu. Eksperimental'noe issledovanie kontseptov Vostok i Zapad [Experimental study of the concepts of East and West] Voенно-gumanitarnyi al'manakh «Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod»: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam yazyka i kommunikatsii. Moskva, Voенnyi universitet, 1 iyulya 2016 [Military-humanitarian almanac "Language. Communication. Translation": materials of X International scientific conference on present-day problems of language and communication. Moscow, Military University, July 1, 2016]. М., ID «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2016. pp. 431–439.
2. Baratashvili E.E. Lingvosemiotika glyuttonicheskoi kommunikatsii: dis. ... kand. filol. nauk [Lingvosemiotika of gluttonic communication: candidate thesis in Philology]. Volgograd, 2012. 228 p.
3. Belenko E.V. Kontseptosfera «Produkty pitaniya» v natsional'noi yazykovoi kartine mira: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk [Conceptosphere "food" in the national language picture of the world: abstr. of candidate thesis in Philology] Chelyabinsk, 2006. pp. 21–22.
4. Vostochnaya mudrost' [Eastern wisdom]. Izd-vo Paritet, 2010. 320 p.
5. Golovnitskaya N.P. Lingvokul'turnye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 [Linguistic and cultural characteristics of German gastronomic discourse. Candidate thesis in Philology]. Volgograd, 2007. 25 p.
6. Gulinov D.Yu. Natsional'naya spetsifika frantsuzskoi lingvokul'turnoi sfery «Gastronomiya» (perevodcheskii aspekt): dis. ... kand. filol. nauk [The national specificity of French linguistic and cultural sphere "Gastronomy" (translation aspects): candidate thesis in Philology]. Volgograd, 2004. 200 p.
7. Ermakova L.R. Glyuttonicheskaya nominatsiya v etnokul'turnom aspekte [Elektronnyi resurs]. [Gluttonic nomination in the ethno-cultural aspect [E-source]]. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.html (request date 9.08.2016)
8. Zemskova A.Yu. Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic and semiotic features of English gastronomic discourse: candidate thesis in Philology]. Volgograd, 2009. 338 p.
9. Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollektivnaya monografiya [Intertextuality and characteristics of intertextuality in different types of discourses: collective monograph]. М., FLINTA: Nauka, 2014. 352 p.
10. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy [Language spiral: values, symbols, and motifs]. Volgograd, Paradigma, 2015. 432 p.
11. Kunin A.V. Anglo-russkii frazeologicheskii slovar' [English-Russian phraseological dictionary]. 4th ed., rev. & enl. М., Rus. yaz., 1984. 944 p.

12. Mironova I.K. Kontseptosfera «yeda» v russkom natsional'nom soznanii: bazovye kognitivno-propozitsional'nye struktury i ikh leksicheskie reprezentatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Conceptosphere "food" in the Russian national consciousness: basic cognitive-propositional structures and their lexical representations: abstr. of candidate thesis in Philology]. Ekaterinburg, 2002. pp. 18–19.
13. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya [Presentation theory of discourse: monograph]. Volgograd, Paradigma, 2004. 507 p.
14. Ossovskaya M. Rytsar' i burzhua: issledovaniya po istorii morali [Knight and bourgeois: studies in the history of morality]. M., Progress, 1987. 528 p.
15. Oshchepkova V.V. Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SSHA, Kanady, Avstralii, Novoi Zelandii [The language and culture of UK, USA, Canada, Australia, New Zealand] M.-SPb., GLOSSA / KARO, 2004. pp. 136–165.
16. Perepelkina N.A. Kitaiskaya, yaponskaya, tayskaya kuhni. Izd-vo «Eksmo», 2011. 512 s. [Elektronnyi resurs]. [Chinese, Japanese, Thai cuisine. Publishing house "Eksmo", 2011. 512 p. [E-source]]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1027098/Perepelkina_-_Kitayskaya,_yaponskaya,_tayskaya_kuhni.html (request date 5.08.2016)
17. Poslovitsy narodov mira [Elektronnyi resurs]. [Proverbs of the world [E-source]]. URL: <http://www.poslovitza.ru> (request date 9.08.2016)
18. Svami Vivekananda. Vostok i Zapad [Elektronnyi resurs]. [Swami Vivekananda. East and West [E-source]]. URL: <http://www.kulichki.com/yoga/Vivekananda/EastAndWest/index.htm> (request date 9.08.2016)
19. Stupin L.P., Ignat'ev K.S. Sovremenniy angliiskiy rechevoi etiket [Modern English speech etiquette]. L., Izd-vo LGU, 1980. 142 p.
20. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov [Tresidder J. The dictionary of symbols]. M., 1999. 189 p.
21. Fishler K., Mason E. «Kak edyat frantsuzy, amerikantsy i drugie evropeitsy». [Elektronnyi resurs]. [Fischler, Claude. Mason Estelle. "The way French, Americans and other Europeans eat." [E-source]]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/435051.html> (request date 20.07.2016)
22. Chinese English Pinyin Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://chinese.yabla.com/chinese-english-pinyin-dictionary.php> (request date: 9 августа 2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петришина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Антонова Юлия Владимировна – преподаватель Международного института менеджмента ЛИНК;
e-mail: Julia007_9@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Petrishina – candidate of Philology, associate professor at English Philology department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication in Moscow State Regional University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Yuliya V. Antonova – teacher in International Institute of Management LINK;
e-mail: Julia007_9@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Петришина Е.Ю., Антонова Ю.В. Лингвострановедческие особенности отражения концептов East / Восток и West / Запад в глуттоническом дискурсе в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 76–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-76-89

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Petrishina, Y. Antonova. Comparative aspect of linguistic and cultural features of concepts East and West in gluttonic discourse // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 76–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-76-89

УДК 81'26

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-90-98

ДЖ.Р.Р. ТОЛКИН В ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОГО ПЕРЕВОДА

Хухуни Г.Т.¹, Осипова А.А.²

¹ *Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

² *Московский педагогический государственный университет
119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, Российская Федерация*

Аннотация. Дж. Толкин в течение последних десятилетий принадлежит к числу наиболее популярных в России английских писателей XX в., однако его вклад в создание одной из самых значительных католических версий Священного Писания на английском языке – Иерусалимской Библии 1966 г. – относительно мало известен в нашей стране. В предлагаемой статье кратко рассматривается указанная сторона творчества писателя в связи с историей создания названного труда и анализируются некоторые особенности принадлежащего Дж. Толкину перевода Книги пророка Ионы.

Ключевые слова: Толкин, Иерусалимская Библия, Книга пророка Ионы, Библия короля Иакова, перевод, католический

J.R.R. TOLKIEN IN THE HISTORY OF BIBLE TRANSLATION

G. Khukhuni¹, A. Osipova²

¹ *Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str., 10A, Russian Federation*

² *Moscow State Pedagogical University
119992, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, Russian Federation*

Abstract. In the last decades J. Tolkien has been one of the most popular English writers in Russia. But his contribution to the creation of the Jerusalem Bible published in 1966 – one of the most important Catholic versions of Holy Writ – is relatively little known in this country. The present paper shows this side of his activity in connection with the history of the Jerusalem version creation. It also contains a short analysis of the Tolkien`s translation of Book of Jonah, represented in Jerusalem Bible.

Key words: Tolkien, Jerusalem Bible, Book of Jonah, King James version, translation, Catholic.

Имя и творчество Джона Рональда Руэла Толкина¹ известно в России достаточно давно. Первые переводы его произведений на русский язык были опубликованы еще в 70–80-е годы прошлого столетия, а последнее десятилетие XX в. ознаменовалось настоящим «толкиновским бумом». Да и в наши дни он, несо-

© Хухуни Г.Т., Осипова А.А., 2016.

¹ В настоящее время такая передача фамилии писателя представляется более распространенной, нежели традиционная транслитерация *Толкиен*.

мненно, принадлежит в России к числу наиболее популярных представителей британской литературы. Не остались без внимания и религиозно-философские мотивы его творчества, которым в нашей стране был посвящен ряд научных трудов и исследований.

Однако гораздо меньше известно отечественной аудитории об участии Дж. Толкина в подготовке английской версии так называемой Иерусалимской Библии (Jerusalem Bible), созданной под руководством Александра Джонса (Alexander Jones). Её появление в 1966 г. стало важным событием в истории переводов Священного Писания на английский язык¹, что определялось несколькими причинами.

Прежде всего, это была католическая Библия (хотя говорить о каком-либо подчеркнута «антипротестантском» характере последней, как это имело место несколькими столетиями ранее при создании Реймско-Дуэйской Библии, разумеется, не приходится).

Во-вторых, её появление представляло собой своего рода реализацию папской энциклики *Divino afflante Spiritu* (по-русски её название обычно передают как «Божественным наитием духа»), в которой признавалась необходимость обращаться к оригинальным текстам Священного Писания и утверждалось (вопрос о том, насколько такое утверждение справедливо, не является предметом настоящей статьи), что известные решения Тридентского Собора (1545–1563), провозгла-

¹ В 1985 г. вышла в свет так называемая Новая Иерусалимская Библия – *New Jerusalem Bible*, представлявшая собой переработанную редакцию предыдущей и опиравшаяся на оригинальные источники.

сившего непогрешимость латинской Вульгаты, отнюдь не препятствуют осуществлению переводов Библии на различные языки непосредственно с еврейского и греческого «для употребления и на пользу верующим», как это уже делается (и заслуживает похвалы) в различных странах с одобрения церковных авторитетов: “*Ac ne id quidem Tridentini Concilii decreto prohibetur, quominus nempe ad christifidelium usum et bonum et ad faciliorem divini eloquii intellegentiam, conversiones in vulgatas linguas conficiantur, eaeque etiam ex ipsius primigeniis textibus, ut iam multis in regionibus, approbante Ecclesiae auctoritate, laudabiliter factum esse novimus*” [9].

В-третьих, реализация указанного принципа осуществлялась в названном издании несколько своеобразно. Ему предшествовала французская *La Bible de Jérusalem*, подготовленная учёными Иерусалимской библейской школы (*l'École biblique et archéologique française de Jérusalem*) и вышедшая в свет отдельной книгой в 1956 г., которая и была взята создателями английской версии в качестве образца. То есть, в известной степени, последняя должна была представлять собой – перефразируя известную характеристику отечественного Синодального перевода («с еврейского под руководством греческой Библии») – перевод «с еврейского и греческого под руководством французской Библии». Причём, относительно того, в какой степени соотносились между собой первый и второй компоненты приведённой формулы, суждения расходятся. В предисловии издателя подчёркивается, что сами библейские книги (в отличие от справочного аппарата, скопированного с французской вер-

сии) переводились с оригиналов, однако с оговоркой, что для некоторых из них основой послужил как раз французский текст, *сверенный* с исходным. При этом утверждалось, что в обоих случаях результатом должен был стать «полностью верный» перевод (хотя в сомнительных случаях его создатели опять-таки руководствовались интерпретацией своих французских коллег, как опиравшихся на новейшие достижения истории, археологии и литературной критики): “The translation of the biblical text itself could clearly not be made from the French. In the case of a few books the initial draft was made from the French and was then compared word for word with the Hebrew or Aramaic by the General Editor and amended where necessary to ensure complete conformity with the ancient text. For the much greater part, the initial drafts were made from the Hebrew or Greek and simultaneously compared with the French when questions of variant reading or interpretation arose. Whichever system was used, therefore, the same intended result was achieved, that is, an entirely faithful version of the ancient texts which, in doubtful points, preserves the text established and (for the most part) the interpretation adopted by the French scholars in the light of the most recent researches in the fields of history, archaeology and literary criticism” [11]. Однако высказывалась и другая точка зрения, противопоставлявшая в этом отношении Иерусалимскую Библию упомянутой выше Новой Иерусалимской Библии именно в плане соотношения ориентации на оригинальный текст и французскую версию: “Despite claims to the contrary, it is clear that the *Jerusalem Bible* was translated from the French, possibly with occasional glances at the He-

brew or Greek, rather than vice versa. For the *New Jerusalem Bible* the opposite was the case, and some books being translated completely afresh” [7].

Не вдаваясь в вопрос о том, какая из двух приведённых точек зрения является более справедливой, мы хотели бы заметить, что в любом случае для перевода по крайней мере некоторых из библейских книг подобный подход позволял использовать людей, не являвшихся специалистами в области «библейских языков». Указанное обстоятельство, вероятно, также сыграло свою роль в привлечении Дж. Толкина к коллективу создателей Иерусалимской Библии. Сам А. Джонс в письме к писателю, признавая некоторое неудобство для переводчика заниматься передачей с языков, с которыми у него «нет непосредственного контакта», тем не менее призывал его не смущаться этим обстоятельством, ибо объективная ситуация просто-напросто не даёт возможности произвести отбор авторов с соблюдением принципов «знаток еврейского – умеющий хорошо писать по-английски – католик – готовый участвовать в подобном предприятии»: “That a translator is at a disadvantage when he has no immediate contact with the originals is a sad truth and I do feel that I am asking too much of all the gallant co-operators. But these disadvantages are comfortably outweighed – or so it seems to me – by the difficulties of any other course. Thus, very few who read Hebrew can write English; of these, fewer still are Catholics; of these fewer still fewer will attempt it – the Westminster Version¹ from the originals is not nearly half-done (and never will be finished) af-

¹ Информацию об этом предприятии см., в частности, [14]

ter thirty years <...> So don't be discouraged. I'm sure it's work very well worth while" [15].

Сам писатель в одном из писем несколько иронически отозвался о лингвистической стороне своего перевода, шутливо жалуясь на сложность (по сравнению с такими языками, как латинский и даже греческий) еврейского языка, изучением которого он занялся в связи с переводом, и подчёркивая, что последний осуществлялся не с оригинала: "Actually, I am at present immersed in Hebrew. If you want a beautiful but idiotic alphabet, and a language so difficult that it makes Latin (or even Greek) seem footling but also glimpses into a past that makes Homer seem recent – that is the stuff! (I am hoping when I retire to get included in a new Bible-translation team that is brewing. I have passed the test: with a version of the Book of Jonah. Not from Hebrew direct!" [8].

В-четвёртых, Иерусалимская Библия, по замыслу её организатора, должна была в языковом отношении быть своеобразной антитезой «традиционным» Библиям – и, в первую очередь, самой авторитетной для англоязычного мира Библии короля Иакова, чья «чуждая риторика» (о которой, кстати, писал в свое время и С. Моэм) обуславливала неприятие последней в качестве образца английской Библии: "Particular attention was being paid to avoiding 'foreign rhetorical quality that was the essence of the Authorized Version'¹. In fact, the Authorized Version was utterly repudiated as a model of Bible translation" [12]. Требовался, та-

¹ В тексте содержится ссылка на работу: Jean Dierickx, "Attitudes in translation: Some linguistic features of the Jerusalem Bible," *English Studies* 50 (1969), pp. 10–20 (цитата на с. 12)

ким образом, перевод, во-первых, на современный его создателям язык и, во-вторых, на язык, в полном смысле слова *литературный*, который сделал бы Иерусалимскую Библию предметом гордости английских католиков ("Bible in beautiful, timeless English of which the Roman Catholic Church and laymen could be proud" [15]). Именно такие качества, по мнению А. Джонса, были присущи произведениям Толкина (в первую очередь – знаменитому «Властелину колец»), о чём организатор Иерусалимской Библии и писал его автору: "Thank you for those books [*sc. The Lord of the Rings*] anyway, whether you are able or not to share in the Jerusalem Bible. It made me long to have an English Bible translation from such a hand" [Ibid].

Таким образом, как отмечалось в ряде исследований, работа Дж. Толкина как раз и относилась к числу тех переводов, при создании которых, как признавал в приведённом выше фрагменте А. Джонс, "the initial draft was made from the French and was then compared word for word with the Hebrew or Aramaic by the General Editor". Причём прославленный автор «Властелина колец» отнюдь не являлся в данном случае исключением, поскольку в числе участников проекта было довольно много людей, привлечение которых определялось их значимостью, как представителей католической мысли, или литературным талантом: "There are other members of the *Jerusalem Bible* board who were like Tolkien not expert in the original languages of the Bible, but desirable for their expertise in English and because they were prominent Roman Catholic thinkers or writers in England" [10, p. 315].

Однако, как известно, по ряду причин участие Дж. Толкина в названном

предприятию оказалось – вопреки первоначальному плану А. Джонса – весьма ограниченным. Хотя издатель и назвал его одним из основных участников (principal collaborators) в деле создания Иерусалимской Библии, сам писатель рассматривал такую оценку, как незаслуженный комплимент, отметив, что, по существу, его вклад ограничился несколькими стилистическими консультациями и парой набросков предварительного характера¹, завершив только одну из самых коротких книг Ветхого Завета – книгу пророка Ионы: “Naming me among the ‘principal collaborators’ was an undeserved courtesy on the part of the editor of the Jerusalem Bible. I was consulted on one or two points of style, and criticized some contributions of others. I was originally assigned a large amount of text to translate, but after doing some necessary preliminary work I was obliged to resign owing to pressure of other work, and only completed ‘Jonah’, one of the shortest books” [6, p. 241].

Относительно того, насколько опубликованная в Иерусалимской Библии версия Книги пророка Ионы является «собственно толкиновской», также существуют некоторые разногласия, поскольку известно, что она – как это всегда имеет место при коллективной работе – подверглась редакторской правке с целью придания тексту Библии стилистического единства². Однако, по мнению многих исследователей, поскольку все правки вносились после консультаций с Толкином,

опубликованный текст следует считать принадлежащим ему: “A large amount of editorial intervention separates these from the final version printed in the Jerusalem Bible. Still, the changes were made in consultation with Tolkien, and the printed text represents his work” [15]. Так как именно этот вариант (в определённой степени представлявший собой не только *авторский*, но и *авторизованный* текст) и стал достоянием читателей, он, на наш взгляд, должен рассматриваться, как каноническая версия данного перевода.

Говоря об отличительных особенностях последнего, укажем на следующую лексическую особенность текста. Речь идёт о морском существе, в чреве которого библейский пророк провёл три дня. В церковнославянской Елизаветинской Библии и Синодальном переводе (Иона 2. 1) сказано: «И повелѣ Господь кѣту великому пожрѣти Иону. И бѣ Иона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи» / И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи». В обоих случаях, естественно, имеет место воспроизведение соответствующего фрагмента Септуагинты (ΚΑΙ προσέταξε Κύριος κήτει μεγάλῳ καταπιεῖν τὸν Ἴωνᾶν· καὶ ἦν Ἴωνᾶς ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους τρεῖς ἡμέρας καὶ τρεῖς νύκτας)³, с которой переводился

³ Ср. замечание А.С. Десницкого: «Кит появляется в греческом переводе; в евр. тексте Иону глотает *большая рыба* (хотя вполне возможно, что автор именно так и назвал бы кита)» [4]. Впрочем, данная точка зрения в той или иной форме была преобладающей среди православных комментаторов уже в XIX столетии, о чем свидетельствует, в частности, написанная с весьма консервативных позиций «Библейская энциклопедия» 1891 г., хотя её авторы и пытались совместить естественно-научное и филологическое объяснение с религиозно-символическим: «Под словом *кит*, поглотившим Иону,

¹ Среди таких текстов называют книги Иова и пророка Исаяи.

² Первоначальный текст перевода опубликован в Journal of Inklings Studies vol 4, № 2 (October 2014).

церковнославянский текст и «под руководством» (см. выше) которой выполнялся с еврейского Синодальный перевод. Отметим, что как в латинской Вульгате, так и в Библии короля Иакова, переводившихся с еврейского, при передаче данного фрагмента речь идёт именно о «большой рыбе» (et praeparavit Dominus piscem grandem ut degluterit Ionam et erat Iona in ventre piscis tribus diebus et tribus noctis / Now the Lord had prepared a great fish to swallow up Jonah. And Jonah was in the belly of the fish three days and three nights¹). В этом отношении (лингвистическое отличие от Библии короля Иакова в данном случае предметом рассмотрения не является) вариант Толкина совпадает с процитированными традиционными версиями: “Yahweh had arranged a great fish should be there to swallow Jonah; and Jonah remained in the belly of the fish three days and three nights” [Book of Jonah 2: 1]. Тем не менее, говоря в упомянутом выше письме об этом эпизоде, Дж. Толкин счёл необходимым специально отметить, что речь в нём идёт не о ките, а именно о большой рыбе: “it’s not really said to be a whale’s but a big fish” [8].

Таким образом, и в западной тра-

многие естествоиспытатели разумеют акулу <...> Да и само греческое слово *Kytos*, которым LXX толковников перевели Еврейское слово, в древности жило общим наименованием больших морских рыб и животных. Впрочем, для всемогущества Божия нет ничего невозможного. Пр[орока] Иону по воле Божией чудесно мог поглотить действительно кит, равно как чудесно Иона мог пробыть в чреве кита три дня и три ночи, и потом чудесно быть выброшенным из его утробы живым и неповреждённым в образе тридневного погребения и воскресения Христа Спасителя» [1, с. 398–399].

¹ По нумерации King James Version – (Johnas 1. 17)

диции (как католической, так и протестантской) пресловутый кит всё-таки фигурирует. И объясняется эта кажущаяся нелогичность тем, что в Евангелии от Матфея (Мф. 12: 40), где содержится соответствующая реминисценция, в полном соответствии с греческим текстом Септуагинты (ᾧσπερ γὰρ ἦν Ἰωνᾶς ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους τρεῖς ἡμέρας καὶ τρεῖς νύκτας) говорится именно о ките, что добросовестно и отразили – независимо от конфессиональной принадлежности – создатели традиционных версий (sicut enim fuit Ionas in ventre ceti tribus diebus et tribus noctibus <...> / For as Jonas was three days and three nights in the whale` belly <...>).² Не лишено интереса, что если в исходном тексте Библии Лютера в Ветхом завете упомянута большая рыба: (Aber der HERR verschaffte einen großen Fisch, Jona zu verschlingen. Und Jona war im Leibe des Fisches drei Tage und drei Nächte (Iona 1: 17) – нумерация аналогична Библии короля Иакова), а в Новом – всё тот же кит (Denn gleichwie Jona war drei Tage und drei Nächte in des Walfisches Bauch <...> (Mat. 1: 40), – то в редакции 1984 г. нумерация Книги пророка Ионы уже иная, а сама эта зоологическая несообразность устранена (Aber der HERR ließ einen großen Fisch kommen Iona zu verschlingen. Und Iona war im Leibe des Fisches drei Tage und drei Nächte (Iona 2. 1) / Denn wie Iona drei Tage und drei Nächte im Bauch des Fisches war <...> (Mat. 1: 40))³.

² По тексту Синодального перевода: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи <...>»

³ В современном русском переводе РБО данные фрагменты представлены следующим образом: «Господь послал большую рыбу проглотить Иону. Три дня и три ночи пробыл Иона в её утробе / Как Иона пробыл в чреве морского чудовища три дня и три ночи <...>» [2, с. 1014, 1071]

Ещё одна особенность перевода Дж. Толкина, также не оставшаяся без внимания исследователей – передача молитвы Ионы в виде текста, оформленного как стихотворное произведение. Ниже приводится его начало:

On my distress I cried to Yahweh
And ye answered me;
From the belly of Sheol I cried,
And you have heard my voice [5, 2: 3–10]¹.

Правда, как отмечали исследователи, собственно о стихотворной форме в данном случае можно говорить весьма условно, поскольку, скорее всего, подобная репрезентация почти исключительно служит для обозначения пауз при декламации и не отражает каких-либо синтаксических или структурных особенностей, присущих поэтическому произведению. Достаточно сдержанно оцениваются и лите-

ратурные достоинства данного перевода: “The line division appears intended to indicate pauses in speaking aloud, and does not follow any syntactic or metrical structure. Indeed, there is nothing especially distinctive about the translation as a whole, and one would be hard pressed to link it to the author of *The Lord of the Rings* or the verse translator of *Gawain and the Green Knight*” [15].

Подводя итог, заметим, что, хотя работа Дж. Толкина в качестве участника перевода Священного Писания не принадлежит к числу основных направлений его творчества, однако, как было показано, она содержит ряд интересных моментов (в частности, в плане сопоставления с другими версиями) и, с этой точки зрения, на наш взгляд, заслуживает большего внимания, чем то, которое обычно уделяется участию писателя в подобного рода деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архимандрит Никифор. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Кн. 1. М.: Типография А.И. Снегиревой, 1891. 494 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: Издание Российского библейского общества, 2011. 1408 с.
3. Гумеров А. Иегова. Яхве или Господь? [Электронный ресурс] // «Азбука веры»: [сайт]. URL: <http://azbyka.ru/iegova-yahve-ili-gospod> (дата обращения: 31.08.2016).
4. Десницкий А.С. Книга пророка Ионы [Электронный ресурс] // Православие и мир [сайт]. URL: <http://www.pravmir.ru/kniga-proroka-ionyi/> (дата обращения 31.08.2016).
5. Book of Jonah, translated by J.R.R. Tolkien. Jerusalem Bible, 1966. [Электронный ресурс]: <http://imgur.com/a/gBSQb> (дата обращения: 29.08.2016).

¹ Ср. в Современном русском переводе РБО (основу новозаветной части составила «Радостная Весть» В.Н. Кузнецовой):

В беде призывал я Господа –
И Он мне ответил,
Кричал из чрева Шеола –
Ты услышал меня! [2, с. 1016].

Отметим, что лексема *Шеол*, обозначающая в иудейской мифологии царство мёртвых и фигурирующая также и у Толкина, и в переводе РБО, в традиционных версиях отсутствует (равно как и стихотворная форма). В Библии короля Иакова находим *out of the belly of hell cried I*, в Синодальном переводе – *из чрева преисподней я возопил*.

6. Holderness G. Re-Writing Jesus. Christ in 20th Century Fiction and Film. London – New Delhy – New-York – Sydney: Bloomsbury, 2015. 264 p.
7. Jenkins J. Outline of How Bible Came to Us. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docsford.com/document/646250> (дата обращения: 29.08.2016).
8. Letter to Michael George Tolkien (24 April 1957) [Электронный ресурс] // Tolkien Gateway [сайт]. URL: [http://tolkiengateway.net/wiki/Letter_to_Michael_George_Tolkien_\(24_April_1957\)](http://tolkiengateway.net/wiki/Letter_to_Michael_George_Tolkien_(24_April_1957)): (дата обращения 31.08.2016).
9. Pius PP. XII Litterae Encyclicae Divino afflante Spiritu. [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/la/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_19430930_divino-afflante-spiritu.html (дата обращения 29.08.2016).
10. Swain L.J. Judaism. // J.R.R. Tolkien Encyclopedia. Scholarship and Critical Assessment. Ed. M.D.C. Drout. New-York – London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. Pp. 314–315.
11. The Jerusalem Bible (1966). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bible-researcher.com/jerusalem-bible.html#foreword/> (дата обращения 29.08.2016).
12. Tolkien, Bard of the Bible. [Электронный ресурс]. URL: <https://landofthebluemoon.files.wordpress.com/2014/12/tolkien-bard-of-the-bible.pdf> (дата обращения 29.08.2016).
13. Vatican Says No ‘Yahweh’ In Songs, Prayers At Catholic Masses. // Catholic Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.catholic.org/news/ae/music/story.php?id=29022> (дата обращения 30.08.2016).
14. Westminster Version. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibles.wikidot.com/westminster> (дата обращения: 30.08.2016).
15. Wolfe B.N. Tolkien’s Jonah [Электронный ресурс]. URL: http://inklings-studies.com/wp-content/uploads/2015/03/03_jis_4-2_wolfe_on_Tolkien-Jonah1.pdf (дата обращения 29.08.2016).

REFERENCES:

1. Arkhimandrit Nikifor. Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleiskaya entsiklopediya. Kn. 1. [Archimandrite Nicephorus. Complete popular illustrated encyclopedia of the Bible. Book 1.]. М., Tipografiya A.I.Snegirevoi, 1891. 494 p.
2. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Sovremennyyi russkii perevod [The Bible. The Holy Scriptures of the old and New Testament. Canonical. Modern Russian translation]. М., Izdanie Rossiiskogo bibleiskogo obshchestva, 2011. 1408 p.
3. Gumerov A. Iegova. Yakhve ili Gospod'? [Elektronnyi resurs] [Jehovah, Yahweh or the Lord? [E-source]] «Azбука very» [sait]. ["The ABCs of the faith" [website]]. URL: <http://azbyka.ru/iegova-yaxve-ili-gospod> (request date: 31.08.2016)
4. Desnitskii A.S. Kniga proroka Iony [Elektronnyi resurs] [The book of Jonah [E-source]] // Pravoslavie i mir [sait]. [Orthodoxy and the world [website]]. URL: <http://www.pravmir.ru/kniga-proroka-ionyi/> (request date: 31.08.2016)
5. Book of Jonah, translated by J. R. R. Tolkien. Jerusalem Bible, 1966. [E-source]: <http://imgur.com/a/gBSQb> (request date: 29.08.2016).
6. Holderness G. Re-Writing Jesus. Christ in 20th Century Fiction and Film. London – New Delhy – New-York – Sydney: Bloomsbury, 2015. 264 p.
7. Jenkins J. Outline of How Bible Came to Us. [E-source]. URL: <http://www.docsford.com/document/646250> (request date: 29.08.2016).
8. Letter to Michael George Tolkien (24 April 1957) [E-source] // Tolkien Gateway [website]. URL: [http://tolkiengateway.net/wiki/Letter_to_Michael_George_Tolkien_\(24_April_1957\)](http://tolkiengateway.net/wiki/Letter_to_Michael_George_Tolkien_(24_April_1957)) (request date: 31.08.2016).

9. Pius PP. XII Litterae Encyclicae Divino afflante Spiritu. [E-source]. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/la/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_19430930_divino-afflante-spiritu.html (request date: 29.08.2016).
10. Swain L.J. Judaism. // J.R.R. Tolkien Encyclopedia. Scholarship and Critical Assessment. Ed. M.D.C. Drout. New-York – London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. pp. 314–315.
11. The Jerusalem Bible (1966). [E-source]. URL: <http://www.bible-researcher.com/jerusalem-bible.html#foreword/> (request date: 29.08.2016).
12. Tolkien, Bard of the Bible. [E-source]. URL: <https://landofthebluemoon.files.wordpress.com/2014/12/tolkien-bard-of-the-bible.pdf> (request date: 29.08.2016).
13. Vatican Says No 'Yahweh' In Songs, Prayers At Catholic Masses. // Catholic Online [E-source]. URL: <http://www.catholic.org/news/ae/music/story.php?id=29022> (request date: 30.08.2016).
14. Westminster Version. [E-source]. URL: <http://bibles.wikidot.com/westminster> (request date: 30.08.2016).
15. Wolfe B.N. Tolkien's Jonah [E-source]. URL: http://inklings-studies.com/wp-content/uploads/2015/03/03_jis_4-2_wolfe_on_Tolkien-Jonah1.pdf (request date: 29.08.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета;

e-mail: khukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии Московского педагогического государственного университета;

e-mail: assya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Georgij T. Khukhuni – doctor of Philology, professor, head of the chair of anglicistics studies and theory of language of Moscow State Region University;

e-mail: khukhuni@mail.ru

Anna A. Osipova – Doctor of Philology, docent, deputy dean, Institute of Philology Moscow State University of Education of Moscow State Pedagogical University;

e-mail: assya@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Дж. Р. Р. Толкин в истории библейского перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 90–98.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-90-98

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Khukhuni, A. Osipova. J.R.R. Tolkien in the history of Bible translation // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 90–98.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-90-98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА

3 января 2017 г. исполняется сто двадцать пять лет со дня рождения Джона Рональда Руэла Толкина (англ. *John Ronald Reuel Tolkien*) (3 января 1892 – 2 сентября 1973). Джон Р. Р. Толкин – знаковая фигура в мировой культуре XX и XXI вв. На основе его книг созданы фильмы, мультипликации, аудиопьесы, театральные пьесы, компьютерные игры. В литературе большинства стран появилось огромное количество подражаний трудам Толкина, их продолжений или антитез.

Джон Р. Р. Толкин известен, прежде всего, как автор «Властелина колец» (англ. *The Lord of the Rings*), переведённого на 38 языков. Созданию прославившего его произведения предшествовало написание волшебной сказки "Хоббит, или туда и обратно", в которой появился на свет персонаж, ставший затем героем получившей признание трилогии. Идея создания прославившего его произведения пришла к Толкину поздним весенним вечером 1936 г., во время проверки экзаменационных сочинений. Сам он рассказывал: *«Один из абитуриентов расщедрился и сдал целую страницу пустой, ничего на ней не написав – это лучшее, что может случиться с экзаменатором! И я вывел на ней «В норе, глубоко в земле жил хоббит». Вообще-то я хотел написать «кролик» (англ. rabbit), а вышло «hobbit». С учётом латинского «hoto», то есть «человек», получается что-то вроде человекокролика. Имена существительные всегда обрастают в моём сознании рассказами. И я подумал, что не мешало бы выяснить, кто такой этот хоббит, и какой была нора. Со временем моя случайная описка обросла целым миром Средиземья».*

Последовавший за сказкой о хоббите «Властелин колец» был написан как единое повествование, но из-за объёма при первом издании (1954–1955) его разделили на три части: «Братство Кольца», «Две крепости» и «Возвращение короля». В виде трилогии он публикуется по сей день. Вместе с волшебной сказкой «Хоббит, или туда и обратно» (1937) и циклом эльфийских преданий «Сильмариллион» (изданным его сыном в 1977) они составляют пентологию о «Средиземье».

Толкин полагал, что если его и запомнят, то только благодаря «Властелину колец». Для него же самого его литературное творчество (писатель, поэт, переводчик) – производное от главного дела: изучения языков и занятия лингвистикой (*«Лингвистические структуры всегда действовали на меня, как музыка или цвет»*). Здесь он многогранен: полиглот, литературовед, медиевист, филолог, конлангер (создатель искусственных языков), иллюстратор собственных произведений, профессор Оксфордского университета.

По признанию самого Джона Р.Р. Толкина, языковая игра всякий раз становилась импульсом к литературному творчеству. Ещё во времена студенчества, прочитав эпическую поэму «Христос» (англ. Christ) поэта VIII в. Кюневульфа, Толкин был настолько вдохновлён («*Эта поэма глубоко взволновала меня, как будто что-то внутри меня ожило, пробудилось ото сна. За этими словами скрывалось что-то далёкое, таинственное и прекрасное*»), что красивое имя Эарендил (англ. Earendel) захотелось поместить в языковой ряд, а Средиземье (англ. middangeard) захотелось населить – так появился уникальный мир со своей системой языков и мифологией, строительство которого продолжалось в течение шестидесяти лет и так и не было завершено.

Джон Р.Р. Толкин любил лингвистические шутки и неологизмы и в изобилии наполнил ими «Властелина колец». Такими искусственными словами, бросающими вызов переводчику, стали придуманные Толкином *eleventy-one* – хоббитье название «возраста трёх единиц», *bewuther* «сбивать с толку – букв. сносить завывающим ветром» (“*Bilbo rushed along the passage, very angry, and altogether bewildered and bewuthered – this was the most awkward Wednesday he ever remembered*”) и *bebother* со значением «нарушать комфорт, доставлять неприятности» (появляется в повелительном наклонении в форме своеобразного проклятья: “*Confusticate and bebother those dwarves!*”). Ещё одним авторским изобретением становится *confusticate*. Возможно, здесь содержится намёк на *confuse* «путать, сбивать с толку» и *confound* «приводить в замешательство, ставить в тупик», а так же на английское *fustigate* «бить,

колотить», образованное от латинского *fustis* «палка, дубинка».

Джон Р.Р. Толкин с увлечением осваивал языки (особенно его интересовали древние языки) и в той или иной степени владел греческим, древнегреческим, ивритом, латинским, французским, немецким, финским, валлийским, норвежским и древне-норвежским (древнеисландским), готским, шведским, датским, англосаксонским (древнеанглийским) и среднеанглийским, голландским, испанским, итальянским, русским и гэльским языками.

Учёный увлечённо конструировал искусственные языки, основываясь на красоте звучания. Он – один из самых талантливых конлангеров. Трудно назвать точное число созданных им языков, поскольку не все его лингвистические работы опубликованы, но очевидно, не менее пятнадцати разработанных им языков с собственной грамматической системой и лексикой входит в так называемую эльфийскую языковую семью.

Кроме того, он был талантливым каллиграфом и разработал системы письменности, называемые «рунами Толкина».

Джон Р.Р. Толкин осуществил перевод на современный английский язык сложнейшей по содержанию эпической поэмы «Бёовульф», самой длинной поэмы на древнеанглийском языке, состоящей из 3182 строк и написанной аллитерационным стихом. Проработав над переводом шесть лет, он закончил его в 1926 г., но не опубликовал. Поэма была отредактирована его сыном и опубликована в 2014 г.

Позже Толкин перевёл книгу пророка Ионы для издания «Иерусалим-

ской Библии», которую опубликовали в 1966 г.

Целью Джона Р. Р. Толкина было создание для Англии мифологии, которой как он считал, у неё не было – в отличие от кельтских, романских, германских соседей. Он осуществил свою мечту и создал мифологию, опирающуюся на мифо-эпические циклы народов Западной и Северной Европы («Эдде», «Калевале», отчасти – «Беовульф» и др.), католическую религиозную концепцию и английскую литературную традицию.

Как выдающийся лингвист Дж.Р.Р. Толкин участвовал в работе над многотомным «Оксфордским словарём английского языка» (писал раздел истории и этимологии слов германского происхождения, начинающихся с буквы «W»).

В 1920 г., начав преподавать в Университете Лидса, выпустил «Словарь среднеанглийского языка». Его последующая преподавательская и научная деятельность связана с Оксфордским университетом, где он в 1922 г. получил должность профессора англосаксонского языка и литературы, став одним из самых молодых профессоров и вскоре заслужил репутацию блестящего филолога.

В 1926 г. Джон Р.Р. Толкин познакомился с К.С. Льюисом (учёным, преподавателем философии в колледже Оксфордского университета, писателем и богословом). Вокруг Толкина и Льюиса вскоре образовался небольшой кружок «Инклинги» (англ. *inkling* – намёк (на что-л.), лёгкое подозрение), объединивший литераторов, студентов и преподавателей, увлечённых древними языками и мифами, и просуществовавший почти

два десятилетия (с 1930 по 1949 год). Опираясь на мифологию и религиозную мистику, «Инклинги» противопоставили царившему после первой мировой войны литературному маргинализму, т.е. произведениям, в которых преобладали ирония, цинизм и отрицание авторитетов, новый жанр – фэнтези, призванный в период распада Британской империи напомнить соотечественникам о том, что нация – это община, которая знает и бережно хранит свою историю и культуру.

Джон Р.Р. Толкин – автор многочисленных трудов по лингвистике, фольклору и мифологии.

Ему присуждены многочисленные литературные и кинематографические британские и международные премии и награды, однако в 1961 г. его кандидатура на присуждение Нобелевской премии по литературе была отклонена с формулировкой, что книги Толкина «ни в коей мере нельзя назвать прозой высшего класса».

Движение «толкинистов» пользуется популярностью и по сей день. Ежегодно выпускаются многочисленные толкинистские энциклопедии, справочники и атласы, в которых всё выглядит так, будто Средиземье действительно существует. Сам писатель говорил о себе в одном из последних интервью: *«Я люблю сады, деревья, я курю трубку, и мне нравится здоровая несолёная и незамороженная еда. Я люблю и даже решаюсь носить в наше скучное время жилеты, украшенные орнаментом. Я очень люблю грибы, у меня простое чувство юмора, которое многие критики находят скучным и неинтересным. Я поздно ложусь и поздно встаю, когда есть такая возможность. На самом деле я хоббит, только большой».*

Имя Толкина носят: астероид (2675) *Tolkien*; кратер *Tolkien* на Меркурии, морской рачок-бокоплав *Leucothoe Tolkieni* с системы подводных хребтов Наска и Сала-и-Гомес (Тихий океан); с тафилинида *Gabrius Tolkieni* Schillhammer, 1997 (обитает в Непале (Khandbari, Induwa Khola Valley)); ископаемая двустворка *Martesia Tolkieni* Kennedy, 1974; род ископаемых трилобитов *Tolkienia* из семейства *Acastidae* (*Phacopida*). Имена героев его произведений и названия географических объектов Средиземья носят многие реальные географические объекты и животные.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булкин Алексей Петрович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Московской гуманитарно-технической академии;
e-mail: bulkinap@yandex.ru

Ощепкова Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Соловьёва Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: natavs@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey Bulkin – doctor of pedagogical sciences, professor, professor of psychology and pedagogics department of the Moscow Humanitarian and Technical Academy;
e-mail: bulkinap@yandex.ru

Victoria Oshchepkova – doctor of Philology, professor, head of the English philology department at the Institute of linguistics and cross-cultural communication of the Moscow Region State University;
e-mail: oschep2014@yandex.ru

Natalia V. Solovyova – candidate of Philology, associate professor, assistant professor at English philology department at Institute of linguistics and cross-cultural communication of the Moscow Region State University;
e-mail: natavs@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Булкин А.П., Ощепкова В.В., Соловьёва Н.В. К юбилею Джона Рональда Руэла Толкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 5. С. 99–102.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Bulkin, V. Oschepkova, N. Solovyova. To John Ronald Ruel Tolkien's anniversary // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2016. no. 5. Pp. 99–102.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2016. №5

Над номером работали:

Литературный редактор И.Н. Филиппова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик Н.Г. Юрышева
Корректор А.С. Барминова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆, Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6,75, усл. пл. 6,5.

Подписано в печать: 30.11.2016. Выход в свет: 15.12.2016. Заказ № 2016/11-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А